

"Евгений Щепетнов - Звереныш"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

Евгений Щепетнов

Звереныш

© Щепетнов В., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Евгений Владимирович Щепетнов – современный российский писатель, автор книг в жанре фантастики и фэнтези. Родился в 1961 году. Работал геологом и нефтяником, служил в милиции, был предпринимателем.

Писать начал в 2011 году, просто для души.

Профессионально занялся писательским ремеслом в 2012 году, в январе, выложив главы первой книги в стиле фэнтези на Самиздат. На конец 2015 года написано 39 книг, из них издано 30. Остальные ждут очереди в печать.

Хобби: кладоискательство, охота, дайвинг.

Глава 1

- Беги, сынок! Беги!

Она поудобнее перехватила тяжелый топор и с размаху опустила его на щит смуглолицего воина, с ухмылкой наблюдавшего за этой отчаянной попыткой.

Женщина была сильна и довольно красива – высокая, светловолосая, крепкая. Хорошая рабыня! Потому воин и не спешил ее убивать. Зачем? Это деньги! Хорошие деньги! Люди народа ростов ценились в Империи Занусс – выносливые, сильные, вот только строптивые. Но зануссы умели обламывать рабов. Женщины хороши – статные, высокие, белые – и ценятся смуглыми зануссами, любителями экзотики!

Мальчишка? Да пусть бежит. Куда он денется? Застыл, как мышь перед змеей...

- Сынок, беги! Беги! И не забудь, что ты рост! Помни свой народ! Помни нас с папой!

Женщина снова нанесла прямой удар, но в последний момент, как опытный воин, переменяла направление движения и с силой ударила в наголенник воина, смяв его и прорубив до самой кожи. Если бы воин не успел отдернуть ногу – она бы сейчас валялась на земле, и участь одноногого бойца была бы незавидна – и это в тридцать лет...

Ярость убийцы застила глаза воину, и все мысли о том, что эта ростийка ценна как товар, вылетели, будто выметенные морским ветром – осталось лишь желание убить.

Умелый и сильный боец бросился вперед – удар тонким, длинным мечом – и древко топора перерублено пополам!

Еще удар!

Голова женщины слетела с плеч, покатила по земле, остановившись у ноги мальчишки, так и стоящего столбом, будто его парализовало. Длинные светлые волосы матери легли на стоптанный мягкий башмак. Мальчишка опустил голову и с недоумением посмотрел на голову той, кто еще сегодня утром нарезала хлеб, трепала его по голове и смеялась, вспоминая, как вчера он свалился с причала, торопясь запрыгнуть в лодку к отцу, который сейчас лежал со стрелой в груди и старым мечом в руке у порога дома.

Отец не успел никого убить. Впрочем, как и многие из односельчан, павших в неравной борьбе с захватчиками.

Росты были сильными и смелыми людьми – тот, кто выходит в море, не может быть трусом, – море не любит трусливых. Но что они могли против людей, которые сделали разбой, убийство и войну своим главным в жизни делом? Закованные в металл, тренированные, умелые зануссы легко справлялись с рыбаками и охотниками. Потери захватчиков были совсем малы, и они оправдывали себя. Каждый из тех, кто доживет до конца похода, получит приличную сумму звонкого серебра, достаточную для того, чтобы безбедно прожить не один месяц, а если жить скромно – то и год. Риск? А что такое жизнь без риска?! Воин должен рисковать! И когда он погибнет, то упокоится в чертогах бога войны, и ему будут прислуживать все враги, которых воин убил за время своей короткой, но яркой жизни. Стыдно умирать в постели седым стариком! Жить нужно ярко и так, чтобы враги выли от ярости и боли, а друзья кричали и славили!

Воин плюнул на труп женщины и, прихрамывая, подошел к мальчишке. Протянул руку, чтобы схватить за шиворот, но тот внезапно ожил, будто с него сняли заклятие, и с яростным визгом вцепился в руку мужчины, прокусив ее выше запястья, между стальной перчаткой и налокотником, так, что брызнула кровь.

Занусс от неожиданности завопил, замахнулся мечом, но тут же одумался и ударил пацана рукоятью меча, вырубив его так же верно, как если бы ударил булыжником из фундамента рыбацкой хижины. Но даже сейчас мальчишка, уже в беспомощности, не отпускал руку врага, и тот кривился от боли, пытаясь разжать челюсти подростку. Через пару секунд воин достал кинжал, замахнулся, чтобы рассечь зверенышу шею, но был остановлен резким окриком:

– Стоять! Бас, ты спятил?! Мальчишка крепкий, шустрый, нам такие нужны! Зажми ему за ушами, и все! Не знаешь, как справиться с рабом?! Что ты за воин? Будешь оштрафован на пять монет за глупость!

Высокий могучий воин со знаком сотника укоризненно покачал головой, пошел дальше, но вдруг остановился:

– Я прослежу, чтобы он был на корабле! Смотри, допрыгаешься! От тебя много смертей, но мало пленных. Похоже, ты не очень-то заботишься о том, чтобы заработать, и заработком товарищей не озабочен! Я подумаю над этим. Эту женщину можно было и не убивать – ты разучился драться? Не знаешь, как разоружить какую-то селянку? Она стоит денег, а ты отрубил ей башку! Дурак!

Сотник ушел, а воин все еще стоял над лежащим в беспомощности мальчиком и, намазывая мазью рваную рану, с бессильной яростью думал о том, что когда-нибудь заработает достаточно денег, чтобы уйти из ловцов, и тогда ни один урод не будет отдавать ему приказы! А еще купит себе парочку ростов и будет творить с ними все, что захочет! Они ответят за свою

строптивость!

Бас воровато посмотрел по сторонам и вдруг сильно пнул мальчишку в бок. В животе мальчугана что-то хлюпнуло, и он застонал, внезапно очнувшись. Тогда ловец пнул еще и в голову, стараясь бить так, чтобы не осталось следа.

- Пошел!

Воин схватил мальчика за шиворот, грубо поднял, поставил на ноги и толкнул туда, где уже собирали оставшихся в живых жителей селения. Их было сотни полторы или две, в основном дети. Были и взрослые – большинство из них симпатичные женщины. Их деловито вязали цепочками, друг за другом, и переправляли на корабль. Туда же отправлялось все ценное, что можно было найти у этого нищего народца, живущего рыболовством и охотой – мечи, топоры, одежда, шкуры – все мало-мальски пригодное для продажи. Рачительный хозяин не должен бросать на дороге и медяк – из медяков складывается серебро, из серебра – золото.

Взрослых мужчин в плену не было. Росты мало того что отчаянно сопротивлялись, они были ко всему прочему неуправляемы, упрямы, часто бунтовали. Так что всех мужчин старше четырнадцати лет обычно убивали на месте. Лучше взять десятилетнего мальчишку, воспитать его как следует, и тогда он вырастет настоящим воином – бесстрашным, жестоким, верным Империи до последней капли крови. Для этого есть особые методы – Империя умеет дрессировать своих «псов».

По большому счету сотник был прав – этот мальчишка стоит хороших денег и Корпус Псов заплатит полновесной монетой за щенка, но... все равно обидно.

Бас решил: хватит уже этой работы. Деньги есть, после похода еще дадут, так что можно заняться тем, чем хочется – открыть свое дело, торговать, завести семью. Достаточно рисковать жизнью – тридцать лет уже, а ни семьи, ни детей... только тесные, вонючие, пропахшие грязным бельем каюты, трактиры и бордели с пахнущими дешевым вином шлюхами. Все! Решено! Увольняться!

Занусс довольно кивнул головой и поспешил туда, где распоряжался сотник – нужно было показаться, сделать вид, что трудится в поте лица, иначе опять оштрафует, скажет, что не работал. А Басу теперь каждая монета в дело.

Всего через два часа рабы были рассортированы и загружены в трюмы – женщины и девочки отдельно от мальчиков. Огромный трехмачтовый корабль мог вместить приличное количество воинов и несколько сотен рабов, размещенных в нескольких отсеках.

Условия содержания, мягко сказать, нелегкие. Процент отсева был довольно высок – от двадцати до пятидесяти процентов, и зависел он от многих обстоятельств – погоды, например, а еще от того, в чьи руки попали эти люди.

Мастеров-ловцов можно было бы условно разделить на две группы – в первую входили те, кто старался сохранить максимальное количество пойманных людей. Они предоставляли «овцам» более щадящие условия – вдоволь воды, достаточно еды, чтобы не отнимали ее у соседей по плену.

Во вторую группу входили те ловцы, которые считали, что тяжелые условия содержания «овец» позволяют отсеять слабых, оставляя тех, кто наиболее силен, а значит – ставит бóльшую цену при продаже. Ведь это более качественный товар!

Оба метода имели свои плюсы и минусы. Первая группа меньше работала, быстро забивая трюмы и сразу уходя в море, домой. Однако их рабы стоили дешевле, ведь среди них был большой процент слабых.

Вторая группа затрачивала на подбор груза намного больше времени и сил, однако их «овцы» больше стоили на рынке, ведь покупатели знали, что если рабы выжили при перевозке, то вынесут любые условия, потому что хуже тех, что в трюме корабля рабовладельцев, быть не может.

Конечно, и та и другая группа сразу же отделяли особо ценных рабов, помещая их в элитный загон. Вернее, не рабов, а рабынь – красивых девушек, женщин, девочек. Совсем маленьких не брали – они гарантированно умрут. «Мелкоту» обычно убивали, чтобы своими воплями не портили настроение. Или же просто бросали умирать в разоренном селении. До них никому не было дела.

Та команда ловцов, что высадилась в прибрежном селении ростов, принадлежала ко второй группе ловцов, но даже среди них мастер Джубокс отличался жесткостью, о которой ходили легенды. Удачливый, смелый, он всегда знал, куда нужно направить свой черный, пахнущий смертью и нечистотами корабль, наводивший ужас на побережья всего Северного материка. Будто бог войны подсказывал этому квадратному обезьяноподобному коротышке то селение, в котором есть ценные рабы и мало воинов, способных оказать достойное сопротивление.

Удача? Чутье? Может быть. Но в любом случае одного-двух походов в год хватало, чтобы этот человек жил безбедно в великой Империи Занусс, любимой богами, протянувшейся почти на половину огромного Южного материка.

Работорговля приносила огромную прибыль. Хватало всем – и мастеру ловцов, и его воинам, охотно нанимающихся в экспедицию, зная, что внакладе не останутся. Империя процветала, и не в малой степени в результате того, что многое в ней производилось руками рабов – разумных механизмов, которые всегда можно заменить на другие. Если понадобится, конечно. И эти механизмы еще и сами размножались, что немаловажно.

* * *

Он проснулся от боли. Кто-то укусил за ногу так, что боль пронзила до самого сердца. Мальчик застонал, потянулся к ноге, чтобы обнаружить кровоточащую ранку и зажать ее грязной ладонью – совершенно инстинктивно, рефлексивно, как моргает глаз или вздрагивает тело, получив удар кожаным бичом.

Мальчик теперь знал, каково это, получить удар бичом. Это сродни тому, как если бы к коже приложили раскаленный клинок. Вспухает красная полоса, сочится кровь, на которую тут же слетаются мухи. А если уснуть, то на запах окровавленного мяса сбегаются голодные крысы, и тогда все еще хуже. Гораздо хуже. Вот как сейчас – крыса разорвала кожу, добираясь до сладкой плоти мальчугана.

Ему было уже четырнадцать, но выглядел он младше своих лет, что частенько расстраивало мальчугана до слез. Он не был слабым, скорее наоборот – жилистый, сильный, парнишка был сильнее многих сверстников, но на вид ему было одиннадцать-двенадцать, к тому же мал ростом... на улице не очень таких любили. Маменькин сыночек – самое безобидное определение, которое мог услышать мальчишка. И слышал.

Они плыли уже месяц. Вначале корабль прошел вдоль побережья, покрыв кровью и пеплом суровые северные скалы на несколько дней пути, а потом, нагруженный до предела, ушел на

юг, возвращаясь туда, откуда никому из рабов никогда больше не вернуться, растворяясь в земле чужого материка, обращаясь в прах, как и все существа на этом свете. Только с одним отличием: южане уходили в землю своей родины, рабы же – в чужую, вражескую, мерзкую землю, ненавидимую всеми клеточками их истерзанных тел.

Впрочем, часть рабов, в конце концов, становилась подданными Империи. Свободными. Но добиться этого было очень трудно. Как может раб заплатить выкуп, если он ничего не получает за свою работу? Как может выкупиться топор, или лопата, или метла – суть инструменты, делающие жизнь человека более комфортной? Ведь раб на самом деле – тот же инструмент, только разумный. Никак не человек.

Мальчик сел, опершись на стену, посмотрел по сторонам, тяжело дыша и морщась от боли. В полумраке трюма лежали, сидели, стояли десятки мальчишек разного возраста, примерно от десяти до пятнадцати лет. Голодные, грязные, многие из них были больны, покрыты нарывами и воспалившимися ранами. Время от времени в трюм спускали едкую вонючую мазь, которой нужно было мазать свои болячки – надсмотрщик строго следил, чтобы раны были смазаны. Не потому, что ему было жаль подростков, – товар не должен пропасть зря.

Те, кто не хотел мазаться гадкой мазью, тут же понимали, что от их желаний уже ничего не зависит, а их мнение никому не интересно. Не хочешь мазать – получи удар бичом, да так, что кровь брызнет из-под нежной, привыкшей к материнским ладоням кожи. И ничего не поможет – ни слезы, ни мольбы, а тем более угрозы. В первый же день смелого мальчика, который пообещал зарезать надсмотрщика как барана, заповороли до смерти, оставив труп лежать прямо в трюме, среди живых.

Мертвец лежал трое суток, раздувшись от жары и почернев до неузнаваемости. Это был первый урок строптивым рабам.

Второй урок они получили тогда, когда им впервые выдали еду. Это были засохшие лепешки и вареные плоды патата – пищу спустили в трюм в больших корзинах, не разделенную на порции. Просто корзины, лепешки и пататы. Успеешь, сумеешь отнять у голодных соперников – будешь жить. Не сумеешь – без еды ослабеешь и пойдешь на корм рыбам, а прежде – трюмным крысам, толпами бегающим по желобам вдоль стены.

Первую раздачу мальчик пропустил, не успел – те, кто оказался ближе, расхватали еду, и он остался ни с чем. На второй день он решил: «Я должен жить! Я должен отомстить тому, кто убил моих родителей! Я должен есть, чтобы отомстить! Я должен выжить во что бы то ни стало!»

И мальчик забыл свое имя. Он превратился в одного из зверьков, тварей, как их называли рабовладельцы. Мальчик был готов убивать – ради еды, ради воды, ради возможности остаться в живых.

Он не задумывался, что с ним будет дальше – что будет, то и будет. Главное – кусок лепешки, разваренный патат, сухое место под люком, в который опускают еду и воду. И мальчик дрался. Жестоко, так, как дерутся звери – с визгом, с яростью, пуская пену, как одержимый воин.

После первых же стычек остальные дети убедились, что с ним лучше не связываться – пусть возьмет то, что ему нужно, тем более что Щенок много не брал, только то, что ему было необходимо. Если бы он зарвался, набирал себе полные руки еды и потом чавкал в одиночестве – его бы давно попытались убить. Но то ли мальчик был очень умен, то ли инстинкт самосохранения его не подводил, но он брал по минимуму – одну лепешку, пару пататов, не

более того.

Удар бичом Щенок получил после того, как яростно рыкнул на надсмотрщика, что спихнул его в сторону, когда мальчик в очередной раз потянулся к корзине с едой. Рык вышел неосознанно, как если бы кто-то попытался отнять еду у сторожевой собаки.

Бичом – это было очень больно, обидно, но Щенок сдержал себя. Он должен выжить. Должен отомстить. Должен. Он – рост! «Не забывай, ты – рост!» – сказала мама. И мальчик не забывал.

Что губит людей, попавших в беду, когда весь мир ополчается против них? Болезни, голод, раны – это само собой. Но еще – отчаяние. Чувство того, что все потеряно, все пропало, и больше ничего не будет.

Что можно противопоставить отчаянию? Идею. Уцепиться за нее, вбить себе в голову, заставить себя поверить.

Во что верил Щенок? В то, что когда-нибудь он найдет подонка, убившего его мать и отца, и выдавит ему глаза. А потом отрежет уши. Пальцы. Будет медленно резать на части, не позволяя умереть до тех пор, пока не превратит в кусок мяса, пригодный лишь для жаркого.

Он видел эту картину, он жил ею, ложился спать и просыпался с мечтой о расправе над этим человеком.

Мальчик хорошо запомнил его лицо – темное, узкое, хищное. Воин двигался, как танцор – высокий, плечистый, но быстрый, как молния. Конический шлем не закрывал лица – стальная полоска спускалась по носу, открывая темные глаза, которые смотрели весело, с вызовом, бесстрашно. Да и чего ему бояться, или, вернее, – кого? Женщину с плотницким топором в руках? Маму, защищающую своего сына, застывшего от страха на месте, будто его приковали стальными цепями?

Больше всего мальчик ненавидел самого себя. Если бы ему тогда удалось сбежать, возможно, мама осталась бы жива. Но он не смог. Ноги отказались нести его худое трусливое тело. И какая разница, что бы потом случилось с мамой – главное, она была бы жива. И была бы надежда ее увидеть, освободить.

Теперь – лишь месть.

Он не рассуждал, откуда взялся этот воин, кто его сюда привез и зачем. Мальчик видел лишь лицо матери, золотистые волосы и открытые голубые глаза, которые смотрели в небо, удивленно, будто не понимая, как это случилось.

От страшного нервного потрясения, ударов по голове, из-за которых его постоянно мучила боль, мальчик практически сошел с ума. Он забыл всю прошлую жизнь, не узнавал тех, кто жил с ним в одной деревне, даже имени своего не помнил. Вся его жизнь, все воспоминания ограничились боем у родительского дома и этим трюмом, адом для невинных существ, никак не заслуживших такую судьбу.

Щенок решил, что быть зверем проще. Было ли это защитной реакцией организма или чем-то иным, но это помогало. Да. Больше не было ни слез, ни стонаний, лишь готовность рвать, кусать, бить, грызть любого, кто покусится на его жизнь.

Любого? Пожалуй, нет... Надсмотрщик и ловцы вооружены и опасны – их трогать нельзя. Урезанный до инстинктов мозг знал это великолепно.

Каждая раздача еды в загоне для мальчиков была развлечением, зрелищем, развеивающим скуку дальнего путешествия. Работорговцы заранее готовились, делали ставки, и когда рабы-уборщики спускали корзины, с жадностью смотрели на то, как доведенные до отчаяния маленькие человечки рвут друг друга, пытаясь отсрочить неизбежную смерть.

То, что смерть витает рядом, было ясно с самого начала – каждый день за борт отправлялись несколько трупов. Туда, где в воде мелькали плавники зубастых существ, следующих за кораблем работорговцев так, будто это была огромная передвижная кормушка.

Щенка заметили сразу. После того как он, впав в боевое безумие, разбросал нескольких своих товарищей по несчастью и вцепился одному из них зубами прямо в горло, его и прозвали Щенком. Можно сказать, это было повышение – из «овец» в «щенки». Ведь на самом деле «щенками» называли новобранцев Корпуса Имперских Псов, элитного подразделения имперской гвардии, подчиняющегося непосредственно Императору.

Все гвардейцы Корпуса были воспитаны из «щенков», маленьких рабов. Этим рабам вытравляли все воспоминания о том, что они принадлежали к другим народам, воспоминания о семье, обо всем, что составляло их жизнь до того, как дети попадали в Корпус. После нескольких лет обучения из Школы Псов выходили безжалостные тренированные убийцы, преданные Императору до последней капли крови, готовые вспороть себе живот и развешать кишки по ветвям деревьев, если Император пожелает это увидеть.

Чем достигалась такая верность? Какими способами, методами? Это был секрет. Но то, что вернее Псов не было никого на свете, знал каждый человек в Империи: от нищего на Привратной площади до Главного казначея, финансового «императора» Занусса, через которого шли все денежные потоки огромной Империи.

Мальчишка, который способен отвоевать себе место у кормушки, не мог не вызвать уважительного отношения, как вызывает уважение бойцовая собака, успешно грызущая своих соперников. Ловцы, грубые и жестокие люди, живущие насилем и убийствами, ценили тех, кто выказывал такие же, как у них, способности. Это не означало, что они вдруг полюбили Щенка – совсем нет, он был и остался животным, предназначенным для продажи, однако животным, поднявшимся на другую ступеньку социальной лестницы, если такое понятие можно применить к рабам. Кроме того – цена на него возросла. Хороший боец стоит дорого.

– Мастер, парни просят устроить развлечение. – Сотник почтительно поклонился работорговцу, разглядывающему старый свиток, на котором виднелись следы окровавленных пальцев. Кровь давно высохла, стала коричневой, но отпечатки навечно въелись в древний пергамент.

– Не много ли вам развлечений? Вы мне так весь товар поувечите! Девки денег стоят, а вам только дай, животные! Узнаю, что вы попортили девственниц или изувечили ценных рабынь, не то что жалованья лишу – голову срублю!

– Мастер, ты не понял. Они не просят девок, они хотят развлечься боями! Хотят делать ставки! Честно сказать, от безделья наши придурки уже с ума сходят. Того и гляди передерутся, пережуют друг другу глотки. Может, позволим? Как обычно, голыми кулаками, не до смерти.

– Какое там не до смерти? Каждый раз мы недосчитываемся десятка «овец»!

– Мастер, они так и так подохнут, а мы будем знать, кто из «овец» стоит денег. Ребята просят... пусть развлекаются?

Работорговец отложил свиток, задумался – плыть до порта еще две недели, и это при попутном

ветре. Корабль устойчив, крепок, не боится штормов, но вот скорости не хватало – это не имперский крейсер, который прыгает по волнам, как запущенный рукой мальчишки голыш.

За две недели можно получить достаточное количество неприятностей от взбесившихся от безделья бойцов. Человек – такая скотина – если его не занять делом, обязательно найдет время для пакостей. Как от этого удержать? Загрузить работой до полного изнеможения, или же дать возможность развлечься.

Во все времена так было – дай черни лепешку, дай посмотреть на то, как два придурка режут друг друга на потеху толпе – и вот гарантия, что эта самая чернь не бросится на представителя власти с ножом, ведь все, что они хотели, – получили. Хлеб и зрелища – вот секрет долгого и спокойного правления.

Нынешний Император знал это лучше, чем кто-либо, потому частенько устраивал праздники для городской черни, выставляя бесплатное угощение, устраивая резню на главной арене столицы. Арена и ставки въелись в кровь имперцев, и, как наркоманы, лишенные очередной дозы кровавых зрелищ, они начинали волноваться, бунтовать до тех пор, пока очередная порция не поступит в их отравленный азартом мозг.

Мастер все это прекрасно знал – не первый год водил экспедиции за океан. Хитрый, беспринципный, но умный, он чувствовал, когда нужно прижать подчиненных, а когда ослабить хватку.

Впрочем, он и сам был имперцем до мозга костей, и так же, как и все, обожал поединки на арене и все с этим связанное: азарт, кровь, рев толпы и радость от выигранной ставки. С одной стороны, губить пленников не хотелось, с другой – погибнет какая-то часть, ну и что? Зато оставшиеся будут в два раза дороже, чем хилые, выбракованные особи. Кроме того, бой все равно без оружия, так что вероятность гибели невелика.

– Хорошо. Я согласен. Могут смотреть все свободные от вахты. Бой без оружия, останавливаем по сигналу, чтобы не было излишнего отсева «овец».

– Хорошо, мастер! – удовлетворенно кивнул сотник. – Я сообщу ребятам. Ты будешь смотреть на бой?

– Конечно, буду! – усмехнулся Джубокс, с видимым облегчением откладывая свиток подальше от края стола. – Я что, не мужчина? Выдай ребятам по кружке пива ради такого случая. Вычтешь из жалованья, скажи казначею. И вот еще что – пусть лекарь будет наготове.

Сотник отсалютовал, вышел, а мастер откинулся на спинку кресла и улыбнулся – действительно, скука долгого путешествия достала. Море, море и море – каждый день, каждый час, каждую секунду... ничего нового, волнующего, развеивающего скуку. Даже шторма уже давно нет, хотя редко бывало так, чтобы во время перехода корабль хотя бы раз как следует не покачался на штормовой волне. Легкий ровный ветер весело и без проблем гнал корабль вперед, туда, где его ждал отдых у портового причала.

* * *

Щенок вздрогнул и открыл глаза, будто и не спал. За решетчатым люком, через который в трюм поступал воздух, возникло какое-то движение, затоптали множество ног, слышался смех и крики. Любое изменение обстановки вокруг беспокоило Щенка, оно всегда означало что-то плохое, могло привести к смерти. Смерть не значилась в планах мальчишки, если такие планы вообще существовали.

Насторожившись, он сел на корточки, осмотрелся по сторонам. Все потенциально опасные существа находились на расстоянии, никто не подкрался, никто не попытался нарушить его уединение. Как вчера, когда группа подростков решила свергнуть звереныша с его «пьедестала». Они скопом набросились на Щенка, и если бы не надсмотрщик, ударами бича разогнавший агрессоров, неизвестно, чем закончилось бы это нападение. Впрочем, известно чем, скорее всего, они задушили бы мальчишку, а труп бросили к стене, на решетку стока, под которой бегали голодные крысы. При всей своей ловкости, крепости и жестокости Щенок не смог эффективно сопротивляться озверевшей толпе. Он покусал троих, сломал нос одному и вывихнул руку другому, но, в конце концов, оказался прижат к настилу телами пыхтящих, разгоряченных, потерявших человеческий облик подростков. В тесноте трюма нельзя было бежать, здесь имели значение грубая сила и вес. А веса у десятка зверенышей было более чем достаточно.

Щенок запомнил их лица. Что-то, а память на лица у него была великолепной, видимо, как компенсация за потерю памяти о прошлой жизни.

Добираясь до шеи ненавистного «безумца», подростки вопили что-то вроде: «Убей его! Убей безумного!» – это и привлекло внимание хозяев, прекративших безобразие. Щенок отделался несколькими ранами, синяками и едва не получил перелом носовых хрящей, когда предводитель «мстителей» ударил его головой прямо в лицо.

Дежурный надсмотрщик раздал всем «горячих», толпа разбежалась, и теперь подростки с ненавистью взирали из темноты на ускользнувшую от расправы жертву.

Зачем они напали? С какой целью? Не трогали месяц и вдруг решили напасть – почему? Щенок не задумывался над этой проблемой. Он вообще не хотел думать. Подростки, которые напали, скорее всего, тоже не смогли бы ответить на этот вопрос четко и ясно, но все и так было понятно. Как и всегда, в стае зверей выделились вожаки, которые управляли группами своих подчиненных. И как всегда, эти вожаки желали себе лучших условий – больше еды, больше свежего воздуха, а еще – хоть немного солнца, лучи которого иногда все-таки пробивались сквозь толстую деревянную решетку и освещали пространство под люком.

На этом светлом лоскуте и сидел Щенок, занимая слишком много места, так как не позволял другим приблизиться на расстояние вытянутой руки и набрасывался на того, кто осмеливался нарушить границу. Как можно было это терпеть?

На этом светлом лоскуте и сидел Щенок, занимая слишком много места, так как не позволял другим приблизиться на расстояние вытянутой руки и набрасывался на того, кто осмеливался нарушить границу. Как можно было это терпеть?

Вот и попытались. Но попытка не удалась. Увы, для них.

Люк поднялся, по лестнице загромыхали ноги надсмотрщиков, одетых в кожаные жилеты и штаны, которые с трудом брал даже нож. В руках бичи, которыми оба мужчины владели в совершенстве – при желании каждый из этих мускулистых бессердечных тварей мог одним ударом убить или покалечить любого из рабов, что уж говорить об изможденных плаванием подростках. Но, даже учитывая это, надсмотрщики были настороже – они слишком хорошо знали, какие силы просыпаются в отчаявшихся, готовых на все людях, и не собирались подвергать свою жизнь малейшей опасности. Не за то им платят деньги, чтобы сложить голову где-то в вонючем трюме.

- Ты! И ты! И ты! И еще – ты! И вы! Пошли наверх! Быстро, быстро, твари!

Надсмотрщик хлопнул бичом. Звук был таким резким, громким, как если бы кто-то ударил палкой по борту рыбацкой лодки. Щенок в прошлой жизни любил так постучать, особенно когда отец не видел хулигана и тихо-мирно занимался ремонтом сланей. Он возмущался, ругался, грозил Щенку кулаком, но тот видел, что глаза отца смеялись – это была игра, и оба получали от нее удовольствие.

Выбросив из головы внезапно всплывшую картинку воспоминаний, Щенок поднялся и пошел к лестнице, оскалившись, как зверь. Те, кого назвал надсмотрщик, были из числа вчерашних агрессоров. Рабовладельцы знали, что делают. Как заставить мальчишек драться между собой? Как устроить бой – настоящий бой, не имитацию, не возню детишек? Нужно стравить между собой тех, кто ненавидит друг друга. Тех, кто готов порвать за нанесенные обиды.

Работорговцы ошибались. Щенок своих обидчиков не ненавидел. Он вообще теперь не понимал этого слова. Оно слишком человеческое, слишком сложное для понимания зверя. Щенок запомнил лица, и его мозг знал – эти люди опасны, их надо остерегаться, и если подойдут близко, нужно постараться убить.

Наоборот, те, кто на него напал, ненавидели проклятого «товарища» – мало того, что он не позволил себя убить и нанес им раны, так они еще и пострадали от бича надсмотрщика, покрывшего их тела кровотокающими полосами.

В общем-то, на то и был расчет. Если тебе предоставляют возможность наказать соперника, да еще за это дают еды и воды – почему бы не потешить толпу?

Солнце слепило глаза, ощупывало истосковавшихся по воле подростков горячими лапами, тут же высушив выступивший пот. Мальчишки жались друг к другу, испуганно глядя на вопящих, разгоряченных выпивкой и азартом мужчин. Те были везде – на палубе, на снастях мачт, на сетке, закрывающей борта корабля на высоту полутора человеческих ростов, – рабовладельцы знали, как сберечь груз и не допускали возможности того, что отчаявшийся и обезумевший раб бросится к борту и прыгнет в воду, в призрачной надежде уйти вплавь, спастись от страшной жизни. Шансов на это не было никаких – в воде поджидали чудовища-людоеды, но даже этот исход часто казался привлекательнее, чем медленное умирание в вонючем трюме.

Мастер почесал подбородок, посмотрел на грязных, подслеповато моргающих мальчуганов и произнес короткую речь, из которой следовало, что жалкие трюмные крысы, предназначенные на корм морским тварям, имеют шанс продлить свою жалкую жизнь, получив лишний кусок лепешки и не получив порции порки бичом, в том случае, если будут хорошо драться.

Язык ростов и зануссов почти не отличался друг от друга – за исключением специфических выражений, присущих той или иной местности. Некоторые ученые мужи были уверены, что Бог-Создатель сотворил всю твердь единой, и лишь потом, когда рассердился на поведение созданных им людей, разделил материки на два, ударив по тверди своим всеокрушающим кулаком. Земля раскололась, и образовались Южный и Северный материк, а также огромное множество островов разного размера, разбросанных по всему океану.

Эта гипотеза объясняла тот факт, что язык по всему миру был един, как некогда были едины все люди.

Зануссы в основной своей массе считали такое утверждение ложным – не могут «овцы» быть равными «настоящим» людям. Настоящие, само собой разумеется, зануссы. Остальные – разумные животные, потенциальные рабы.

Впрочем, зануссы в этом не отличались от своих соседей, королевства Ангир, занимавшего

больше четверти Южного материка. Как для зануссов, так и для ангирцев весь мир существовал лишь для того, чтобы поставлять этим двум рабовладельческим государствам бесконечное количество рабов, на труде которых основывалось все их благосостояние. Некогда империя Занусс и королевство Ангир были единым целым, пока империю не расколола гражданская война, ввергнувшая государство в кровавый хаос. Это произошло около тысячи лет назад и вошло в историю как Темные века.

Империя давно бы уже поглотила соседа, если бы не одно обстоятельство – обе стороны обладали сильными армиями, способными эффективно противостоять любому агрессору. Вялотекущая война не прекращалась ни на день уже тысячу лет с переменным успехом, но никто так и не смог добиться ощутимого перевеса. Пограничные конфликты, вылазки отрядов мародеров – все это было, есть и будет, пока существуют два «брата», искренне и давно ненавидящие друг друга. Тысячелетняя вражда впиталась в кровь, и, чтобы удалить этот яд, пропитавший мозги людей, требовалось время и смена поколений. Множества поколений. Но для этого нужно, чтобы война наконец-то закончилась... а ей не видно конца.

Щенок стоял чуть поодаль от остальных, на расстоянии вытянутой руки от своих «товарищей». Он не верил никому. Все враги! Все! И эти маленькие твари, которые едва не добрались до его шеи, и эти грохочущие, орущие, смеющиеся негодяи, радостно улюлюкающие, показывая пальцами на несчастных, трясущихся от страха детей.

Если бы Щенок мог убивать взглядом! Если бы мог... Трупы, трупы и трупы – вот во что превратился бы этот корабль! И тогда можно умереть. Цель достигнута, а раз она достигнута – зачем жить?

- Он что, ненормальный? – Мастер показал на Щенка, и сотник улыбнулся уголками рта.

- Может быть. Ребята говорят – это настоящий звереныш. Они прозвали его Щенком. Его боятся все «овцы», и даже надсмотрщики опасаются. Говорят – от него мороз по коже. Как посмотрит... кажется, сейчас вцепится и перекусит жилу... лекарь не успеет – истечешь кровью. Вчера «овцы» хотели его задушить, так он нескольких порвал, перекусал – еле оторвали. Если не сдохнет на обучении – у него большое будущее. Он стоит хороших денег. Это будет настоящий Пес. Корпус отсыплет нам звонких монет.

- Может быть. Ребята говорят – это настоящий звереныш. Они прозвали его Щенком. Его боятся все «овцы», и даже надсмотрщики опасаются. Говорят – от него мороз по коже. Как посмотрит... кажется, сейчас вцепится и перекусит жилу... лекарь не успеет – истечешь кровью. Вчера «овцы» хотели его задушить, так он нескольких порвал, перекусал – еле оторвали. Если не сдохнет на обучении – у него большое будущее. Он стоит хороших денег. Это будет настоящий Пес. Корпус отсыплет нам звонких монет.

- Ты думаешь? – Мастер с сомнением осмотрел заморыша, напряженно оглядывающегося по сторонам. – По его лицу не видно, чтобы парень был особо разумным. По-моему, он просто спятил. Я уже сталкивался с подобным сумасшествием – люди превращаются в диких зверей, теряют способность обучаться. Они неконтролируемы, а это не просто минус к цене, это ноль. Пустота. Смерть. Таких легче убить. Затраты на их обучение слишком велики, несравнимы со стоимостью этого жалкого тела. Я склоняюсь к тому, чтобы уничтожить этот бесполезный балласт. Не он первый, не он последний. Что ждать от овцы, которая не боится погонщика? Посмотри – он ведь не боится! Вернее – боится, но не так, понимаешь?

- Честно сказать, не понимаю, мастер. Объяснишь?

Сотник почтительно склонился к низкорослому рабовладельцу и замер в ожидании. Он очень уважал и побаивался этого смешного на первый взгляд несурзального крепыша, заросшего черной шерстью по самые брови. Казалось – что, кроме ума, может противопоставить силе этот коротышка? Но сотник знал, как нечеловечески силен мастер Джубокс. А еще мастер великолепно владел любыми видами оружия и мог победить практически любого из их экспедиционной команды, да и нескольких сразу.

Мастер никогда не жалел побежденных. Тот, кто заступал его дорогу, должен был умереть.

И мало кто осмеливался это делать.

Джубокс, прищурившись, посмотрел на Щенка, подумал, слегка покачал головой:

– Посмотри на него внимательно. То, что он спятил, – это временно. Скорее всего, временно. Внешне это обычный подросток, он боится, оглядывается, ожидая подвоха. Но при всем этом смотрит, будто запоминает. Дай ему нож, и он попытается убить того, кто приблизится к нему, пойдет за черту, которую парень себе обозначил. Сравни с теми тварями, что стоят с ним рядом, – они боятся, их бьет дрожь. Ни одной мысли о том, чтобы оказать сопротивление. Он – другой. Не нападает только потому, что считает – нападение не даст результата. Но стоит повернуться спиной в ситуации, когда тварь решит, что сможет безнаказанно убить, – и результат будет легко предсказуем. Это убийца.

– Ты, мастер, умеешь разглядеть в людях суть! – Сотник уважительно поклонился хозяину. – Мне никогда не пришло бы это в голову! Ты считаешь, что обломать его невозможно? Даже в Школе Псов?

– Думаю, невозможно. Я знаю этот взгляд. Я сам такой. – Джубокс ухмыльнулся и тут же посерьезнел. – Впрочем, ты прав. Псы ищут таких головорезов. И если они не смогут его обломать – разве это наша вина? Главное – мы дали хороший материал, а уж что они из него сделают – их забота. Ну ладно, начинай... парни уже в нетерпении. Пусть «овцы» разденутся до набедренных повязок – хотя бы посмотрим, что за товар мы нашли. Кроме того, если получат повреждения, сразу станет заметно. Лекарь наготове? Вижу... Начали!

* * *

Щенок понимал то, что ему говорят. Говорили немного странно, но вполне разборчиво. Надсмотрщик приказал снять рубаху и штаны, мальчик беспрекословно подчинился и остался стоять, одетый лишь в грязную, засаленную набедренную повязку.

Надсмотрщик подтолкнул его вперед, на середину круга, где уже ждал один из тех, кто вчера пытался его убить. Крепкий парнишка, крупнее Щенка, почти мужчина – таких обычно не брали, убивали на месте, но эта экспедиция складывалась не особенно удачно, удалось разграбить только три не очень больших селения. Остальные, предупрежденные, успели скрыться, оставив пустые дома с дымиющимися очагами.

Они стояли друг против друга. Маленький, жилистый, крепкий, как просоленный морем кусок дерева, мальчишка и мускулистый юноша, плечи которого уже знали тяжелую работу с сетями и рукоять топора. Если бы драка происходила на воле, в селении, исход был бы однозначен. Вес, рост – все было за противника Щенка. Но это не воля. И это не драка. Это бой насмерть! Когда нет никаких правил, когда ты должен убить или умереть! И другого ничего не остается.

Когда парень замахнулся на Щенка, тот не раздумывал ни секунды. Молча, без крика и рычания Щенок прыгнул на противника и вцепился зубами ему в грудь. Острые белые зубы

прокусили кожу, сомкнулись и рванули!

Окровавленный кусок плоти шлепнулся на палубу.

Раздался истошный визг. Страшный, режущий слух визг, пробирающий до самых печенок, до самого сердца. И тут же рык, идущий изнутри, из животного естества, от зверя, который таится в каждом из людей и лишь ждет, чтобы его выпустили наружу.

Щенок передвинулся к шее и вцепился в ключицу, глодая ее так, будто хотел вырвать кость из тела. Он не слышал, как вопили матросы, как завывали, улюлюкали воины команды захвата – все, кто видел происходящее. Отпустил врага только после того, как на него с размаху вылили три ведра воды и дважды ударили по спине бичом из буйволиной кожи.

Щенок почти потерял сознание от боли, и сквозь красный туман видел, как вокруг него ходят люди, как над поверженным, потерявшим сознание противником склонился лекарь, озабоченно качавший головой.

Щека мальчишки касалась палубы, глаза были открыты и бессмысленно моргали, глядя на то, как розовый ручеек воды, смешанной с кровью, подкрадывается к его голове.

И вдруг Щенок начал смеяться. Он не смеялся с тех пор, как убили его родителей, да что там не смеялся – он вообще забыл, как можно улыбаться, радоваться жизни. И тем страшнее казался его смех – залихватый, мальчишеский, веселый, будто Щенку только что рассказали веселую шутку.

Щенка подняли на ноги, сунули в руки одежду и кусок лепешки и отвели на место, в трюм. Спускаясь по лестнице и усаживаясь на свое место под люком, он все еще улыбался разбитыми губами.

Больше его из трюма не вытаскивали. Поединки шли без него – мальчишки месили друг друга кулаками, боролись, плакали, рыдали под ударами бичей, но Щенка никто не беспокоил. Нельзя выпускать против человека дикого зверя – если, конечно, ты не хочешь, чтобы зверь его растерзал.

Подросток, с которым дрался Щенок, не выжил. Он потерял много крови и скончался на месте. Не помогли ни мази, ни магия, которой владел лекарь.

Впрочем, это был не особенно сильный в магическом деле лекарь, его знаний хватало только на то, чтобы лечить легкие ранения. Те, кто умел лечить смертельные, – не мотались по морю на кораблях, а жили в богатых домах, принимали родовитых людей, способных как следует заплатить за услуги мага-лекаря.

Две недели, которые корабль шел до порта, пролетели без особых происшествий. Ни встреч с вражескими кораблями, ни штормов – все было на редкость спокойно, что это даже удивляло.

Мастер Джубокс не любил нарочитого покоя, он всегда подозревал, что боги готовят испытания, усыпляя внимание человека покоем и размеренностью жизни. Лучше уж серия небольших проблем, потому как после длительного спокойного периода обычно на голову человека падала куча неприятностей, накопившихся, как мусор в помойном ведре. Но нет правил без исключений, и огромный неповоротливый корабль медленно вплыл в бухту столицы Занусса, великого города Аран.

Всегда приятно возвращаться домой. Особенно если трюмы полны хорошей добычи. То что

добыча была хорошей – это без сомнения. Удалось сохранить восемьдесят процентов пойманных «овец». Оставшиеся были крепки и отлично подходили для продажи. Больше всего было девочек и женщин – около трехсот, и полторы сотни мальчиков возрастом от десяти до пятнадцати лет. Если мальчик симпатичный, крепкий, не попал под горячую руку воина, напав на него с оружием в руках, – ему прямая дорога в трюм рабовладельца. Самые слабые и никчемные умерли. Остальные и особо ценные рабы, в число которых входили девочки и женщины, отличающиеся красивой внешностью, находились в более-менее удовлетворительном состоянии.

Тут уже возраст значения не имел. Главное – красивая мордашка, здоровое тело, а если девчонке пять-семь лет, так на таких красоток всегда находились охотники. Товар вот только скоропортящийся, потому хлопот доставлял немало. Но и это было решаемо – не одну сотню лет работорговцы возили рабов, все давно известно – как поймать, как сохранить, и особенно – как продать. За не очень ценную рабыню можно взять пятьсот монет серебром, самые же дорогие доходили в цене до многих тысяч.

К полудню корабль пришвартовался у одного из причалов, специально выделенных для рабовладельцев – отсюда можно было сразу выйти на рабовладельческий рынок, работавший без выходных. Там продавались рабы на любой вкус – девочки, мальчики, мужчины и женщины – все, что нужно свободному гражданину для домашнего хозяйства. Стыдно не иметь хотя бы одного – если не имеешь рабов, значит, ты ничтожный, убогий, нищий человек, не достойный уважения. Так считали жители Великой Империи Занусс, не отставая в этом от своего извечного врага, королевства Ангир.

Мастер Джубокс, не медля ни минуты, сошел на берег в сопровождении телохранителей и направился к рабским загонам, три из которых он заранее заказал ко времени своего возвращения. Скорее всего, ангары были пусты и готовы к приему товара, но нужно было убедиться, что это так и не будет пустого прогона рабов. Конечно, вряд ли кто-то бы посмел пойти против самого мастера Джубокса и поставил бы ему палки в колеса, но чего не бывает на белом свете? Каждый успешный человек имеет много врагов, и они только и ждут, чтобы подстроить какую-нибудь гадость, даже если она и не принесет особой выгоды.

Убедившись, что загон подготовлен, что на месте имеется все, что нужно для содержания рабов в течение недели-двух, мастер зашел к рыночному глашатаю и заказал отправку извещений всем перекупщикам рабов, всем потенциальным клиентам, которые могли бы заинтересоваться доставленным товаром.

То что интерес будет, сомнений не было – немногие ловцы рабов имели такие команды и корабли, как у мастера Джубокса, чтобы практически без опаски отправляться за океан, на Северный материк. Всех мастеров подобного уровня можно было пересчитать по пальцам рук, и каждый приход такого корабля означал прибыль для множества крупных и мелких жучков, кормящихся возле работорговли.

То, что уже утром, еще до начала торгов, у загонщиков появится толпа покупателей, Джубокс знал наверняка – каждый хотел купить раба как можно быстрее, пока тот не отдохнул и не был подлечен хозяином. Иногда можно было довольно дешево купить отличного раба, в первые дни после прибытия выглядевшего так, будто он вот-вот умрет.

Конечно, это был риск – бывало и так, что раб, выглядевший, будто он тяжело болен, на самом деле оказывался больным и умирал, несмотря на усилия новых хозяев поставить его на ноги. Но в том и заключалась работа настоящего перекупщика, чтобы в больном угадать здорового, сбить цену, а потом, когда раб очухается, продать уже задорого, нажив на этом кругленькую

сумму.

Джубокс прекрасно знал все эти ухищрения, обмануть его было трудно. Однако нередко позволял себя «обмануть», продавая заведомо не такого уж и пропащего раба за низкую цену – надо же кинуть кость рыночным стервятникам, ведь чем больше покупателей, тем больше ажиотажа вокруг продаж, а значит, купят гораздо более ценный товар по хорошей цене, заразившись всеобщей покупательской лихорадкой. Если не привлечешь клиента скидкой – кто к тебе придет?

Выгрузка рабов проходила споро, умело, без задержек. Вначале вывели самый ценный груз – девочек и женщин. Их сковали по десять человек на одну цепь и оставили в отдельном загоне, расковав на месте, освобождая оковы для новой партии.

Оставшихся переводили в колодках, по два человека. Этих приспособлений было несколько десятков, партия в пятьдесят рабов формировалась очень быстро, и так же быстро перемещалась на рынок, подстегиваемая ударами бичей.

Разгрузка прошла за считанные часы, к вечеру в трюме корабля остались лишь крысы и трупы тех, кто умер уже в порту. Выбрасывать их в воду у причала не стали. Городская власть запретила бросать трупы возле берега под страхом крупного штрафа – Император подписал этот указ несколько лет назад. Говорили, что дочери Императора, наследной принцессе Агалане не понравился вид плавающих в бухте и раздираемых морскими гадами раздутых трупов рабов. Согласно повелению, очистка от мусора должна осуществляться в открытом море, не ближе чем на три часа хода от акватории порта.

Эту процедуру мастер решил проделать на следующий день, поручив ее своему помощнику. В жарком климате Занусса медлить с очисткой было нельзя. Трупы вздувались, а горы нечистот, что лежали в трюме, невыносимо смердели, будучи источником заразы для будущих «овец», которые отправятся в свой страшный путь на этом корабле.

Само собой, все то время, пока рабы сидели в трюме, никто не убирал. Убрать трупы – это да, а нечистоты никому не мешают. Кроме «овец», конечно.

Выгрузив пленников, мастер занялся подготовкой товарного вида рабов. В каждом загоне имелись мойки – огромные емкости с водой, установленные на крышах. Вода поступала по желобам, что вели от ручьев и рек, стекающих с заснеженных гор, громадами торчащих у столицы. К побережью местность понижалась, так что вода самотеком шла в столицу, обеспечивая ее отличной питьевой водой.

Выгрузив пленников, мастер занялся подготовкой товарного вида рабов. В каждом загоне имелись мойки – огромные емкости с водой, установленные на крышах. Вода поступала по желобам, что вели от ручьев и рек, стекающих с заснеженных гор, громадами торчащих у столицы. К побережью местность понижалась, так что вода самотеком шла в столицу, обеспечивая ее отличной питьевой водой.

Система водоводов была сделана очень давно, во времена правления Императора Хажара Мудрого, и до сих пор исправно служила городу, подновляемая каждый год специальной городской службой.

Каждый из рабов получил кусочек едкого мыла, разгоняющего насекомых и смывающего застарелую грязь, а еще инструкции по мытью, вместе с ударом бича, если раб недостаточно быстро принялся приводить себя в порядок.

Надсмотрщики внимательно следили за тем, чтобы каждый раб как следует отмыл свое тело – ведь оно собственность хозяина. После помывки рабы прополаскивали свое тряпье, и к ночи чистка была закончена. Грязная вода ушла в систему канализации, и в загонах стало тихо – если не считать тяжелого дыхания усталых рабов, дрожащих во влажной одежде.

Вообще-то замерзнуть было трудно – даже ночью царили невыносимая жара и духота. Только зимой, в сезон дождей, вместе с ветрами с горных вершин спускалась прохлада.

Люди дрожали, скорее, от страха, от усталости, но не от холода. Если только не считать тех, кого колотила лихорадка, подцепленная в пропитанном заразой трюме.

Оставив охрану, мастер Джубокс отправился домой, в свой особняк, к жене, детям, наложницам и любимым собакам. Он соскучился по дому. Хотелось как следует поплавать в бассейне с горячей водой, а потом улечься в кровать, которая не качается на волнах.

Нужно было хорошо отдохнуть, ведь завтра тяжелый день – первый день продаж. Будет много суеты и хлопот. Привезти товар – это еще не все. Вот когда в мешках зазвонят звонкие монеты, когда зашуршат векселя уважаемых людей – только тогда экспедиция будет завершена.

Глава 2

- А вот кому девочек?! Губки сладкие, попки гладкие – налетай, не пролетай! Дешево-предешево, сладко – аж слипается! Эх, сам бы купил, да жена против – забуду ее с такой девочкой!

Распорядитель торгов ловко ухватил за руку съезжившуюся девочку, поднял вверх, так, что рабыня волей-неволей вынуждена была распрямиться и показать свое тело. Девочка норовила опустить голову, и тогда торговец громко шепнул:

- Если ты, сучка, не перестанешь горбиться, я сдеру с тебя кожу, с живой! Стой, тварь, смотри в толпу, улыбайся! И выпяти грудь, мерзавка!

Испуганно моргая синими глазами, та вымученно улыбнулась, откинула назад золотистые, чистые волосы и встала прямо, выпятив грудь. Ее небольшие, зреющие груди с розовыми нежными сосками выглядели так соблазнительно, так свежо, что торг мгновенно оживился. Начальная цена в пятьсот мелких серебряных дагм была перебита, и теперь торг шел между пятью покупателями. Двое из них были поставщиками товара в бордели, трое хотели приобрести девочку для себя.

Красивая молоденькая наложница прибавляет жизненных сил, это знали все.

Двенадцатилетняя девочка, да еще такая экзотичная – голубоглазая, золотоволосая – мечта любого состоятельного господина. Ведь только богатый человек мог себе позволить владеть такой красотой!

Через несколько минут в торге остались лишь двое самых состоятельных: один владел сетью лавок на побережье от столицы до самой границы Ангира, другой – серебряным рудником и несколькими ювелирными мастерскими, оба уважаемые и очень солидные люди.

Мастер Джубокс усмехнулся – хорошие торги! Много состоятельных людей, большое желание купить. Так бывает не так уж и часто. После войн или массовых набегов рынок переполняется рабами, и тогда цены на них катастрофически падают, как результат, экспедиция едва

покрывает расходы на свое содержание.

Такое бывало в практике Джубокса дважды, и он помнил это злое время, когда рабыни, по ценности равные этой девочке, уходили практически за бесценок – за сотню-другую дагм, да еще и торговались, мерзавцы, сбивая цену.

Сегодня не тот день. Рабыни уходили влет, люди наперебой предлагали цену, звеня тугими кошельками. Вот и сейчас цена дошла до тысячи дагм, а торг все продолжался!

Распорядитель продолжал сыпать шуточками-прибауточками – как и положено при торговле. Считалось, что это непременный атрибут продаж – веселить толпу, разогреть ее, доводить до возбужденного состояния, когда люди не скупятся на траты, особенно если распорядитель знает почти что каждого из покупателей и называет их по именам. Возможность вывалить за понравившегося раба или рабыню кругленькую сумму – это показатель социального статуса, это почетно! Завтра будут говорить: «Вы слышали? Господин Барбокс купил вчера на рынке молоденькую рабыню из ростов! Богатый человек, влиятельный... говорят, его собираются выдвинуть в городской совет! С такими деньгами – конечно, кому же еще там быть, как не ему?»

Девчонка ушла за пять тысяч дагм!

Джубокс недоверчиво помотал головой – давно такого не было! Зажирели горожане, много денег скопилось в сундуках и в Императорском банке! Давно не было крупных столкновений с Ангиром, давно не было войны. Мелкие пакости на границе не в счет.

Недостаток рабов на рынке возник еще и из-за того, что мало кто теперь решался отправиться на Северный материк. Ангирцы обнаглели, настроили десятки судов и стараются перехватить все занусские корабли, что пытаются пробраться к вожделенному материку. Сами теперь грабят разрозненные племена Севера.

Джубокс в который уже раз задумался: если бы северяне объединились в Империю, построили систему защиты побережья по типу той, что существует на Южном материке, поток рабов снизился бы в несколько раз! Хорошо, что эти росты такие дикари! И не только росты, но и все остальные племена Севера – разобщенные, дикие, совершенно не цивилизованные. Иначе Империи пришлось бы несладко. За сотни лет грабежей, разбоя, чинимого жителями Юга, накопилось такое количество Зла, что «южанин» и «враг» на Северном материке значило одно и то же. И если бы Северный материк вдруг начал отправлять экспедиции на Юг – Империя захлебнулась бы в крови.

Придя к выводу, что на его век хватит и рабов, и походов, Джубокс сосредоточился на торгах. На помост сейчас вывели молодую женщину лет двадцати пяти. Опытным глазом Джубокс обозначил цену – не более пятисот дагм. Она была, конечно, миловидна – длинные ноги, полная грудь, но явно рожавшая. Груды уже чуть отвисли под собственной тяжестью, наметились растяжки. Хотя и на таких есть устойчивый спрос – всегда нужны работницы по хозяйству, не всем же рабыням непременно оказываться в постели? Впрочем – и для постели сгодится, есть немало любителей опытных, умелых рабынь, знающих толк в постельных утехах. Их не нужно обучать, как маленьких девочек, они знают, что почем. Обычно такие «учили» отпрысков обеспеченных семейств – ну не в бордель же отправлять юнца за постельными знаниями? Только сразу собирать!

«Старая» рабыня ушла за полторы тысячи монет, и не мелких дагм, а за полновесные дермы. Если пересчитать на дагмы – четыре с половиной тысячи!

Джубокс довольно усмехнулся – все, в этом году в поход больше не пойдет. Есть время отдохнуть, подготовить судно к работе. Нужно очистить дно корабля от ракушек, вымыть и окурить трюм, чтобы задушить заразу, пропитавшую доски. Достроить новую усадьбу, дожидаться рождения сына – конечно, сына, хватит уже дочерей!

Денег хватит, даже если бы мастер бросил хлопотные походы и до конца жизни сидел в своей новой усадьбе. Еще и внукам останется. Двадцать лет походов! Если бы эти болваны-соседи знали, сколько денег лежит у Джубокса в банке и сколько закопано в бочонках по всему поместью... Но они не узнают.

– Хозяин, тебя спрашивает мастер Лаган! – ворвался в раздумья голос телохранителя, и Джубокс очнулся от своих грез. О будущем можно подумать и после, на досуге, лежа рядом с двумя молоденькими наложницами, а торги нужно продолжать. Жизнь идет, и в ней нет места нерешительности и слабостям человеческим.

Мастер Лаган ждал Джубокса возле мужского загона. Он внимательно вглядывался за решетку и что-то тихо говорил двум сопровождающим – мужчинам лет сорока, одетым в такую же черную форму с серебряным черепом на левом плече. Несмотря на жару, все трое были наглухо затянуты в плотное сукно, на ногах высокие кожаные ботинки, аккуратно зашнурованные до самого верха. У каждого по два меча, короткие, широкие, в обшитых кожей ножнах. Что еще из оружия спрятано на воинах – одному Создателю известно, но говорили, что Псы до предела напигованы приспособлениями для убийства. Даже если их раздеть догола, никто не мог дать гарантии, что Пес не достанет откуда-нибудь тонкий смертоносный кинжал и не перережет глотку врага так быстро, что жертва не успеет понять, что ее убивают.

Лаган был уже сед, как горная вершина, но Джубокс не поставил бы и медяка на того, кто вышел бы против этого «старика» с мечом в руке. Впрочем, и не с мечом тоже. Смертоноснее Псов не было никого. По крайней мере, так считала людская молва.

На взгляд Джубокса, выдавшего вида, это было преувеличением. Мастеров единоборств в мире было много, и Джубокс сам не из последних в искусстве смертоубийства. Но Псы и вправду были хороши. Очень хороши. И мастер был искренне рад, что никогда не имел возможности сравнить свои умения с умениями любого из воспитанников Корпуса Имперских Псов. Псы и Джубокс существовали в разных мирах – Джубокс в своем, простом, обыденном, Псы – наверху, возле Императора, его гвардия, его телохранители, его убийцы, опора трона, оплот Империи.

Лаган и его спутники оглянулись на шаги Джубокса, и все трое «черных» коротко кивнули головой, как бы подтверждая, что увидели хозяина содержимого рабского загона и позволяют тому приблизиться.

Джубокса всегда слегка раздражала эта манера – какие-то безродные твари, и на вот тебе – вместо искреннего уважительного поклона, вместо того, чтобы смиренно склонить голову перед свободным – спесь, гонор, презрение!

Впрочем, они ведь тоже свободные люди. Псы освобождались при выпуске из Школы. Все знали, что Псы – свободные подданные Империи. Но знали и то, что Псы – бывшие рабы. Потому отношение к ним было опасно-презрительное. Понятно, почему.

– Приветствую, мастер Джубокс. – Лаган говорил холодно и отстраненно, будто и не знал собеседника много лет. – У меня для тебя хороший заказ. Мне нужна сотня щенков. За каждого Империя готова заплатить тысячу дагм.

– Приветствую, мастер Лаган! – Джубокс постарался говорить так же, как и его собеседник, –

без эмоций, без выражения. Так, чтобы тот не понял, что Джубокс презирает этого роста, волей судьбы вылезшего из грязных низов на самую верхнюю ступень, которую только мог занять, – Вожака Школы Псов. Человек, который воспитывал, тренировал, делал из жалких щенков профессиональных убийц без жалости и страха.

– Так что мне скажешь? Есть у тебя приличный материал?

– Видишь ли, в чем дело, мастер Лаган... материал есть, и неплохой – сам видишь. И ты знаешь, что у меня не бывает плохих «овец», но...

– Тебя не устраивает цена, – догадался Лаган, слегка прищурив глаза. – Я слышал, что твои дела идут очень неплохо. Рабы уходят по высокой цене. Тогда скажи мне, по какой цене ты хочешь продать весь этот сброд?

– Ты хочешь забрать всех? – удивился Джубокс, лихорадочно раздумывая, какую цену заломить. – Здесь сто пятьдесят восемь «овец». Все почти полностью здоровы, крепки, сильны – хороший материал!

– Нет, не всех. Мелочь мне не нужна. Только средние и старшие – десять-пятнадцать лет. Сколько у тебя таких в наличии?

– Ну... сотня точно наберется. Что касается насчет цены... тысяча. Только не дагм, а дерм. И то лишь из уважения к Империи и к тебе лично.

– Уважаешь ты только звонкую монету! И себя! – усмехнулся Лаган. – Ну ты и зажрался! В пять раз поднял цену! Чуешь, когда деньгами пахнет. Хорошо. Я согласен. Но это последнее слово. Если ты после скажешь, что передумал, что рабы стоят гораздо дороже и ты не можешь отпустить по этой цене – берегись. Не сносить тебе головы. Это распоряжение Императора – он увеличивает состав Корпуса, и нам нужны новые щенки.

– Это не мое дело, конечно, но если бы вы не отправляли отслуживших Псов на границу, вам не пришлось бы так часто обновлять состав Корпуса, – хмыкнул Джубокс. – Никогда не понимал, зачем столько времени и сил потратить на обучение и вдруг выбрасывать на границу, служить, как простым пограничникам! Ну не глупость ли?

– Это не тебе решать. И не мне! – посуровел Лаган. – Таков закон! И не нам обсуждать Венценосного! Готовь щенков. Я лично буду осматривать каждого.

– Оплата монетой или векселем? – вкрадчиво спросил Джубокс, оглядываясь в поисках своего казначея. Тот был занят, оформляя очередную сделку.

На каждого раба требовалось составить купчую – простенькую, но с личной торговой печатью Джубокса. Это было нужно, скорее, для покупателя, чем для продавца. Продавец без оплаты все равно товар не отдаст, так что он ничем не рискует, а вот чтобы не было претензий на тему «ты мне никаких денег не давал, верни раба!» – и нужна была соответствующая бумажка.

– Зачем глупые вопросы? – после паузы, чтобы показать глупость вопрошающего, ответил Лаган. – Я что тебе, телегу серебра привезу? Вексель Имперского банка, само собой. Так ты чего стоишь? Время идет, а товар еще не подготовлен! Быстро, быстро давай!

Джубокс замер, окаменев лицом, потом сдвинулся с места и пошел туда, где стоял смотритель загонов и надсмотрщики. Внутри у него все кипело – как смеет этот безродный ТАК с ним разговаривать?! Тварь! Животное! Если бы не эта сделка, если бы не выгодные заказы... Тварь!

Тварь! Тварь! Может, нанять убийцу? Грохнуть этого наглеца?! А что - за тысячу-другую серебра любой убийца запросто всадит в его затылок каленый болт! Ну не за тысячу... может, и подороже - все-таки это Вожак, - но всадят, да. Только вот что потом? Что будет делать Секретная служба? Само собой - начнет рыть землю, разыскивая убийцу. А когда найдет...

- Зачем глупые вопросы? - после паузы, чтобы показать глупость вопрошающего, ответил Лаган. - Я что тебе, телегу серебра привезу? Вексель Имперского банка, само собой. Так ты чего стоишь? Время идет, а товар еще не подготовлен! Быстро, быстро давай!

Джубокс замер, окаменев лицом, потом сдвинулся с места и пошел туда, где стоял смотритель загонов и надсмотрщики. Внутри у него все кипело - как смеет этот безродный ТАК с ним разговаривать?! Тварь! Животное! Если бы не эта сделка, если бы не выгодные заказы... Тварь! Тварь! Тварь! Тварь! Может, нанять убийцу? Грохнуть этого наглеца?! А что - за тысячу-другую серебра любой убийца запросто всадит в его затылок каленый болт! Ну не за тысячу... может, и подороже - все-таки это Вожак, - но всадят, да. Только вот что потом? Что будет делать Секретная служба? Само собой - начнет рыть землю, разыскивая убийцу. А когда найдет...

Нет, как ни хочется завалить гада - не получится. По крайней мере - пока не получится. Да и зачем? Деньги от него идут хорошие, выгодный клиент. А то что он с гонором, - можно и забыть. Деньги перекрывают все. Или почти все.

* * *

Щенок съежился в углу, прижавшись спиной к стене. Он внимательно и настороженно следил за происходящим, и когда возле решетки появились трое людей в черном, замер и постарался сделаться незаметным. Он чуял исходящую от этих людей угрозу. Мужчины были спокойны, бесстрастны, но что-то в их облике говорило: «Меня нельзя тронуть безнаказанно! Я - смерть!»

Это чуяли и другие мальчишки, отпрянувшие от решетки. Они испуганно следили за чужаками, украшенными знаками-черепами, и тихо переговаривались, стараясь не смотреть страшным людям в глаза, как не смотрят в глаза сильному сопернику молодые звери - ведь это может быть воспринято как вызов, как призыв к атаке!

Мужчины переговаривались, разглядывали маленьких рабов, и когда у клетки появился коротышка, главный на корабле, отошли в сторону, не глядя на замерших в ожидании пленников.

Поговорив, коротышка ушел и скоро появился снова, ведя за собой четверых надсмотрщиков. Двое из них были знакомы Щенку, они следили за порядком в трюме корабля, и двое «чужих» - огромные, плечистые, будто выточенные из камня.

Один из надсмотрщиков подошел к загону, провел дубинкой по железным прутьям - тррррр - видимо, так он привлекал внимание пленников. Он объявил, что все рабы должны раздеться догола, сняв с себя все, в том числе и набедренные повязки. Тот, кто не сделает это до десятого удара, получит пять плетей.

Бам! Бам! Бам!

Надсмотрщик отбивал ритм, и мальчишки лихорадочно сбрасывали с себя одежду. Когда прозвучал последний, десятый удар, вся толпа уже стояла, прикрыв руками пах. Маленькие рабы еще не могли привыкнуть, что стесняться им нельзя. Стесняются только люди. Они - не люди. Животные стыда не имеют.

- Руки вдоль тела! Не прикрываться! - рывкнул огромный надсмотрщик и сильно врезал дубинкой по прутьям клетки так, что они загудели, будто экзотический музыкальный инструмент. - Стоять прямо! Без команды не двигаться! Не разговаривать! Ты! Вышел сюда!

Надсмотрщик указал на мальчишку лет десяти толстым, словно плод патата, пальцем, и раб испуганно вздрогнул, будто его ударили плетью. Выскочил из клетки, встал возле надсмотрщика, замер, вытянувшись и... вдруг глаза мальчишки закатились, и он рухнул в пыль, потеряв сознание - то ли от испуга, то ли ослабев от перенесенных мучений. А может, и от всего этого сразу.

Надсмотрщик сплюнул, поддел ногой обнаженное маленькое тело и, будто засохшее лошадиное дерьмо, отбросил к решетке, где мальчик и замер, как изломанная кукла.

- А ты говорил - хороший материал! - усмехнулся Лаган, скосив глаза на Джубокса. - Если остальные такие же дохлые, они не стоят тех денег, что ты запросил.

- Вожак, не нужно меня сердить, - холодно ответил Джубокс. - Прекрасно знаешь, что среди хороших «овец» попадаются и паршивые. Я разве навязываю? Отбирай тех, кого сочтешь необходимым взять, и не нужно бессмысленных слов. Ты что, сегодня не в духе? Хочется на ком-нибудь выместить плохое настроение? Вымещай его на ком-нибудь другом! Я знаю цену моему товару! Не нравится - поищи в другом месте!

- Ладно, чего ты так взвился? - неожиданно добродушно ответил Лаган, натягивая на руки тонкие кожаные перчатки. - Выводите остальных, мы будем их осматривать. Парни, смотрите, чтобы не было уродов, а на раны, ушибы и все такое не обращайтесь внимания, вылечим. Главное - чтобы тело было сформировано правильно.

Мальчишек выводили одного за другим - их вертели, крутили, влезали в рот, ощупывали мышцы, кости, даже гениталии, ведь если мальчик не сформировался как мужчина, он не нормален, и ничего хорошего из него не получится.

Щенок оставался в последних рядах, прячась за спинами товарищей по несчастью. Когда и до него дошла очередь, вышел из клетки, встал, держа руки вдоль бедер, как от него требовали, и замер, глядя по сторонам. Он был неподвижен, как каменная статуя. Двигались лишь глаза, отыскивая способ бегства. Глядя на то, как на его товарищей надевают колодки, Щенок инстинктивно понимал - если сейчас он не сбежит, то больше случая может и не представиться. И лучшей возможности он не найдет - рынок шумел, кричал, туда-сюда суетились люди, и затеряться среди них такому мелкому существу, как четырнадцатилетний мальчишка, не представит никакого труда. Так казалось. И не было ни одной мысли о том, как выжить без каких-либо средств к существованию, без одежды - голому, как в момент рождения. Для этого нужно думать, а думать Щенок разучился. Но инстинкт говорил: «Беги! Спасайся! На свободу! Беги!»

Когда рука одного из помощников Лагана уцепила мальчишку за гениталии, Щенок внезапно извернулся и со всей силы врезал тому в глаз так, что мужчина на секунду потерял ориентацию от неожиданности и боли.

Рывок!

И худое тело мелькнуло мимо остолбеневших рабовладельцев, чтобы исчезнуть в пестрой толпе возле помоста.

Не получилось. Века рабовладения научили хозяев справляться с любыми неожиданностями -

их не было видно в толпе, но ловцы всегда наготове, и когда Щенок пробежал мимо, получил удар толстым, свитым из буйволиных жил бичом так, что полетел кубарем и почти потерял сознание. Кожа на спине, там, куда пришелся удар, лопнула, и капли крови брызнули на пыльную землю, тут же запекшись серо-коричневыми бусинами.

Надсмотрщик поднял Щенка легко, будто тот ничего не весил, и, подойдя к загону, швырнул на землю под ноги Псу, сконфуженно потиравшему покрасневший слезящийся глаз.

- Шустрый парень, - хмыкнул Лаган, наблюдая за тем, как Щенок поднимается с земли, стоя спиной к решетке и зыря, будто пойманный зверь. - Сложен неплохо. Худоват, но это тоже неплохо.

- Шустрый парень, - хмыкнул Лаган, наблюдая за тем, как Щенок поднимается с земли, стоя спиной к решетке и зыря, будто пойманный зверь. - Сложен неплохо. Худоват, но это тоже неплохо.

- Я ему сейчас горло вырву! - мрачно пообещал помощник Вожака, делая шаг к оскалившемуся мальчишке. - Негодная тварь!

- Стой! Не трогай! - остановил Лаган. - Он мне интересен. Этот зверек единственный, кто попытался бунтовать, и это ведь после обработки подчиненными уважаемого Джубокса. Не сломался, воспользовался, как он думал, единственной возможностью сбежать. Джубокс, что можешь сказать об этом экземпляре?

- Ребята прозвали его Щенком, - неохотно пояснил работорговец. - Должен предупредить - этот парень спятил. Он не разговаривает, только рычит. Если дерется - то насмерть, не как все мальчишки. Его все боятся и не трогают. Пробовали - он их чуть не загрыз. Ни с кем не общается, зверь зверем. Бесплезный материал - для нас. Для вас - не знаю.

- Хмм... спасибо. Я ценю твою честность, - удовлетворенно кивнул Лаган. - Я давно его заметил, еще когда он прятался позади всех. Поведение парня отличалось от поведения остальных. Когда он сидел в углу, на вытянутую руку вокруг него было пустое пространство. Что касается сумасшествия - все мы в той или иной степени сумасшедшие. Наши лекари лучшие в мире, и если они не смогут ничего сделать с его головой - значит, никто не сможет. Но я видел, как они творили чудеса.

- Ну и слава богам! - облегченно вздохнул Джубокс. - Я тебя предупредил, не обманул, так что...

- Нет, не обманул. Готовьте доставку, а мы с тобой идем оформлять сделку.

- Не забудь в сумму, указываемую на векселе, включить аренду колодок, - заметил Джубокс. - Только не нужно говорить, что я мог бы оплатить ее из своего кармана. Ты говоришь эту фразу десять лет! Уже в зубах навязло!

- И за десять раз ты ни разу не пошел даже на такую маленькую скидку, - усмехнулся Лаган, шагая следом за работорговцем. - Жаден ты не в меру, мастер Джубокс.

- А ты как будто из своего кармана платишь! И не стыдно так торговаться из-за жалких медяков с несчастным человеком, зарабатывающим свой кусок лепешки в поте лица?

- Я за Империю болею, - спокойно заметил Лаган, острым взглядом опытного телохранителя привычно обшаривая толпу. - Казна не бездонна, хотя за годы покоя в ней накопилось немало.

Я должен следить за верным использованием средств Императора и стараюсь уменьшить расходы.

Джубокс окинул Вожака внимательным взглядом, но ничего не сказал. Он мог бы напомнить верному Псу Империи о том, сколько тратит Император на свои увеселения, и о том, сколько уходит на городские праздники, на которых зарабатывают крупные торговцы, приближенные к Императорскому трону. Зачем? Это знают все. Но доказательств нет. Как и всегда.

Кроме того, начнешь критиковать Императорский двор – нарвешься на неприятности. Кто знает, что делается в мозгах этих Псов. Известно, как они реагируют на угрозу или оскорбление Императора. Хорошо, если не убьют, а всего лишь потащат в Секретную службу. Вести такие речи рядом с Псами сродни самоубийству.

Впрочем, лучше бы убили на месте, чем оказаться в Секретной службе. Вытянут все, что знаешь и что не знаешь, только после допроса уже не останешься прежним. Изувечат и скажут, что так и было. Если не считать армии, Секретная служба и Псы – опора трона. Если бы не они, знать давно бы устроила переворот и скинула нынешнего Императора, чтобы посадить на трон своего человека. А потом скинуть и этого. И так до бесконечности – чего-чего, но лучшим развлечением имперской знати было устройство заговоров. А что еще делать, когда ты уже устал от разврата, жратвы и безделья? Когда ничего не радует и все у тебя есть? Скучно! Власть – нет ее слаще!

Власть и кровь – вот главное в мире, и эти два слова неразделимы.

* * *

Твердая земля, камешки, колючки, ноги в кровь. В горячей пыли – следы, окропленные розовым. Руки впереди стянуты веревкой, привязанной к телеге. Время от времени, когда Щенок падает, он волочится несколько шагов, пока не поднимается и снова идет за повозкой, пошатываясь, как саженец под порывами ветра.

Он наказан. Никто не может напасть на Пса без того, чтобы не понести наказание. Тем более – жалкое ничтожество, раб, даже еще не щенок. Нужно с первых шагов внедрять мысль о том, что нападать на старших Корпуса Псов нельзя. Они – суть божества, они – властители тел и умов щенков и недопесков. Когда-нибудь те, кто сейчас едет в повозках, станут Псами – если доживут, конечно.

То, что доживут не все, без сомнения. Выживает процентов семьдесят, и это в лучшем случае. Болезни, травмы на тренировках – все против этих изможденных мальчишек, но таков путь Пса. Лучшее, что они могут получить в Империи.

Когда исполнится тридцать лет, Псы отправятся служить на границу, в сорок лет – свободны и могут завести свою семью – те, кто захочет или сможет это сделать. Таких было немного. Псы служили долго и обычно умирали не своей смертью. Воспитание, которое дали им во время обучения, накладывало отпечаток на всю жизнь.

Вожак не стал говорить рабовладельцу о том, что знал каждый из Псов. Тридцать лет – это был тот возрастной барьер, после которого реакция бойца начинала слабеть. По крайней мере, так считали ученые мужи.

Император должен получать самое лучшее, самых лучших бойцов – молодых, умелых, невероятно быстрых и сильных. Телохранители должны быть безупречными бойцами. И никак иначе. Только им мог доверять Император, который не верил даже своей дочери. Кроме того,

было еще одно обстоятельство, о котором знали лишь высшие... но это не для всех.

Вожак не был согласен с утверждениями ученых, но что он мог поделывать? Да, как и работорговец, он тоже считал отправку Псов на границу бессмысленной тратой драгоценных человеческих ресурсов, но кто он такой, чтобы менять законы, установленные веками? Если Император считает, что должно быть именно так, а не иначе, значит, так тому и быть.

Лаган посмотрел в спину Щенка, шагающего по дороге, и усмехнулся уголком рта – пусть приучается к дисциплине. И пусть все видят, что бывает с тем, кто нарушает закон Корпуса! Командиры неприкосновенны! Это закон! Если бы он напал на Пса, будучи щенком, – получил бы двадцать плетей. Если бы при этом убил – смерть его была бы страшной.

Глаза Вожака затуманились, и перед мысленным взором возникла картина – столб с перекладиной, на которой висит обнаженное тело. Руки примотаны веревкой. Глазницы пусты – птицы выклевали глаза, добираясь до мозга.

Труп когда-то звался Ригом. Он посмел напасть на учителя с тренировочным мечом и убил его ударом в голову.

Труп когда-то звался Ригом. Он посмел напасть на учителя с тренировочным мечом и убил его ударом в голову.

Учитель был строг. Но не слишком. А еще – глуп и плох как боец. Позволить себя убить какому-то щенку? Такие учителя не нужны. Как и такие щенки.

Вообще-то это был редчайший случай. Такое преступление ученика было отмечено в хрониках Корпуса всего пять раз на протяжении нескольких столетий. Методы Корпуса работали всегда. Верность вбивалась магией и снадобьями.

Корпус Псов располагался в получасе ходьбы от городской стены, у подножия Пика Императора, – самой высокой горы из череды гор, вытянувшихся вдоль побережья. Основной состав Псов постоянно жил внутри дворцового комплекса, в отдельных казармах, но Школа и склады Корпуса находились именно тут, за высокой стеной, украшенной шестью сторожевыми башнями. Дежурили на них недопески, ученики, обучавшиеся больше года и получившие уроки верности. Только через три года рабы, вошедшие на территорию Корпуса, смогут получить возможность выйти за стену – когда станут настоящими Псами.

Впрочем, существовал еще один способ выхода с базы – покинуть мир навечно, оказаться на склоне горы, на кладбище, где уже упокоились сотни и сотни тех, кто когда-то мечтал, любил и совсем не думал о том, что жизнь может закончиться так быстро, глупо и бездарно.

Со сторожевых башен заметили приближение каравана, ударили в сигнальный колокол. Тяжелые, окованные начищенной медью ворота медленно поднялись, и через несколько минут повозки втянулись на территорию базы, высекая искры из каменных плит окованными металлом колесами.

Привратники с веселым любопытством посмотрели на голого подростка с окровавленными, разбитыми ступнями, тащившегося позади всех, но ничего не сказали. Застыв, они отсалютовали Вожаку ударом кулака правой руки о выпяченную грудь. Лаган осмотрел их строгим взглядом, от которого в жилах стыла кровь, отвернулся и поехал дальше, прищпорив черного, как уголь, жеребца.

Этого жеребца знали все – мерзкая тварь кусалась, лягалась и не давалась никому, кроме

Вожак. Однажды конь едва не вырвал руку молодому щенку, отправив того в полет через стенку прогулочного загона. Поговаривали, что в эту лошадь вселились демоны, и только демон может управлять таким существом. Последнее старались говорить тихо, чтобы, не дай Создатель, не услышал Вожак – дурно может закончиться.

В обучение Псов обязательно входил курс верховой езды. Каждый выпускник должен в совершенстве владеть этим искусством. Невозможно полноценно охранять Императора, если ты не умеешь ездить на коне. И не просто ездить – биться верхом, с оружием или без оружия.

Возле административного здания выстроился ряд воинов в черной форме с такими же, как у Лагана и его помощников, серебряными черепами на плече. Черные береты, мечи – все, как положено Псу. Не очень молоды – каждому из них не менее тридцати лет, скорее, к сорока. Большинство родом из ростов, но есть и южане – двое с краю: крепкие, низкорослые, с мощными длинными руками, способными в одно мгновение сломать подкову и шею врага.

Подводы остановились посреди плаца, надсмотрщики споро выгнали рабов из телег, и мальчишки сгрудились кучей, испуганно поглядывая вокруг. На их плечах лежали колодки, которые надсмотрщики теперь привычно и ловко снимали, забрасывая назад, в телеги – за аренду оплачено, и если хозяин не досчитается хоть одной – вычтет из жалованья.

- Доклад! – негромко скомандовал Лаган, подходя к строю «черных», и старший из них, седовласый высокий мужчина, вышел вперед, отсалютовал и четко, глядя в глаза командиру, отрапортовал:

- Мастер Лаган, за время вашего отсутствия на территории Школы ничего непредвиденного не произошло. Ученики занимаются по плану. Готовы к приему щенков.

- Если готовы – принимай! – устало кивнул Лаган. – Разместишь, потом доложишь. Вызывай лекарей, всех нужно осмотреть, вылечить. Особенно вон того. С ним будьте внимательны.

- Буйный? – понимающе усмехнулся мужчина. – Что, уже отличился?

- Отличился, – тоже усмехнулся Вожак, покосившись на подбитый глаз спутника. – К нему вызови мастера Дондокса.

- Что, так серьезно?

- Да. С ним нужно поработать прежде всех. Иначе может дел натворить...

* * *

Было больно. Ноги как деревянные, онемели, распухли, покрытые коркой из грязи и крови.

Спина тоже болела, исполосованная ударами бича.

Щенок не плакал, он тяжело дышал, с ненавистью глядя в бородатое лицо человека, нависшего над ним и что-то рокотавшего низким, тяжелым голосом. Что он говорил, Щенок не понимал. Не хотел понимать. Он окончательно впал в какой-то ступор, уйдя в себя, как в раковину, стараясь отстраниться и от боли, и от страшной действительности. Мальчишка все больше и больше погружался в пучину безумия. Вернее, его туда загоняли. С каждым ударом, насилием, совершенным над его телом.

- Тащите в моечную! – приказал лекарь, сокрушенно покачав головой. – Крепко ему досталось.

Осторожнее! Смывайте с него грязь! Ну, быстро!

Двое мальчишек в серой форме недопесков поставили Щенка под струю воды, молча и споро намылили, стерли грязь, кровь, затем снова отвели к лекарю, разложившему на столе свои снадобья.

- Кладите его сюда. Отойдите и сядьте у стены. И чтобы ни звука! Лежи спокойно, ничего с тобой не случится. Ты меня понимаешь, эй? Таращитесь, и все тут... ладно, посмотрим, что можно сделать...

- Мастер, ты хочешь сразу провести ритуал верности?

- О! Вожак вернулся! Нет, пока нет. Попробую укрепить ему мозги, похоже, они сильно встряхнулись. Если не получится, путь один - на кладбище.

- Я думал, что для тебя нет невозможного, мастер Дондокс...

- Ты льстишь мне, мастер Лаган. Что не в твоих правилах... Зачем? Тебе интересен этот щенок?

- В общем-то, да. Когда-то и я был таким зверенышем. Мне хочется, чтобы он выжил.

- Как будто мне не хочется... только шансов у него не так и много. Процесс зашел слишком далеко.

- Щенки в этот раз обошлись дорого, постарайся его сохранить. Работорговец поднял цену, а ничего дельного на рынке больше нет. Так, крохи... еще пятьдесят щенков прикупил, по одному, по два. И то ростов больше нет, только местные.

- Дело идет к войне, мастер?

- Похоже, что да. Крупного конфликта не избежать. Не зря Император усиливает Корпус.

- Не зря. Вчера я был в гостях у мастера Ленкоманга, так он мне шепнул... Какое-то брожение вокруг трона, ходят слухи о заговоре. Это неспроста, хотя Ленкоманг известный болтун. Напридумает...

- Не знаю. Нас не извещали. Эти слухи вечно ходят, лет уже как... двадцать. И все заканчивается тем, что кому-нибудь из особо шустрых снимают голову с плеч. Обычное дело. Эй, щенки, чего уши растопырили?! Кто скажет хоть слово из того, что тут слышали, голову оторву! Ну что же, приступай, мастер Дондокс.

Бородатый человек наклонился над Щенком, и тот едва удержался, чтобы не воткнуть бородачу палец в глаз или не вцепиться ногтями в горло - чужак нарушил границу, протянул руки ближе, чем полагается. И что хуже того - положил их Щенку на голову.

Толстые губы что-то шептали, руки чужака стали теплыми, потом горячими, просто обжигающими, голова Щенка наполнилась звоном. Звон шел откуда-то издалека, даже не звон, а жужжание, пронизывающее мозг, не дающее спрятаться в свою раковину. Оно было неприятным, оно тревожило, будило что-то в глубинах сознания, поднимало пласты воспоминаний. И вдруг поплыли картинки: высокий мужчина со шрамом на правой щеке и красивая женщина, которая счастливо смеялась и брызгалась водой. Лодка, на слани которой лежали мокрые сети, и рядом груды серебристых рыб, беспомощно разевавших рты.

Картинки пошли вереницей, пестрым потоком, и голова заболела, ее заломило еще больше. Стало трудно дышать, и Щенок задергался, начал извиваться в сильных руках лекаря, не перестававшего творить колдовство.

- Держите его! Держите, быстро! - рявкнул Дондокс, яростно зыркнув на помощников. - Не удержите, сломает себе шею. А потом я вам шеи переломаю!

- Что с ним? - спросил Вожак, сидя в кресле напротив и с нарочитым интересом наблюдая за процессом. - Что ты сейчас с ним сделал?

- Попытался разбудить память. Есть заклинание, которое высвобождает память, если потерял. Я читал в одном трактате о подобных случаях. Человек, прячась от невзгод, забывает всю свою прежнюю жизнь, превращаясь в подобие животного, зверя, оставляя лишь звериную натуру. Это ему помогает выжить. Ты слышал о воинах, которые во время боя теряют человеческий облик? Пускают пену, бросаются на врага, не чужа боли? Их сила и скорость возрастают в несколько раз, убить их очень трудно.

- Чего там слышать? - фыркнул мастер. - Я и видел. И встречался с такими. Вообще-то, они плохо заканчивают свой жизненный путь. Военское искусство предполагает холодный расчет, отсутствие эмоций, а не звериный наскок! Да, на раз этого хватит, но если противник не испугается - бой может закончиться, и чаще всего заканчивается очень дурно для безумца. Это закон. Так ты считаешь, он впал во что-то вроде боевого безумия?

- Эй, держите крепче, слабосильные мерзавцы! Прижмите его, прижмите, демоны вас заберите!

- Мастер, мы не можем удержать! - парнишка обернулся к магу, красный, напряженный, злой. - В него как демоны вселились, он просто невероятно сильный!

- Вот о чем я и говорю! - довольно кивнул маг. - Держите. Ничего, удержите. Иначе получите плетей! Сейчас он утихнет... Так вот, мастер Лаган, ты видишь? Двое не могут удержать! Да, ты прав - он впал во что-то вроде боевого безумия, и я стараюсь вывести из этого состояния. Как получится - не знаю. Увидим, скоро увидим. Конвульсии уже стихают, посмотрим, что у нас получилось. Интересно было бы оставить его в таком состоянии подольше и понаблюдать, что с ним происходит. Только боюсь - не затянулось бы надолго такое наблюдение. В конце концов, он превратился бы в ходячий патат - жрать, пить, испражняться. Хмм... кидаться на все, что шевелится. Впрочем, этим он до этого и занимался, не так ли? Ты когда хочешь начать?

- Переделку? Дня через три, когда подлечим их как следует. Подкормим. Мне не нужен лишний отсев. У тебя все готово?

- Все готово! Ты каждый раз это спрашиваешь, Вожак! Иногда я думаю, что ты очень низкого мнения обо мне...

- Ну-ну... не сердись, мастер. Я очень высокого о тебе мнения. Клянусь. Просто спросил. Партия щенков большая, снадобий нужно много. Больше двухсот особей - хватит на всех?

- Хватит. Всегда делаю с запасом. - Дондокс положил руку на голову Щенка и большим пальцем левой руки поднял ему веко. - Ну вот, зрачки в норме, он пока в обмороке. Сейчас я его разбужу, и тогда мы все узнаем. Существует опасность, что ты не сможешь воспользоваться этим материалом, но тут уже никуда не деться.

- Мастер, делай! - вздохнул Лаган и подумал о том, сколь много нужно иметь терпения, чтобы

общаться с этими учеными мужами. Чуть что – обиды, чуть что – долгие разговоры ни о чем, длинные рассуждения на отвлеченные темы. Но все это обязательно нужно выслушать и ласково поддакивать, ведь спокойный, довольный маг работает гораздо эффективнее злого, недовольного и расстроенного. У нервничающего мага заклинание вообще может пойти не так, как ожидаешь. Или вообще не получиться.

- Делаю, делаю, мастер Лаган... уже делаю...

Маг простер руки, сказал несколько слов, и вдруг в воздухе отчетливо запахло послегрозовой свежестью. Между пальцами лекаря проскочили искорки, и Лаган невольно поежился, хотя видел такое много раз. Вожак не понимал природы магии и, честно сказать, побаивался колдовства. Оно вызывало у него подсознательный страх, как у дикаря, увидевшего проявления божественной сущности. Впрочем, это и было проявлением божественной сущности, как говорили маги. Боги давали избранным людям часть своей силы, для того чтобы те доказывали существование богов.

Лаган считал, что такое объяснение колдовству не выдерживает ни малейшей критики, но как человек практичный и выдавший виды допускал, что без богов тут не обошлось. В любом случае ни маги, ни ученые-алхимики, а тем более простые люди все равно никакого внятного объяснения происходящему дать не могли, так что ломать голову над этой проблемой было лишь потерей времени, не более того. Лаган же терять времени не хотел. Его, этого времени, осталось не так и много... увы. Возраст.

Мальчишка на столе вздрогнул, глубоко вздохнул и задышал полной грудью. На глазах Лагана ссадины и ранки на коже Щенка стали затягиваться, исчезать, тело будто впитывало мазь, которой перед началом сеанса был покрыт мальчик.

Ступни – опухшие, изрезанные, снова стали здоровыми, чистыми. Спины не было видно, но Лаган знал – рубцы от бича на спине Щенка сейчас затягиваются, исчезают, расправляются, будто их никогда и не было.

Немного удивился – лекарь использовал самое мощное оздоравливающее заклинание, а не простенькое, годное, чтобы разбудить. Зачем?

- Я не хотел терять времени, мастер Лаган. – Дондокс перехватил удивленный взгляд Вожака, кивнул. – Все равно его будить, так заодно и полечили. Парень крепкий, думаю, выдержит. Немного похудеет... хмм... наверное.

Лаган с сомнением оглядел худое тело мальчика, взгляделся в его лицо и четко, с расстановкой, сказал:

- Ты очнулся. Я знаю, что слышишь. Как твое имя?

Молчание.

- Как твое имя, я спросил! Отвечай, если не хочешь получить наказание! Запомни – ты в Школе Псов, и ты – никто. Раб. Ты в нашей власти, и мы можем сделать с тобой все, что пожелаем. Чтобы выжить, ты должен подчиняться нашим приказам. Моим приказам. Мое имя – мастер Лаган, или Вожак. Я главный в этой школе. Итак, отвечай: как твое имя?

- Ты очнулся. Я знаю, что слышишь. Как твое имя?

Молчание.

- Как твое имя, я спросил! Отвечай, если не хочешь получить наказание! Запомни - ты в Школе Псов, и ты - никто. Раб. Ты в нашей власти, и мы можем сделать с тобой все, что пожелаем. Чтобы выжить, ты должен подчиняться нашим приказам. Моим приказам. Мое имя - мастер Лаган, или Вожак. Я главный в этой школе. Итак, отвечай: как твое имя?

- Не знаю... - тускло ответил мальчишка, с трудом выталкивая слова, и посмотрел на человека в черном яркими синими глазами.

Лаган вдруг отметил - мальчишка очень красив, даже слишком. Волосы отмылись, стали золотистыми, кожа чистая, белая, если бы не главные признаки принадлежности к мужскому полу, его можно было бы принять за девчонку.

Вожак поморщился - мальчишка будет иметь проблемы. В обществе парней, запертых в ограниченном пространстве школы, без малейшей возможности общения с противоположным полом красавчик, подобный Щенку, обязательно будет подвергаться опасности.

В Школе строго наказывали за попытки принудить учащихся к противоестественным страстям, но... всякое бывало. В стае зверят могло быть все, что угодно. Если этот красавчик не сумеет постоять за себя, участь его будет незавидна.

Лаган помнил историю, произошедшую десять лет назад, когда пятеро старших учеников изнасиловали молодого щенка, проучившегося всего полгода. Он никому не сказал, но улучил момент и зарезал всех своих обидчиков, когда те спали. Потом покончил с собой. После были наказаны два командира звеньев, что просмотрели и не донесли о случившемся. Ведь знали, Лаган уверен, - знали, здесь ничего нельзя скрыть от глаз и ушей учащихся, но... вот так. Да, наказали, да, спустили шкуру со спины, но разве это воскресит учеников?

- Ты помнишь, откуда ты? Как сюда попал? Знаешь, где находишься?

- Я захвачен рабовладельцами. Ты меня купил.

- Нужно добавлять «мастер Лаган», или «Вожак», - холодно сказал Лаган. - Ну-ка, повтори: «Я захвачен работорговцами, мастер Лаган».

Молчание.

Шелест меча, вытаскиваемого из ножен, короткий свист клинка - удар!

На бедре мальчишки вспухла красная полоса. Меч ударил плашмя, и это было больно, очень больно - Лаган знал по себе.

- Повтори то, что я сказал!

- Я был захвачен работорговцами, мастер Лаган. Ты меня купил, мастер Лаган.

- Вот так... - Вожак удовлетворенно кивнул головой, внимательно наблюдая за реакцией мальчишки на полученное наказание. У того не дрогнул ни один мускул на лице, лишь из уголка левого глаза предательски выкатилась небольшая слеза и унеслась вниз, оставив за собой тонкую влажную дорожку.

- Ты будешь учиться в Школе Псов, и когда... если выйдешь отсюда, вольешься в ряды самого элитного подразделения императорской армии. Ты будешь охранять Императора и его семью, будешь выполнять самые сложные, самые опасные задания Венценосного. И тебе всегда будет

сопутствовать удача, потому что ты – Пес! Псы не проигрывают схватку!

– Псы не проигрывают схватку! – повторили все те, кто был в комнате – кроме лекаря, конечно. Дондокс поморщился, будто этот патриотический пафос ему претил, и ворчливо заметил, сбив накал ситуации:

– Все. Моя работа пока закончена. Мне пора к остальным, нужно подготовить их к ритуалу. Ты же не хочешь, чтобы они все до одного передохли? Так что оставляю вас тут, не буду мешать вашим салютам и песнопениям.

Лекарь быстро собрал бутылочки, склянки, какие-то магические предметы и старые свитки, сложил их в кожаную прямоугольную сумку и вышел, не глядя на Вожака, бесстрастно следившего за манипуляциями колдуна.

Они недолго любили друг друга, маг и Пес, нужно было честно это признать. Кто такой Вожак для наделенного магическими умениями, недоступными обычному человеку? Если даже на свободных маг смотрит, как на грязь под ногами, так что тогда для него бывший раб?

Смешно, но этот маленький щенок для Вожака гораздо ближе по духу, чем лекарь, с которым они вместе служат без малого двадцать лет.

– Отведите его в казарму, покажите место, где он будет спать, расскажите о наших порядках, – приказал Вожак и, обведя внимательным, тяжелым взглядом учеников, вышел, дождавшись салюта и быстрого «Слава Императору!» – как и положено, если не хочешь получить три плети за нерасторопность.

* * *

– Эй, правда, тебя как звать? – парнишки порылись в мешках, сложенных в углу, достали штаны, рубаху, потертые ботинки со шнуровкой, бросили Щенку. – Ты что, ненормальный? Эй, ты! Чего молчишь? Одевайся, полудурок!

– Да он точно дурак, – презрительно сморщился один из них, высокий, крепкий парень лет шестнадцати-семнадцати. – Никогда не видел, чтобы с щенком так долго занимался лекарь!

– Ты много чего еще не видел, – мрачно заметил тот, кому Щенок поставил синяк под глаз. – А будешь много болтать – и не увидишь. Не приставай к нему, веди в казарму. И вот что, парни, – узнаю, что кто-то к нему пристаёт... ну вы понимаете... берегитесь! За такие дела – сразу на кладбище.

– Звеньевой, нам как-то же надо его звать? Имя-то у него должно быть? Не Щенком же? Тут все щенки... – Парнишка пониже ростом и похудее пожал плечами и вопросительно уставился на командира.

– Звереныш! – усмехнулся высокий. – Звер! Во! Будет Звер! Потому что звереныш долго выговаривать!

– Звер? – ухмыльнулся парень в черном. – Ну что же, Звер, так Звер. Если Вожак сочтет нужным, даст ему другое имя. Нет – пусть ходит Зверенышем. Сейчас я ему пару слов скажу, и отведете в казарму. Итак, Щенок, твое имя теперь Звер. Ты должен исполнять все, что тебе скажет командир. Если нарушишь правила – будешь наказан. Правила тебя заставят заучить за эти три дня, что остались до ритуала верности. Выполняй все, что тебе скажут, и через три года, если Вожак сочтет тебя подготовленным, ты выйдешь из дверей этой школы

полноценным Псом. Или останешься здесь, чтобы воспитывать Псов из тупых болванов, которые сюда попали. (Пареньки переглянулись и ухмыльнулись, пряча улыбку.) Ты будешь свободен, но до конца жизни станешь служить Императору, да славится его имя во веки веков! Если не покажешь рвения в учебе, если будешь бунтовать, нарушать правила – окажешься на кладбище, среди безвестных трупов тех, кто не смог стать Псом. Таких много, слишком много. Не становись одним из них. Все, парни, ведите его. Хватит на сегодня болтовни. Кстати, скоро ужин, поторопитесь.

Глава 3

- Вот он! – голос донесся откуда-то издалека, с середины длинного помещения, Щенок не смог рассмотреть, кто же это сказал. Он исподлобья осмотрел казарму, собравшихся по кучкам мальчишек и прошел следом за сопровождающими, уже не глядя вокруг.

Впрочем, нарочито не глядя, потому что все его чувства были настороже. Щенок ни на минуту, ни на секунду не забывал, что находится у врага, и что все вокруг могут быть врагами.

После лечения туман в его голове развеялся – тот туман, что клубился в мозгу с того самого момента, как жизнь Щенка изменилась. Теперь он помнил свою жизнь. Всю, до последних часов и минут. Так помнил, что ему оставалось лишь упасть и забыть, как дикому зверю, – настолько страшна была действительность. Не осталось одеяла, укрывающего от страшных воспоминаний. Две жизни – жизнь Адруса Симгса, как мальчика называли до того, как мертвая голова матери коснулась его ботинка, и жизнь Щенка, а теперь – Звереныша. Развилка, после которой жизнь пошла совсем по-другому, излом.

По широкому проходу между рядами Звереныша подвели к свободной кровати в дальнем углу зала, и парень-сопровождающий указал рукой на верхнюю полку:

- Сюда. Это твое место. На ближайший год – если выживешь, конечно. Вот тут шкаф – можешь сюда складывать свои вещи. Но их у тебя будет немного, хе-хе-хе...

- Ты рассказывай о правилах, а не развлекайся! – перебил парнишка пониже. – Он ведь ничего не знает! Попадет в неприятности, а с нас потом спросят!

- Ну и расскажи! – огрызнулся первый. – Язык засох, что ли? Как лезть под руку, так ты первый, а чтобы делом заняться...

- Хорошо. Я расскажу, – невозмутимо кивнул второй. – Итак, парень, слушай простые правила. Первое из них – слушаешься всех, кого тебе положено слушаться, особенно тех, у кого серебряный череп на плече. Это Псы. Им отдаешь салют, а если они отдают приказ – выполняешь, не раздумывая, и бегом. Вообще, твоя задача слушаться всех, кроме таких же, как ты, бывших рабов, ставших щенками. Присматривайся, позже тебе объяснят систему командования школой, сейчас это бесполезно. Не нужно. Дальше: отбой по сигналу, подъем тоже по сигналу, на рассвете. Умываться, одеваться быстро. Не успеешь – плети. По сигналу на завтрак, по сигналу на обед, по сигналу ужин – все по сигналу. Сортир у входа, вон та дверь. Там же можно помыться и постирать одежду. Все делаешь сам, пока не станешь Псом. Когда пройдешь Ритуал, тебе выдадут несколько комплектов одежды – для повседневности, парадную и тренировочную. Ну... все. Скоро будет ужин. Идешь со всеми, садишься, ешь – тоже по сигналу. Не успел – остался голодным. Не бойся, привыкнешь, голодным не будешь. Кормят у нас хорошо, всем хватает.

- Только выживают не все! - хохотнул высокий и прищурил темные глаза. - Скоро тут будет поспокойнее!

- И чего смешного? Да, многие умрут, и что? Это путь Пса, и мы должны его пройти! - серьезно, со звоном в голосе сказал второй парень. - Наша судьба! Все, Звереныш, пока что отдыхай. Кстати - в башмаках на постель не ложишься, заметит звеньевой - пять плетей.

Парни повернулись, пошли к выходу, выкинув новичка из своей головы, а Щенок остался стоять, обдумывая сказанное. Потом быстро сбросил башмаки, в два движения выбросив тело вверх, ловко взгромоздился на кровать. Нижняя пока свободна, но видно было, что кто-то на ней уже полежал - ровно застеленная постель смята и растрепана.

Улегшись, Щенок сложил руки на грудь, как покойник, и закрыл глаза, продолжая прислушиваться к происходящему в казарме, а еще больше к тому, что происходило в нем самом.

Ощущения были странными: руки, ноги, плечи - все зудело, кожу будто кололо очень маленькими иголочками, хотелось повернуться, лечь поудобнее, потереть кожу ладонью, сделать так, чтобы зуд исчез, чтобы тело успокоилось, позволило отдохнуть усталому мозгу. Мозг не отставал от тела. В нем шла какая-то перестройка - мелькала мешанина из образов, слов. Перед глазами всплывали то лицо мертвого отца, зажавшего в руке меч, то образ матери, как волчица вставшей на защиту своего щенка и в буквальном смысле сложившей свою голову для того, чтобы жил он, Адрус Симгс, ничтожный трус, позволивший умереть той, кто дала ему жизнь.

От нахлынувших чувств Щенок сморщился, и по его щеке покатились тяжелая мутная слеза, капнув на застиранную, но еще крепкую холщовую простыню, выглядывающую из-под одеяла.

- Глянь - он плачет! - услышал Щенок и едва не вздрогнул, тут же разозлившись на самого себя, - как он мог подпустить чужого так близко и не услышать?

Щенок открыл глаза. У кровати стоял крепкий парень лет пятнадцати-шестнадцати, из местных, смуглый, черноволосый, курчавый. Местных можно было сразу отличить по смуглой загорелой коже - здесь редко заморачивались тем, чтобы прикрыть тело от палящих лучей южного солнца, даже свободные часто ходили полуобнаженными, а уж рабы, те вообще могли находиться посреди толпы в одной набедренной повязке или совсем без нее. Нагота здесь не вызывала никакого интереса, если только обнаженный не был хорошенькой молодой девушкой.

- Чего надо? - бесстрастно спросил Адрус, повернув голову к чужаку. Щенок не хотел дружить с местными - они напоминали ему о тех, кто сломал его жизнь, убив отца и мать. Глядя на курчавого парнишку, Адрус явственно вспомнил лицо того воина, что бился с матерью, и по коже прошла дрожь возжелания от предвкушаемого убийства - когда-нибудь он доберется до этой твари и вырежет темные глаза, так похожие на глаза этого вот паренька-раба.

- Говорят, ты силен, а, рост? По-моему, ты просто девка! Если посмотреть на тебя сзади - точно, худая девка! Хотя, если наешь зад, может, и сгодишься в дело, а? - парень весело подмигнул Щенку и оглянулся вокруг, будто ожидая поддержки.

Щенок тоже обвел взглядом казарму и заметил, что за разговором наблюдают десятки глаз, хозяева которых замерли в ожидании, затаив дыхание, как зверь, скрадывающий чуткую дичь.

Адрус понял - этого парня специально натравили на него, чтобы... а вот тут вариантов много, и каждый из них имел право на существование. Вот только правда была одна - Щенка хотели

избить, над ним хотели поглумиться, и по какой причине – ему совершенно все равно.

И еще стало совершенно ясно – если сейчас спустит с рук этому парню попытку вытереть о Щенка ноги, то потом придется еще хуже. Повторить увиденное захотят все, кто посчитает себя в силах это сделать. Закон стаи – звери выясняют между собой, кто сильней, и выстраивают иерархию правления. Пока во главе не встанет самый сильный – Вожак.

Щенок попал под разборку первым – слишком уж большой за ним тянулся шлейф, ореол убийцы, человека страшного, которого нужно опасаться, а значит, по понятиям стаи – самого сильного, Вожака. И значит, будут попытки сместить его с этого пьедестала.

Адрус этого всего не знал, даже не догадывался о подобных, сложных для его понимания вещах, но на уровне инстинкта четко осознал – драки не избежать, и она случится прямо сейчас.

Адрус этого всего не знал, даже не догадывался о подобных, сложных для его понимания вещах, но на уровне инстинкта четко осознал – драки не избежать, и она случится прямо сейчас.

И тогда он мгновенно, не раздумывая, бросился на ухмыляющегося парня, повис на нем, схватив его обеими руками за шею, вцепился зубами в щеку, разодрал ее, вырвав здоровенный кус мяса. Когда враг завопил, заголосил, зажав рану руками, Щенок выплюнул на середину прохода красный, пахнувший железом, влажно шлепнувшийся шматок плоти. Улыбаясь окровавленными губами, он сильно ударил противника сцепленными вместе руками под дых, и когда несчастный упал на колени, припав головой к полу, дважды добавил ему сверху, по спине, услышав, как хрустнули кости, – то ли ребро, то ли позвоночник.

Когда прибежали дежурные, сидевшие за столом у входа, Щенок с остервенением пинал поверженного противника, довершая начатую расправу. На приказ прекратить безобразие он не отреагировал, его мозг снова захватил красный туман, не позволявший думать как обычному человеку. И тогда дежурные, дюжие ребята, проучившиеся в Школе уже год, попытались взять его в захват, чтобы остановить убийство – а именно к убийству шло.

Щенок легко, будто это были не тренированные сытые парни, а жалкие хилые кутята, разбросал их по сторонам, запустив одного из них так, что тот с хрустом врезался в спинку кровати напротив. Второй дежурный лежал в беспамятстве после удара головой, и когда Щенок врезал ему ногой в бок, даже не дернулся, будто мертвый.

Неизвестно, чем бы закончилось это дело, если бы мимо казармы не проходил один из Псов, учитель рукопашного боя. Услышав крики, он вбежал в казарму. А когда увидел стоявшего над окровавленным телом Щенка, не стал раздумывать, схватил полено, которым подпирали дверь во время проветривания помещения, и со всей силы, почти через весь зал запустил им в затылок нарушителя дисциплины, вырубив парня так же верно, как если бы того с плеча огрели здоровенной боевой дубиной.

Щенка тут же оттащили в тюремный блок, где он и был брошен на деревянный топчан под зарешеченным окошком, расположенным высоко под потолком. Он чудом выжил, потому что Пес бил от души, наповал – никто не смеет бить представителя власти, дежурного при исполнении служебных обязанностей. Это одно из тяжелейших преступлений, которые только могут быть совершены на территории Школы.

* * *

- Что будем делать, Вожак? - командир Третьей стаи испытующе посмотрел на мрачного, серьезного Лагана. - Совершенно преступление. Таких преступлений здесь не было очень давно. Парень должен быть жестоко наказан, иначе...

- Да, должен быть наказан, - кивнул командир Второй стаи. - Двадцать плетей, и на две недели под замок, на хлеб и воду.

- Согласен! - кивнул командир Первой стаи. - Иначе я с этими щенками не справлюсь. Им только дай повод - сожрут с потрохами. Только жесткие меры, только страх. Я бы его вообще казнил.

- Только страх... - задумчиво повторил Лаган, постукивая пальцами по крышке стола, и, подняв взгляд на заместителей, холодно спросил: - А вы не забыли, что он еще не прошел Ритуал? И что он не проходил Изменение?

- И что, Вожак? Как это может влиять на наше решение?

- На мое решение, Первый, на мое! - холодно кивнул Лаган. - Пока я - Вожак! А ты - мой советник! Вот когда я отойду от дел - ты будешь принимать решения!

- Я не претендую, Вожак! - Первый открыто взглянул в глаза Лагана, и тот усмехнулся.

«Как же, так и думаешь о том, как бы занять мое место! Впрочем, это будет скоро. Мне все это надоело... наверное - хватит. Всему когда-то настает конец».

- Хорошо, - удовлетворенно кивнул Лаган, глядя через плечо заместителя в окно, на плац, туда, где тренировались бойцы Второй и Третьей стаи. Парни стояли стройными рядами, перемещались по команде, по команде кричали на выдохе, оглашая воздух хриплым воплем, будто его издало многоголовое существо.

- Я поясню, - продолжил Вожак, выдержав паузу. - Парень не прошел Ритуал, потому его сознание не рассчитано на выполнение приказов. Он дикий. Мало того - его только что вывели из сумасшествия, и, похоже, безумие засело у него в голове, так до конца и не покинув мозга. Как выяснилось, его спровоцировали, оскорбив достоинство. Он не видел, кто подошел сзади, не понял, кто такие дежурные, и действовал в боевом режиме, так, как мы учим действовать наших бойцов. И кстати, замечу, он умудрился вывести из строя трех крепких парней, двое из которых прошли Изменение и тренировались уже около года. Вас ничего в этом не удивляет?

- Вообще-то удивляет. Парни были не последними на занятиях, - пожал плечами Третий. - Как они позволили себя завалить? Честно сказать, мне хочется дать им плетей. Оказалось, что они так жалки... Если любой, даже не став щенком, может их победить? Странная ситуация. Вожак, твое решение?

Лаган замер, прикрыв глаза. Он сидел так около минуты, потом, медленно подняв веки и окаменев лицом, сказал:

- Он будет наказан. Но... особым образом. Я хочу, чтобы все видели, что будет с тем, кто поднимет руку на командиров. Кто из полупсов отличается успехами в боевой подготовке? Первый? Твое мнение.

- Лерген. - Первый не задумался ни секунды. - Я вообще рекомендовал бы оставить его в Школе помощником мастера. Это природный боец, лучший из лучших. За последние дни лучше его не было.

- Согласен! Согласен! - подтвердили Второй и Третий.

- Да, думаю, что это правда, - задумчиво кивнул Лаган. - Лерген очень силен.

- Вожак, неужели ты хочешь... - начал Первый и недоуменно покачал головой. - Это же неминуемая смерть нарушителя порядка.

- Так ты прикажи Лергену, чтобы он его не убивал, а как следует обработал. Чтобы парень получил порцию наказания, но при этом не потерял ни здоровья, ни жизни. А после того как все закончится, я хочу, чтобы Щенок стоял на ногах и мог получить свои десять плетей.

- Сложно будет, - пожал плечами Первый. - Лерген умеет только убивать, не рассчитает удара - и труп. Этот звереныш, конечно, заслуживает смерти, но... ты будешь недоволен, так, Вожак?

- Буду недоволен, - уголками рта усмехнулся Лаган. - Ты сомневаешься?

- Не сомневаюсь, Вожак.

Первый слегка скривил губы, и Лаган усмехнулся, не показывая виду - нет, далеко еще этому парню до него, Вожака, не умеет он как следует скрыть эмоции и мысли. Ведь сейчас он подумал о том, что, когда Лаган будет покидать свою должность Вожака, Император спросит его: «Кто станет твоим преемником? Кого ты видишь на своем месте?» И Вожак может назвать не Первого, а Второго или Третьего. И тогда уже ему никогда не стать Вожаком. Никогда. Глупец... если бы Лаган в самом начале знал, насколько это хлопотная, нервная и... страшная должность, возможно, никогда бы не стал стремиться ее занять! Лучше бы стал наемником, или простым служакой на границе, или командовал личной гвардией богатого вельможи... а может, стал бы купцом - а что, почему бы и нет?

При этой мысли Лаган снова усмехнулся - уж купцом-то не стал бы никогда. Это точно.

* * *

Сознание Щенка выплыло из темноты, и он ощутил щекой гладкую деревянную поверхность, отполированную боками сотен узников, ожидавших своей участи в этой небольшой камере. Очень болела, просто-таки разламывалась голова, хотелось пить, хотелось есть. Болело все тело, будто его крепко побили суковатыми палками.

Пощупал руками голову - на затылке вздулась огромная шишка, испачканная чем-то красным, пахнущим железом, окалиной и почему-то землей, как будто Щенка волоком тащили по мостовой.

Он помнил, как все было, помнил вспышку всепоглощающей ярости, когда в голове не осталось ни одной мысли, кроме: «Убить! Убить! Убить! Любой ценой! И будь, что будет...»

Что с ним случилось, он не понимал, не знал и не хотел знать. Да и как он мог рассуждать о происходящем в его голове, этот мальчишка, который не видел в жизни ничего, кроме рыбацкой деревни, леса, моря, отца с матерью, односельчан. Всего того, что соответствовало образу жизни простого деревенского паренька.

Адрус был неграмотен и не читал книг. Да и откуда взяться книгам в забытой Создателем деревне? Ну да, Адрус ходил на посиделки деревенских ребят, где рассказывали сказки о других странах, других мирах, ходил в храм, где жрец Создателя проповедовал о том, как нужно жить праведному человеку, но, честно сказать, мальчика мало интересовало то, что

выходило за пределы его разумений. Рыбалка – это правильно, это важно. Охота? Как без охоты прожить? Без красного мяса не стать сильным – так говорил отец, лучший из мужчин, которых знал Адрус. Отца уважали, он входил в Совет – и как его не уважать, если он не только лучший охотник и рыбак, но еще и бывший воин из личной охраны Вождя клана!

Многие удивлялись – какого демона такой успешный, сильный человек бросил службу у Вождя и зажил жизнью простого деревенского мужика, да еще и со своей красавицей-женой, удалившись от интересной, веселой жизни, утонув в тине скучной, обыденной деревенской суеты?

Кто-то молчал – ведь это не его дело, как жить соседу. Кто-то впрямую спрашивал, натываясь на улыбку и молчание. Потом всем надоело спрашивать, да и правда – кому какое дело, почему человек решил похоронить себя в глуши, на краю света?

В деревню отец Адруса пришел с ребенком на руках, с молодой женой и котомкой, в которой лежали деньги. Сколько денег – никто не знал, но их хватило, чтобы мужчина нанял работников для постройки крепкого, большого дома, купил лодку, купил все, что нужно для безбедной спокойной жизни.

Поговаривали, что бывший воин наградил сокровищ во время набегов на соседские кланы – ведь всякий знает, что в набеге можно недурно заработать. Или потерять жизнь.

Жизнь кланов всегда проходила в войне, в набеге – один вождь воевал с другим, заключая военные союзы с третьим, четвертым, пятым... Зачем? Вероятно, этого не знали и сами вожди. Власть, деньги, взаимные обиды – вот причина войн, как сказал однажды отец, когда Адрус задал ему этот вопрос. Больше он рассказывать ничего не стал – отмалчивался, улыбался в русую бороду и... все. Мать тоже ничего не говорила, особенно о том, что было до того, как их семья оказалась в деревне. Говорила – потом узнаешь, пока рано.

Щенок лежал и вспоминал прежнюю жизнь, тихо улыбаясь в полумраке камеры. Воспоминания казались такими странными, нереальными, будто все происходило не с ним, а с кем-то другим, с тем, о ком рассказывали в сказке на посиделках возле огромного дуба, что стоял за околицей деревни. Тут молодежь обычно жгла костер, сидя вокруг огня, ребята рассказывали сказки, истории, и во всех этих историях герой всегда побеждал злого врага. Нигде не было сказано о том, как страшно и тяжело дышать в трюме рабовладельческого корабля, нигде не говорилось, как жить, если ты остался совсем один, если на твоих глазах убили отца и мать...

Адрус замер, окаменев. Перед глазами встала картина убийства матери, смуглое лицо убийцы, и в груди снова закипело – найти, убить! Закипевшая в жилах ярость толкнулась в голову, та заболела еще сильнее, заломила, заныла, и Щенок не услышал, как к двери камеры кто-то подошел и завозился у замка, звеня ключами.

– Вставай, выходи! – двое в темно-синей форме стояли перед топчаном, на котором лежал Адрус, и настороженно смотрели на «сумасшедшего». Их заранее предупредили, что с ним нужно быть очень внимательными, если не хотят оказаться с перегрызенным горлом.

По всей школе прошел слух о ненормальном, который набросился на дежурных и попытался убить. А еще вдруг начали говорить, что этот Щенок – незаконный сын самого Вожака, и поэтому его до сих пор не заперли до смерти.

Новость была, конечно, безумной, но, как все безумные новости, она набирала обороты, ширилась. И скоро даже те, кто смеялся, услышав это сообщение, задумывались и замолкали –

кто знает, может, и правда? В жизни и не такие штуки случаются. Вон, все сказки переполнены потерявшимися, которых вдруг нечаянно нашли отцы. Почти все, кто был в Школе, – сироты, мечтающие об обретении семьи, даже те, родителей которых убили на их глазах. А вдруг выжили – думали они и представляли себе, как крепкие руки отца снова обнимают своего пропавшего сына...

Так что безумная новость о безумном Щенке упала на благодатную почву. И Школа шумела.

Адрус медленно поднялся с топчана. Нога его затекла, сделалась деревянной, зашлась болью, как если бы в нее вонзились тысячи мелких иголок. Он пошатнулся и едва не упал на одного из парней. Тот отшатнулся, будто ожидал, что злобный звереныш вдруг решил наброситься на него, понял свою ошибку, покосился на криво ухмыльнувшегося напарника и покраснел, как краснеют мальчишки, допустившие на людях ужасную неловкость. Такую, что ложится страшной тяжестью на хрупкие мальчишеские плечи, и тогда хоть в петлю – таким все кажется ужасным. Парень замахнулся на Щенка и едва не ударил по лицу. Едва – потому что руку парнишки остановил взгляд Щенка – тяжелый, исподлобья, обещающий огромные неприятности.

– Топай наружу! – с ненавистью бросил парень, и Адрус перешагнул порог камеры, направляясь по длинному коридору, между рядами однотипных дверей, окованных стальными полосами. Дверей было много – штук двадцать, не меньше, может, больше, но похоже, что все камеры пустовали. За дверями не было слышно дыхания, воздух в темнице свежий, и не было запаха нечистот. Как в трюме корабля, например...

Щенок шел, впитывая информацию, прислушиваясь, приглядываясь, сам не зная, для чего все это делает. Несмотря на то что его мозги были «поправлены» лекарем-магом, тот так и не смог вернуть мальчишку в то состояние, в котором Адрус пребывал до набега. Если еще точнее – того, домашнего, обычного мальчика уже не было и, скорее всего, никогда не будет. В результате лечения Щенок получил назад свои детские воспоминания, при этом оставшись Щенком, Зверенышем, борющимся за свою жизнь ради одной-единственной цели – отомстить. И хотя прежние воспоминания воздействовали на сознание парня смягчающе, возвращая в человеческий облик, они еще не смогли устояться в голове до такой степени, чтобы воздействовать на поведение. Если раньше он был просто Зверенышем, бессловесным, яростным, диким, то теперь Щенок получил возможность разговаривать, не лишившись способности и желания рвать врага до победного конца.

Щенок шел, впитывая информацию, прислушиваясь, приглядываясь, сам не зная, для чего все это делает. Несмотря на то что его мозги были «поправлены» лекарем-магом, тот так и не смог вернуть мальчишку в то состояние, в котором Адрус пребывал до набега. Если еще точнее – того, домашнего, обычного мальчика уже не было и, скорее всего, никогда не будет. В результате лечения Щенок получил назад свои детские воспоминания, при этом оставшись Щенком, Зверенышем, борющимся за свою жизнь ради одной-единственной цели – отомстить. И хотя прежние воспоминания воздействовали на сознание парня смягчающе, возвращая в человеческий облик, они еще не смогли устояться в голове до такой степени, чтобы воздействовать на поведение. Если раньше он был просто Зверенышем, бессловесным, яростным, диким, то теперь Щенок получил возможность разговаривать, не лишившись способности и желания рвать врага до победного конца.

Две личности, Щенок и Адрус, пока не спаялись, не влились друг в друга, и возможно, этого никогда не произойдет.

Его вывели на плац, туда, где выстроилось больше шести сотен учащихся и учителей, стоящих

ровным квадратом посреди широкой площадки. В центре квадрата находился столб, к которому привязывали тех, кто должен был понести наказание. «Столб позора» – так его называли в Школе.

Это был обычный столб, вкопанный в землю и ошкуренный руками рабочих. От своих собратьев-столбов, честно служащих человеку и обычно работавших опорой забора, он отличался перекладной на уровне человеческого роста над землей, и еще одной перекладной повыше, на два роста. К первой привязывали руки нарушителя порядка, когда наказывали плетью, ко второй привязывали преступника, заслуживающего смерти.

Обычно подвешивали на несколько дней, на строго определенное время. Если выживал, то мог вернуться в строй – кто может противиться воле богов? Если боги решили, что этот человек достоин жизни, то люди должны принять их решение, не протестуя и не задавая вопросов.

Впрочем, на памяти людей еще ни один распятый на длительный срок не выживал без того, чтобы не сойти с ума, так что этот закон был фиктивным – какое там вернуться в строй, когда тот, кого сняли с креста, рычал, кидался на людей или же просто тупо смотрел на мир, пуская слюни, превращаясь в идиота.

«Неделя на палящем солнце без капли воды – это вам не отдых в общественных банях с прохладительными напитками!» – как некогда говаривал бывший Вожак, у которого Лаган принял правление Школой.

Щенка поставили к столбу, но привязывать не стали, хотя этого ожидали все любопытные, возбужденные, замершие в ровном строю, как глиняные статуи у въезда на городской рынок. Весь плац замер. Тишину нарушали лишь пестрые зелено-красные птички, со свистом пронесившиеся над людьми, потевшими под жгучими полуденными лучами. Запах пота привлек мух, мухи служили кормом птицам, так что чем дольше стояли ряды бойцов, тем больше птиц носилось над бойцами. И это нарушало пафос ситуации – птички не только носились над головами, они еще на них гадили, вызывая тихое шипение и ругань парней, незаметно стиравших с беретов едкое белое дерьмо.

Лаган будто нарочно все не начинал церемонию наказания, как если бы хотел, чтобы бравое воинство подольше помучилось на солнцепеке и отправилось по казармам, унося в головах и на головах как можно больше дерьма, которое норовит накидать начальство и сама жизнь.

Наконец, Вожак открыл рот, набрав воздуха полной грудью, и громко сказал, стараясь говорить важно, весомо, так, чтобы запомнилось всем будущим поколениям:

– Совершенно преступление! На двух дежурных, находящихся на службе, напал вот этот человек, которого называют Звером! Он нанес им повреждения, которые не закончились смертью, но были достаточно серьезны, чтобы прибегнуть к услугам лекаря! За это он понесет наказание, такое, чтобы вы запомнили надолго! Приказываю, первое: если Звер так любит драться, считает себя достаточно сильным для того, чтобы напасть на ученика Школы Псов, пусть выйдет на бой с тем, кто прошел обучение нашими мастерами. Второе! По окончании поединка, вне зависимости от его исхода, Звер приговаривается к распятию сроком на сутки! Если после поединка и распятия он останется жив, то пройдет Ритуал, как и все те, кто недавно прибыл в нашу Школу, чтобы стать одним из нас.

– Пропал Звер! – шепнул один из полупсов, почти не двигая губами, скосив глаза на соседа, такого же, как он, крепенького парнишку с полным добродушным лицом. – Это же Лерген! Против него никто не устоит!

- Значит, на столб подвесят труп, - тихо фыркнул «добродушный». - Тебе-то какое до него дело? Он даже не Щенок, никто! Говорят - совсем безумный парнишка! Вот так, одним прекрасным вечером будешь идти в сортир, а он сзади напрыгнет и вцепится в затылок, чтобы полакомиться твоим тухлым мозгом! Пусть лучше прибьют его сразу, чем ходить и оглядываться! Вон их сколько стоят... придурочных. Еще не поняли, куда попали! Даже строй не могут держать, стадо овец!

- Заткнитесь оба! - угрожающе оглянулся Звенъевой. - Опять разговоры в строю?! По три плети каждому, по окончании церемонии!

- Хе-хе... дураки! - фыркнул кто-то позади двух несчастных, нарвавшихся на порку, и снова в строю стало тихо, только тяжелое дыхание да посвист птиц, проносящихся над головами.

Щенок слушал слова Вожака и думал о том, что он мог бы покончить с этим делом быстро, - достаточно прыгнуть на седовласого человека, рассказывающего о его преступлении, вцепиться в глотку, и тогда тот вынужден будет убить. Вот только кто тогда отомстит виновным в гибели родителей? Воин, убивший отца и мать, работорговец, который организовал этот набег, - эти два человека заслуживали смерти. Они обязательно должны были умереть.

Второе имя появилось в списке Щенка после размышлений на топчане темницы. Он вдруг понял - воин, конечно, прибыл сюда не сам! Кто-то ведь его привез? Кто? Тот, кто все организовал! И Адрус знал, кто это. Мерзкий, волосатый и широкоплечий коротышка, демон в человеческом обличье. Щенок видел его не раз, слышал разговоры у клетки, и теперь они всплыли в мозгу. Из сказанного было ясно - именно он, коротышка, тот самый негодяй, виновник несчастий его народа, народа ростов!

«Помни, ты - рост!» - кричала мама, и Щенок помнил. Рост не должен сдаваться! Рост должен вынести все, выжить и убить врагов! Выжить и убить!

- Иди и бейся! Покажи, что умеешь! - седовласый кивнул головой, и двое позади Щенка подтолкнули его к высокому стройному парню, с улыбкой наблюдавшему за голубоглазым мальчишкой, совсем не выглядевшим зверенышем, о котором уже ходили легенды в Школе. Здесь умели ценить тех, кто убивает, не задумываясь, страшно и эффективно.

- Иди и бейся! Покажи, что умеешь! - седовласый кивнул головой, и двое позади Щенка подтолкнули его к высокому стройному парню, с улыбкой наблюдавшему за голубоглазым мальчишкой, совсем не выглядевшим зверенышем, о котором уже ходили легенды в Школе. Здесь умели ценить тех, кто убивает, не задумываясь, страшно и эффективно.

Лаган дал понять бойцу, что не хочет преждевременной гибели преступника. Лерген должен как следует измочалить нарушителя порядка, превратив его в кусок мяса, но так, чтобы не повредить жизненно важных органов, не сломать кости, и чтобы Щенок прожил на столбе минимум сутки. Преступление, совершенное Зверенышем, конечно, очень серьезно, но, во-первых, дежурные остались живы, а, во-вторых, стыдно не справиться с необученным рабом, купленным на торгах, как обычная жалкая овца.

Кстати сказать, Лаган подумывал о том, чтобы дать плетей и дежурным, - они унизили Школу, поддавшись простому мальчишке. Плохо учились, раз такое произошло. После раздумий он пришел к выводу, что эти двое заслуживают по три плети каждый.

Того, кто вызвал переполох, - парня, оскорбившего Щенка, Лаган решил не наказывать. Во-первых, он и так получил свое - Щенок вырвал ему едва ли не половину щеки, и парень никогда теперь не будет красавцем, а кроме того, у него были сломаны ребра, так, что

пришлось вмешаться магу-лекарю.

Щенок внимательно посмотрел на улыбающегося соперника, ему совсем не хотелось бить этого парня. Он был похож на соседа, веселого рыбака, который одним из первых погиб, пытаясь защитить двух сестренек, оказавшихся потом в трюме страшного корабля. Худощавый, светловолосый, голубоглазый – типичный рост. Ничего от врага, от их мерзкого племени, ничего такого, за что можно было бы возненавидеть и убить.

Противник шагнул вперед и, так же улыбаясь, как и раньше, сделал неуловимо быстрое движение и ткнул Щенка куда-то в подреберье так больно, что в глазах потемнело и затошнило. Адрус не удержался и застонал, вернее, замычал сквозь сжатые зубы, шагнул назад, держась за бок, но парень, еще шире улыбнувшись, догнал его и хлестнул по лицу тыльной стороной ладони, в кровь разбивая губы. Потом последовал удар ногой в голень, онемевшую от боли, удар в грудь, едва не остановивший сердце.

Щенок пытался защищаться, остановить удары, увернуться, но они сыпались так часто, так точно, что он ничего не мог с этим поделать. Перед глазами так и стояло лицо соседа, закрывшего грудью двух девчонок, прижавшихся к стене дома...

И только когда очередной удар едва не сломал ему нос, Звереныш выскочил из подсознания, отодвинув Адруса назад, в прошлое, туда, где счастливая жизнь, где все живы и никого не выставляют на помосте раздетыми догола под глумливый шум жадной и похотливой толпы.

Звереныш легко уклонился от очередного ленивого, не смертельного, но болезненного удара. Он перехватил руку улыбающегося парня, и в мгновение ока улыбка слетела с лица мастера боя – Звереныш зажал эту руку так, будто это был не голубоглазый домашний мальчик, а лесной зверь с железными когтями и стальными мышцами.

Пальцы мальчишки с такой силой сжали тренированные мускулы Лергена, что прорвали плотную ткань и вонзились в плоть, раздирая ее, добираясь до хрупкой человеческой кости, которую можно легко сломать, если приложить силу в определенном месте.

Боец знал это наверняка и не допустил перелома. Невероятным усилием Лерген вывернулся из рук Звереныша, раздирая кожу, оставляя окровавленные клочья в растопыренных пятернях монстра. Лергена спасли реакция, сила и опыт, полученные за три года ежедневных тренировок, и еще кое-что, чего не было у простых бойцов этого мира и что нельзя приобрести с помощью тренировок.

Еще доля секунды, и Звереныш добрался бы до горла противника, и тогда – смерть.

Ряды вздохнули, зашумели – даже командиры не смогли прекратить этот шум. Впрочем – не больно-то они и старались, увлеченные поединком. То, что случилось, отлично поняли те, кто прошел через тренировки мастеров, и не поняли те, кто только вчера появился в Школе.

Мастера увидели, как забитый, деморализованный, страдающий от боли парень мгновенно, на глазах превратился в сильного бойца, не владеющего никакими приемами борьбы, но опасного своей невероятной скоростью, силой и презрением к боли. Они увидели, как опытный, один из лучших бойцов Школы, едва не погиб, с трудом избежав смерти лишь потому, что владеет приемами единоборств, неизвестных своему противнику.

Звереныш не стал раздумывать и бросился следом за ускользающим противником, пытаясь поймать его, разорвать на куски. Он получил два страшных удара – в грудь, в живот, но окаменевшие мышцы поглотили энергию ударов, не дав им разбить внутренние органы,

сработав, как стальная броня.

Лерген бил наповал. Опытный боец был напуган тем, что увидел, что ощутил в этом пареньке. В того будто вселился демон, и, казалось, убить его невозможно. Чтобы свалить парня, нужно было бить в голову, в переносицу – это Лерген понял уже тогда, когда руки парня обхватили его за пояс.

Мгновение, и тренированный жилистый парень снарядом летит в ряды учащихся, сметая сразу несколько человек!

Щенок прыгнул следом, уже почти добрался до противника, когда на него навалились сразу несколько человек, схватив за руки и ноги, прижав к земле. Тут же откуда-то нашлась веревка. Звереныщу спутали конечности, и он лишь рычал, пуская пену, вращая глазами, как безумный.

– Одержимый! Одержимый! – со страхом повторяли вокруг, и командиры с недоверием качали головой. Такого они не видели никогда.

Лерген, хромя, поднялся с земли, придерживая левую руку, то ли сломанную, то ли вывихнутую во время падения, подошел к Лагану и тихо сказал, стараясь, чтобы его не услышали остальные:

– Вожак, его нельзя оставлять в живых. Он опасен. Если он таков, еще не пройдя Изменения, что же будет потом?! Я едва не погиб. Ты хотел услышать мое мнение – ты услышал. Хочешь что-то спросить?

– Нет. Я тебя услышал, – кивнул Лаган и сделал знак лекарю. – Мастер Дондокс, займись ранеными. Лерген, ты свободен. Лечись. Охрана, Звереныша сюда, на крест! Напоите его. Пусть попьет... Поставить охрану у столба. Сутки, как я уже сказал. И вот что – по три плети вчерашним дежурным за то, что не смогли остановить Звереныша.

– Вожак! – негромко сказал Первый. – Его Лерген не смог остановить, что ты хочешь от этих недоученных? Может, не стоит плетей?

– Я принял решение! – голос Лагана сделался холодным, как лед.

– Вожак! – вмешался Второй. – Парня нужно убить, тебе не кажется? Он безумен. Непредсказуем. Я на миг представил себе, что он стоит за плечом Императора, и содрогнулся! А если он на него нападет? Если он нападет на членов Императорской семьи? И что тогда будет? Безумие, если оно есть, никуда не уйдет. Оно всегда будет в мозгу и станет искать себе выход. И когда найдет... полетят наши головы. Но прежде – головы тех, кого мы должны защищать ценой своей жизни. Надеюсь, ты это понимаешь, Вожак. Ты принимаешь решение, но мы даем тебе советы. И ты волен прислушаться к ним или нет.

– Волен, – серьезно кивнул Лаган. – Но раз уж вы начали этот разговор здесь, не дожидаясь, когда уединимся в моем кабинете, скажу: парень не прошел Ритуал. Когда пройдет – мы посмотрим, что с ним будет. Если он примет тайнство Ритуала – проблема будет решена. Но разбрасываться такими бойцами – расточительная глупость. Пусть он безумен, но это можно и нужно пустить на пользу Императору. Ему не обязательно стоять за плечом Императора. Ради Венценосного можно совершить множество других подвигов. Да и рано еще говорить, может, этот парень еще не переживет сутки на кресте, тем более что только что он получил хорошую трепку!

– Переживет! – уверенно заявил Третий и усмехнулся. – Особенно после того, как ты приказал

напоить его водой. Такая скотина, как этот Звереныш, так просто не умирает!

* * *

Теперь тело не просто болело. Оно само было сплошной раной. Все – от головы до пят – сплошная рана. Щенок жил сейчас на одном упрямстве и ненависти. Другой бы сдался – хватит мучений, хватит бед – уйти, затихнуть, погрузиться в спасительную тьму, и... все. Насовсем – все. Встретиться с мамой, с отцом – ведь они ждут его! Конечно, ждут!

Адрус закрыл глаза, чтобы не видеть ненавистный плац, стену, освещенную кострами, горящими на металлических треножниках, темные фигуры дозорных, прохаживающихся по стене. Ему остро захотелось, чтобы это был сон, кошмар, от которого можно избавиться, глубоко вздохнув, вскочив с лежанки, вытерев холодный пот полотенцем, заботливо оставленным мамой на спинке стула. Полузабытье накрыло Щенка теплой волной, сразу забылись все горести, исчезла боль, а впереди открылся проход – белое пятно, выход из пещеры, в которой почему-то оказался Адрус.

Щенок стал вдруг легким, как пушинка, и взвихрившимся ветерком его понесло по длинной, узкой пещере к выходу, к светлому пятну, за которым Адруса ждали радость, счастье – он знал это наверняка. Было так хорошо, так славно, так радостно, как никогда в жизни!

Ослепило светом, и Адрус вдруг оказался дома, в большой светлой кухне, возле окна, за столом, где он обедал с отцом и матерью. Родители были уже здесь. Они сидели на стульях с высокими спинками, смотрели на сына и улыбались, будто хотели сказать что-то приятное, что-то такое, что обрадует Адруса. И молчали.

– Почему вы молчите? – удивился Щенок, остановился перед родителями и оглянулся по сторонам. – А почему очаг не разожжен? Мы сегодня будем ужинать? Я так проголодался, мама! Мама, ты чего молчишь? Папа?

– Мы умерли, сынок. – Мать посерьезнела, потом снова улыбнулась. – Ты не переживай, нам хорошо здесь!

– Нам хорошо! – эхом повторил отец. – Держись, сынок. Никто не умирает насовсем. Мы с тобой обязательно встретимся. Обязательно, обещаю. Ты же помнишь – я всегда выполняю свои обещания! Помнишь?

– Помню, папа... – Адрус был растерян. Он не понимал, где и почему тут находится, почему отец и мать говорят ему, что умерли. Он забыл ту, другую жизнь, не хотел ее вспоминать. И не хотел возвращаться назад.

– Подойди ко мне. – Мать встала и раскрыла объятия. Адрус обнял маму, и вдруг оказалось, что она одного с ним роста!

– Ты вырос, сынок, – улыбнулся отец, протянул руку и потрепал Адруса по голове. – Лохматый! Как щенок...

При этих словах у Адруса почему-то заболела голова, руки, все тело прошило болью. Он сосредоточился и отбросил боль. Отстранился от матери и обнял отца. Крепкие плечи, могучие, сильные руки... воин! Настоящий воин!

– Сынок, тебе пора возвращаться. – Отец взял Адруса за плечи, заглянул в глаза, и Щенок вдруг понял – сейчас они расстанутся, и, возможно, очень, очень надолго. Может, навсегда.

- Сынок, сейчас ты забудешь, что видел нас. Однако когда придет та минута - вспомни. И не забывай, что ты раст. Ты должен выжить! Должен, во что бы то ни стало! Весь мир будет против тебя, но ты устоишь. Потому что ты - мой сын! Наш сын!

- Наш сын! - повторила мать. - Помни, ты раст! Свободный человек! И никто не может сделать тебя рабом! А если попытается - пожалеет! А теперь тебе пора, сын.

- Пора, сынок! - кивнул отец и легонько подтолкнул Адруса назад, туда, где в стене вдруг появилось черное отверстие. Адрус хотел что-то сказать, крикнуть: «Я не хочу! Я останусь здесь!» Но его завертело, как в водовороте, и понесло сквозь тьму, к боли, страху, к той жизни, которую он не хотел.

* * *

- Живой?

- Живой. Дышит. О! Застонал! Очнулся! Крепкий звереныш...

- Он в глотку не вцепится?

- Бу! Страшно?! Аха-ха-ха! Напугался!

- Дурак! Я серьезно. Вдруг вцепится?! Он Лергена порвал!

- Грузи его на тележку и не дури. Парни, взялись, аккуратно... к лекарю. Поехали! Да не вывалите... на кресте не сдох, а вы об мостовую убьете! Да потише, демоны вас заберут!

Грохот окованных железом колес, толчки, скрип двери...

- Так... аккуратно берем... Мастер, куда его?

- На стол кладите. Все, пошли вон отсюда! Пошли, пошли! Натоптали тут, скоты!

- Так дождь же!

- Да вы всегда грязь найдете... вон, вон отсюда сказал!

Лекарь дождался, когда парни выйдут из лекарской, и подошел к Щенку, наклонился над ним и вгляделся в распухшее лицо, испачканное кровью. Постоял, взял руку парня, послушал пульс. Тот был ровным, хотя и слабым. Дондокс удивленно покачал головой, выпятил губы в удивленной гримасе, тихо бросил в пространство:

- Ничего-то мы не знаем! Ни-че-го! Человек - самое неизученное существо в мире! А мы... мы - дикари!

- Ты сам с собой разговариваешь, мастер? - раздался голос за спиной, и лекарь вздрогнул, обернулся, покраснел, недовольно фыркнул, глядя Вожаку в невозмутимое лицо.

- Ну сколько раз я тебе говорил - не подкрадывайся! Когда-нибудь мое сердце не выдержит, и я умру прямо тут, у тебя в ногах! И будешь ты искать себе нового лекаря! И замечу - он будет не так силен, как я, и не так всепрощающ! Нет, когда-нибудь я плюну на вашу демонову школу, займусь только своей практикой и забуду как дурной сон дурацкий плац и ваши каменные рожи!

- Чего ты так разбушевался? - миролюбиво сказал Лаган, слегка поджав губы от недовольства таким явным проявлением слабости. - Я не думал, что ты меня не услышал. Мне казалось, я так громко топал... Лучше скажи, что с парнем? Будет жить?

- Если вопрос философский - нет, не будет! ЭТО жизнью не назовешь! Жизнь - это совсем другое! Если ты о том, будет ли парень жить до тех пор, пока кто-нибудь его не угробит на дурацком задании ваших дурацких командиров, то да, будет. Сейчас я его оживлю, но ему нужно будет хорошенько поесть. До Ритуала осталось всего два дня. Даже меньше. Если он будет слаб - Ритуала не выдержит. Впрочем, этот, скорее всего, выдержит. Поражаюсь его живучести. Тут и взрослый давно бы сдох.

- Если вопрос философский - нет, не будет! ЭТО жизнью не назовешь! Жизнь - это совсем другое! Если ты о том, будет ли парень жить до тех пор, пока кто-нибудь его не угробит на дурацком задании ваших дурацких командиров, то да, будет. Сейчас я его оживлю, но ему нужно будет хорошенько поесть. До Ритуала осталось всего два дня. Даже меньше. Если он будет слаб - Ритуала не выдержит. Впрочем, этот, скорее всего, выдержит. Поражаюсь его живучести. Тут и взрослый давно бы сдох.

- Ясно. - Лаган кивнул и, направившись к двери, остановился. - Да, живучий парень. Интересно, у него когда-нибудь мозги встанут на место? Ты ведь понял, что мальчишка так и не вылез из своего безумного режима?

- Может, выйдет, а может, и нет, - равнодушно пожал плечами маг и, подойдя к столику, начал раскладывать снадобья. - Ты здесь останешься или уйдешь? Если здесь, пожалуйста, сиди тихо и не мешай.

Дверь скрипнула, выпуская Вожака. Дондокс не обратил на это никакого внимания. Он выложил на ладонь резко пахнущей мази, черпнув ее из глиняной плошки, и начал натирать ушибы и раны Щенка, не особо заботясь, чтобы сделать это очень уж тщательно.

Зачем слишком заботиться о теле, которое, возможно, вот-вот погибнет - не во время Ритуала, так позже, во время тренировок, или потом, выполняя задание Императора. Расходный материал - сегодня один, завтра другой. Рабов, слава Создателю, пока хватает. Как и денег в казне.

Закончив растирать мазью, Дондокс простер руки вперед, положил их на голову паренька и замер, сосредоточиваясь перед колдовством. Оно не отнимало много сил, но концентрация в этом деле совершенно необходима. Иначе вместо пользы можно доставить вред.

Через минуту в комнате заискрило, появилось мерцающее голубоватое сияние, исходившее от рук мага. Процесс пошел.

Глава 4

Вожак открыл тяжелую дверь, украшенную позолотой, шагнул в прохладную полутьму, принявшись, и улыбнулся. Пахло благовониями, краской, а еще чем-то печеным, вкусным. От запаха рот сразу наполнился слюной.

Служитель храма умел и любил готовить несмотря на то, что у него, как у всякого обеспеченного человека, были слуги, готовые сделать все, чтобы господин не отвлекался от важных дел. А их, этих дел, всегда великое множество, особенно у такого человека, как

служитель храма Создателя.

Храм был очень старым – никто не мог вспомнить, когда он был построен. Поговаривали, что еще до основания Школы здесь когда-то находилась воинская часть, и все воины были обязаны посещать храм в седьмой день недели. Впрочем, никто не запрещал ходить в него в свободное от службы время. За сотни лет с храмом ничего не случилось – мощные каменные стены можно было разбить только большими камнеметами, они не поддавались воздействию дождя, ветра и солнца. Внутри время от времени красили, подновляли штукатурку, но, в общем-то, и все. Предки строили даже не на века, а на тысячелетия.

Помещение храма было небольшим. Внутри храма могли одновременно уместиться самое большее пятьдесят-семьдесят посетителей, что, впрочем, было вполне достаточно, чтобы обслужить большинство желающих припасть к источнику духовности. Честно сказать, учащиеся не отличались особой набожностью, но это и понятно, памятуя, что большинство из них были бывшими рабами, захваченными на Северном материке и не считавшими здешнего Создателя своим Богом.

В общем, служба священника не была особенно обременительной, хоть и получал он вполне достойную плату из казны Императора. Две службы в день – утренняя и вечерняя, да на выпуске Псов служитель храма обязательно стоял рядом с Вожаком и командующим Корпуса Псов, благословлял новоиспеченных бойцов на служение Императору.

Вожак подружился со священником давно, еще во времена своей молодости, когда служитель храма тоже был молод. Они долго присматривались, разговаривали, а потом их души нашли отклик друг у друга, хотя, казалось бы, что может быть общего у тренированного, жесткого, циничного убийцы и добродушного любителя печений собственноручного изготовления, полностью лишённого амбиций художника, волей судьбы надевшего облачение священника.

Возможно, именно тот факт, что священник не имел амбиций, а значит, был безопасен, в свое время и привлек Лагана, когда тот выбирал себе друга. Говорят, что друзей, как и любимых, выбирает не человек, а боги. Нельзя подружиться за что-то, за деньги, например, или за подарки, как нельзя за то же самое полюбить, что бы об этом ни говорили продажные шлюхи, улыбающиеся каждому щедрому клиенту.

Приходя в храм, Лаган отдыхал душой. Вероятно, это было единственное место, где ему всегда были рады. Принявший сан священник не имел ни семьи, ни детей, как и Лаган, как и многие из Псов, за годы службы разучившиеся жить нормальной, человеческой жизнью. По сути своей священник был таким же осколком жизни, как и те, кто учился в школе.

Пойти в священники его заставили родители, увидевшие в этом возможность неплохо обеспечить будущее своего сына. Он не протестовал, решив, что это все временно, и он когда-нибудь снимет с себя облачение служителя храма, займется тем, чем ему больше всего нравилось заниматься – рисовать картины и смотреть на закат с бокалом вина и печеньем в руках.

Его направили в Школу после того, как умер прежний служитель. Небольшой, тихий храм привлек его внимание, и молодой священник с чистой совестью согласился, решив пересидеть тут лихие годы. Его родители были знатными господами и однажды опрометчиво решили, что достаточно знатны для того, чтобы хотя бы встать поближе к трону, если уж не смогли усестись на сам трон. Вот и сгнули в очередном заговоре, лишившись голов и всего имущества, ушедшего в казну, как компенсация за поруганную честь Императора.

Лаган это знал, но за все время знакомства ни разу не спросил своего приятеля о делах родителей, а тем пуще – об отношении к Императору и к тому, что тот сделал с семьей друга. Дружба такая штука – не все можно говорить другу, даже если он друг. Особенно если тебе уже далеко за пятьдесят и новых друзей ты вряд ли приобретешь. Ты служишь Императору и не имеешь права на лишние разговоры, когда те впрямую касаются венценосной особы. Нужно довольствоваться тем, что подарил тебе Создатель, и не пробовать что-то изменить – риск может быть слишком велик. Скажи, например, священник, что он ненавидит Императора, что готов его разорвать на куски за то, что тот сделал с родителями, – как тогда поступить Вожаку? Тому самому Вожаку, который воспитывает воинов, готовых за Императора убить любого в этой стране и за ее пределами, готовых умереть за него – если Венценосный прикажет. Сам Лаган, плоть от плоти Школы, был воспитан именно так...

- О! Наконец-то! – пухлый кругленький человек выкатился из-за алтаря Создателя, вытирая о фартук испачканные чем-то белым руки. – Давай скорее за стол! Я тут вызнал один рецепт печений. Ты должен его попробовать! Честное слово – он будет записан в хроники Империи как лучший рецепт печений за всю ее историю! Я знаю пару травок, семена которых придают тесту особый вкус. Немножко остро, но когда распробуешь – м-м-м-м! Вкуснотища!

- Ты лопнешь когда-нибудь! – усмехнулся Лаган, обнимая приятеля и чувствуя, как теплеет на душе. – Ты уже толстый, как бочка! Если бы у меня был такой ученик, я бы порол его и гонял по тренировочной полосе до тех пор, пока он не стал бы таким же худым, как и я!

- Злой ты! – с нарочитой обидой в голосе выдал священник, хватая Лагана за руку и утаскивая на кухню. – Давай, давай, садись! Я сейчас заварю тебе травки, а ты мне расскажешь последние школьные сплетни! Я тут уже с ума схожу. Скучно, сил нет никаких! В город собрался, думаю, похожу по своим знакомым, сплетни пособираю, развеселюсь! А то уже и вдохновения нет!

- Небось в бордель собрался! – фыркнул Вожак. – Вдохновения у него нет! Ты кому мозг клюешь? Интересно, как тебя девки принимают, такого толстого? Они с тебя вдвойне берут, что ли?

- Дурак ты, Лаган! – тоже фыркнул, ничуть не обидевшись, священник. – Да им впору мне приплачивать! Такого ласкового, такого нежного мужчину только поискать! И не жадный я, плачу хорошо! И подарки дарю! Чего меня не любить-то?

- Вот я и говорю – приплачиваешь! – ухмыльнулся Лаган, с интересом наблюдая за перемещениями приятеля возле горящего очага. В духовке румянились кругляшки печений, пахло одуряюще вкусно, и на минуту все заботы ушли куда-то далеко, отстранились, будто их никогда и не было. За такие минуты Лаган и любил посещать дом своего приятеля, объясняя непосвященным, что ходит к служителю храма, чтобы очиститься от душевной скверны и помолиться Создателю за успех в школьных делах.

Священник с грохотом достал из очага противень с плюшками, поставил его на заранее подготовленную скамью, деревянной лопаточкой ловко и быстро снял несколько печений, наполнив ими деревянную корзинку, сплетенную из сухих прутьев, и тоже сел к столу, выставив на него большой медный чайник, из носика которого шел пар.

- А где прислуга? – вскользь осведомился Лаган, обшаривая взглядом кухню.

- Не под печью спряталась, это точно! – рассмеялся священник. – Отпустил, конечно! Завтра придут, утром.

- Не понимаю тебя, - осуждающе покачал головой Лаган. - И зачем тебе самому, лично, печь какие-то дурацкие плюшки?! Что, слуги не могут этого сделать? Позоришь свой сан такой работой!

- Но-но! На мои плюшки не наседай! - грозно нахмурил брови приятель. - Ишь, дурацкие! Напеки своих, да обгаживай! Мои плюшки - величайшее произведение искусства! Наравне с картинами! А ты - болван, который только и умеет, что пырять своими дурацкими железками, лишая жизни людей! Лишу сейчас довольствия, узнаешь, какие дурацкие!

- Не успеешь! - Лаган быстро схватил горячее печенье и, обжигаясь, откусил от него здоровенный кусок. Печенье таяло во рту, было невероятно вкусным - чего-чего, а таланта кулинара у приятеля было не отнять.

- Вот так всегда! Обгадят, потом напрыгнут и отнимут плюшки! Вояки, одно слово! - пожаловался священник и тоже схватил печенье. - Ты запивай, подавишься! Мне свежую траву для заварки принесли - полезная для здоровья. Говорят - мужскую силу добавляет! Выпьешь - и как жеребец, неделю будешь кобыл покрывать!

- Кхе-кхе! - Лаган поперхнулся и с подозрением покосился на чашку с темным пахучим напитком. - Мне только этого не хватало! Кого мне покрывать? Командиров стай, что ли?! Или Звеньевых? А может, Щенков?

- А что, ты высокопоставленный вельможа, а все они по сути своей извращенцы. Тебе уже положено завести какое-нибудь извращение. И...

- Заткнись, а? - Лаган неодобрительно посмотрел на друга, скривил губы. - И ведь какую гадость за столом говорит! Appetit портит! И как язык поворачивается - в храме, служитель! Да тебя Создатель должен покарать. За такие слова тебе нужно мужские причиндалы на лбу вырастить!

- Если бы всем священникам-грешникам Создатель выращивал на лбу такой замечательный предмет, девяносто процентов нашей братии ходили бы с завязанными тряпкой лбами, - ухмыльнулся священник. - Погрязли в разврате, в роскоши, совсем обнаглели! Я хоть стесняюсь, а вот настоятель храма с Бирюзовой улицы третий особняк купил и поселил там трех любовниц! И ничего! А только за это у него три причиндала должны были на лбу вырасти! Куда катимся, Вожак? Одни Псы в этом мире остались верными государству, и то только потому, что... ладно, не будем об этом. Ты мне расскажи - что там у вас за шум? Мне слуги рассказали - я ничего не понял! Вздохнул про какого-то звереныша, который порвал вашего лучшего бойца, и что это твой внебрачный сын!

- Че-го?! Какой внебрачный сын?! Вот идиоты! - Лаган улыбнулся уголком рта и задумался, нахмутив лоб. - Стал бы я его распинать на кресте, если бы это был мой внебрачный сын...

- Стал бы! - серьезно ответил священник, отставляя полупустую кружку. - Я тебя знаю. И всю вашу шайку знаю. Иногда мне хочется, чтобы Создатель прихлопнул эту Школу, этот грешный город, весь этот мир, как муху, чтобы кишки брызнули! И создал новый мир, чистый, где не будет грязи, где люди не будут страдать! Жаль, что это невозможно...

- Для Создателя все возможно. Вот только почему ты считаешь, что этот мир не устраивает Создателя? Возможно, он специально создал его таким. Для чего? Не знаю. Это уже на его совести. Может, он таким образом забавляется? Развлекается, как игрой в лис и кроликов?

- Богохульствуешь... нет на тебя кары божьей! - Священник грустно усмехнулся. - Впрочем,

как и на меня. Ведь я такой же, как ты, раз потворствую творящемуся злу. Злу, которое творишь ты и такие, как ты!

- Вот зачем я тебе? Если я творю зло - зачем ты со мной дружишь? Скажи честно! - грустно усмехнулся Лаган, чувствуя, как ощущение покоя и безопасности его покидает. - Ты прекрасно знаешь, что я делаю и зачем. Ты ведь не дурак, не строишь иллюзий. Как ты можешь, осуждая то, что я делаю, дружить с таким, как я? Убийцей, который по приказу Императора убьет и тебя, если понадобится. Фактически рабом!

- Все мы рабы в той или иной степени, - вздохнул священник. - Ты хотя бы честен. Есть в тебе то, чего нет в других. Все лгут, все изворачиваются, а ты прямой, как клинок. Одному тебе верю, хотя и знаю, что если понадобится - перережешь мне глотку и не согласишься, что мы с тобой дружим двадцать лет.

- Что-то плохой у нас сегодня разговор, друг мой! - Лаган отложил недоеденное печенье, откинулся на спинку кресла и замер, прикрыв глаза. - Грустный разговор. Никогда ты еще не был таким... злым.

- Что-то плохой у нас сегодня разговор, друг мой! - Лаган отложил недоеденное печенье, откинулся на спинку кресла и замер, прикрыв глаза. - Грустный разговор. Никогда ты еще не был таким... злым.

- Старею, наверное, - пожал плечами священник. - Задумываюсь - а для чего я живу? Для того чтобы нарисовать пять десятков картин? Чтобы испечь очередное печенье? Что оставлю после себя? Да, много лет мы с тобой обсуждали все, что угодно, не касаясь того, чего касаться нельзя. Но вот назрело, да... Когда услышал про этого паренька... Сколько их было, таких пареньков? Сколько еще будет? Сколько крови прольется, чтобы очередной вельможа купил очередной особняк? Почему в мире потоком льется зло, и нет ему конца? Ты не сердись, друг мой, я не про тебя. Ты сам жертва, я все понимаю. Но этот поток зла... ты не устал от него?

- Устал. - Лаган бросил эти слова неожиданно для себя самого и понял, что говорит искренне, от души. Слова сами вырвались, будто ждали, когда он их освободит.

- Устал, но это ничего не значит. Завтра утром пройдет Ритуал. Один из многих, которые я пережил. Но, наверное, последний. Для меня - последний. Никому не говорил, тебе скажу - уйду. Надоело все. У меня есть хорошее поместье, есть земли, подаренные Императором. Хороший доход. Буду жить, любоваться закатом... может, картины начну писать, как ты, например. Одобрить?

- Нет, конечно! - фыркнул священник. - Твою мазню нельзя никому показывать! Вот если бы ты мечом рисовал - вот тогда бы ты выписал красивейшие пейзажи. Кистью же... ужас!

- Да ну тебя! Критик проклятый! - усмехнулся Лаган и, грохнув кружкой по столу, потребовал: - Вина давай! Чего ты мне свою мочу наливаешь! Вина! Выпьем, я и расскажу тебе про Звереныша. Если интересно, конечно...

- Мочу, мочу... не понимаешь ты ничего, грубый мужлан! Вот видно, что ты неученый простолюдин, и больше никто! Вина ему... Ладно, налью, но если ты скажешь, что это плохое вино, - я засуну тебе в рот все эти плюшки и утрамбую ногой! И не дам запить! Давай, рассказывай о парне... любопытно, что за чудо попало в твои сети.

* * *

- Мда... интересно... Говоришь - спятил? Все мы немного сумасшедшие, да... Я вообще считаю, что ни одного нормального человека нет на всем белом свете! Вон, Дондокс, - как начнет свои лекции, хоть беги! Достанет своими рассуждениями о науке, магии и всякой такой нудятине!

- Не хуже, чем ты, - невозмутимо заметил Лаган, допивая кружку легкого красного вина. - Ты где такое вино берешь? Скрываешь, мерзавец! Как-нибудь отхожу тебя плетью, тогда точно выдашь тайну!

- Не выдам. Не приставай! Там всего десять бочонков делают, к столу Императорской семьи! Немножко и мне перепадает. Не хмурься! Не ворую я у твоего Императора! Вот что творят с людьми проклятые маги... проклятый Ритуал! Ты сам-то понимаешь, что эта верность неестественна? Что это результат магии и снадобий? Молчишь? Хорошо хоть мне по башке не дал, и то спасибо... Ты вот что, если мальчишка выживет, пришли его ко мне, ладно? Он мне интересен, я хочу с ним поговорить. Может, и с головой улажу? Я научу его рисовать, говорят - это лечит душу.

- По тебе не видно. По-моему, от рисования ты еще больше сходишь с ума! Пришло. Если выживет. Если выживет...

- Император после полудня приедет? Один или со свитой?

- Какая тебе разница? Это государственная тайна! Зачем спрашиваешь?

- Ой, ой - тоже мне, тайна! Вся столица знает, когда Император куда-либо едет. Разве у нас что-то скроешь? Проклятый город... ненавижу его. И службу ненавижу!

- Она приносит тебе хорошие деньги. Ты ни хрена не делаешь, пузо наедаешь, плюшки жрешь, а тебе за это денег дают. Разве плохо? На что ты жалуешься?

- Не жалуюсь... ворчу. Сам знаю... кому я нужен? Старый, толстый, нищий. Картины продать? Так обычное дело - художник становится известен только после того, как умрет. А я еще не собираюсь умирать. Тебе еще вина налить?

- Нет. Хватит. Пора мне. Как-нибудь еще забегу.

Лаган медленно поднялся. В голове приятно шумело, вино оказалось коварным - легкое на вкус, оно крепко шибало в мозг, путая мысли, заставляя мир вокруг качаться, будто во время шторма.

- Да уж забегу... совсем забыл старого друга. Я уж подумал, что ты наконец-то себе нашел достойную женщину, у нее пропадаешь. А ты вон что... суета, работа, всякая глупость, не приносящая радости и покоя.

- Как обычно, - кивнул Лаган и, махнув рукой на прощание, пошел к двери, огибая скамьи и табуреты, расставленные в зале храма. - Пришло к тебе парня. Станный он, конечно... сомневаюсь, что ты найдешь с ним общий язык. Никто еще этого не смог - сидит, как одинокий зверь. Ни с кем не разговаривает. Холодный, как каменный. На моей памяти такого еще не было. Впрочем - все когда-то в первый раз...

* * *

- Подъем! - звонкий голос дежурного ворвался в мозг Адруса, и он, не раздумывая, вскинулся с постели, тут же сбросив с себя сон, готовый к любым неожиданностям. Впрочем, никаких

неожиданностей не было с тех пор, как Щенка сняли с креста и оживили. Его покормили, выдали форму, отвели в казарму и больше не трогали. Других новоприбывших, пребывавших в счастливом ничегонеделании, тоже не трогали, в отличие от остальных, тех, кто в поте лица бегал, прыгал, фехтовал, тренировался в силовых упражнениях, на плацу. Новички удивлялись, обсуждали происходящее, выглядывая из окон, – наружу их не выпускали. После того, что перенесли мальчишки, безделье, сытость, чистая постель были раем на земле!

Щенка никто не задевал, никто с ним не разговаривал, и его это вполне устраивало. Целый день, а потом и ночь он спал, прерывая свой дневной сон только для того, чтобы как следует поесть и сходить по нужде. Кормили здесь отлично – мясо, лепешек сколько хочешь, овощи – так кормят господ, а не рабов – радовались товарищи по несчастью. А еще говорили о том, что им повезло, и все могло быть гораздо хуже, что их ждет славное будущее, потому что Псов очень ценят в Империи – это знает каждый подданный Императора.

Когда Щенок не спал, он лежал с закрытыми глазами и прислушивался к тому, что происходило в казарме, слушал то, что рассказывали мальчишки – звук летел по всей казарме легко, проносясь из угла в угол, будто здание было специально построено с таким прицелом, чтобы от дверей можно было услышать все, что говорят в противоположном углу длинного зала.

Конечно, построили так не специально, но это свойство помещения позволяло Щенку подслушивать разговоры парней, практически не прилагая никаких усилий. Так он узнал, что некоторые «местные» рабы были проданы в рабство своей семьей, что не укладывалось в голове у свободного роста – как можно продать своего сына? Или свою дочь? Многодетная семья, попадая в стесненные обстоятельства, без зазрения совести продавала одного из своих детей, и даже те не видели в этом ничего странного – так выпал жребий, никуда не денешься.

Были и потомственные рабы – дети рабов, были те, кого продали за долги отца, который и сам пошел на рабский помост. Неурожай, пожар – и ты уже раб. И это, со слов проданных, не самый плохой исход – куда хуже умереть с голоду или сидеть, побираясь, в толпе нищих на Привратной площади. Раба покормят, оденут, обуют... а если попадет к хорошему хозяину, то может и выкупиться, лет через двадцать или тридцать.

Щенок не был согласен с тем, что стать рабом лучше, чем умереть. Он бы, скорее, перерезал себе глотку, чтобы миновать этой участи. Он и сейчас покончил бы с собой, если бы не цель, если не то, что заставляло его трястись от ненависти: лица. Лица врагов.

Три лица. Он вспомнил еще одного – того, что его спас, когда воин возле дома хотел убить. Судя по разговору, тот был командиром убийцы матери, а значит – один из тех, кто послал воина грабить и убивать. Значит, заслуживает смерти.

Разговоров у мальчишек было много – о доме, об обычаях. О том, что было раньше, до того, как они сюда попали. Нашлись и те, кто знал Адруса и его семью, кто знал парня по имени. Они сообщили дежурным, и те записали его уже под настоящим именем. Щенку было все равно. Он не собирался сотрудничать с врагами, но и не протестовал против правил Школы. Себе дороже. Пусть записывают, как хотят.

Многое узнал о самой Школе. Назначение этого заведения оставило его равнодушным. Щенок не собирался долго тут сидеть. При первой возможности сбежит. Сбежит и найдет этих тварей. И убьет.

Впрочем, к вечеру последнего дня перед Ритуалом, после размышлений, после всего того, что

он услышал в казарме, пришел к выводу – бежать рано. Вот, к примеру, нашел он того воина – и что? Как справится с ним? Как победит? Как сможет убить? Необученный, не умеющий владеть оружием! Не лучше ли вначале воспользоваться представленной врагом возможностью и научиться искусству убивать?

Когда Щенок пришел к такому решению, он едва не захохотал – ну не смешно ли? Его, врага Империи, эта самая Империя учит убивать! Чтобы он, Щенок, убил подданных Империи, которые убивают во славу Империи! Да это же просто смех один! Как они могут заставить его быть верным Императору? Как они собираются заставить весь этот ненавидящий Империю сброд служить ей, не щадя всей своей жизни?!

В этом было что-то таинственное, но чутье подсказывало Адрусу, что скоро он узнает тайну. Не зря же местные все время твердили про какой-то Ритуал, после которого выживают не все.

Щенок собирался выжить наверняка, потому не слушал их причитания, вычлняя из разговоров лишь то, что должно было относиться к делу – как выглядит этот самый Ритуал, чего от него ожидать и что будет после него. Увы, ничего дельного он так не услышал – только чушь, сказочную и глупую. По крайней мере, так ему казалось.

После умывания всех новичков повели не в столовую, как они ожидали, а куда-то дальше, по плацу, к зданию, где обитали лекари, где хранились медицинские снадобья и перевязочные материалы. Всех построили, а когда построили, перед ними появился Вожак, выглядевший, как обычно, щеголем, в своих начищенных ботинках, отглаженной форме, с сияющим на плече серебристым черепом. Серые волосы, выглядывающие из-под берета, были уложены в воинский хвост и спадали на воротник. Вожак внимательно осмотрел взволнованных новобранцев, посмотрел на солнце, едва поднявшееся над горизонтом, и, почти не напрягая чистого, звучного голоса, объявил:

– Новобранцы! Сегодня самый важный в вашей жизни день! Сегодня вы присягнете на верность Императору! Я должен вас предупредить: те, кто не захочет принять присягу, – умрут! Вы должны со всей искренностью принять верность Империи в свое сердце, если же попытаетесь сопротивляться, попытаетесь уклониться от принятия Ритуала, будете неискренни – участь ваша будет незавидна. Сейчас вы будете заходить в здание группами по десять человек. Вам дадут снадобье, вы должны его выпить. Потом маг сотворит колдовство, и если вы примете Верность, то станете одними из нас – навсегда. По окончании Школы вы становитесь лучшими в мире воинами, личной гвардией Императора, основой трона, надеждой и опорой нации! Гордитесь, что вас допустили к Ритуалу, позволили встать на одну ступень с теми, кто является гордостью Империи!

– Ага... позволили! – шепнул один из местных парней. – Папаше денег отвалили, вот он и позволил... продать меня!

Командир Третьей стаи скомандовал:

– Начинаем Ритуал! Первая десятка пошла!

Адрус попал в здание в составе пятой десятки. Почему-то он ждал, что будет первым подвергнут таинственному ритуалу, но никакого особого внимания к своей персоне он не заметил.

Весь процесс происходил деловито, просто, обыденно, как обед или построение на тренировку. Не очень большая комната, в которой как раз и умещались десять человек, столы, на которых стояли кружки с резко пахнущей темной жидкостью. Полки со снадобьями, стол, заставленный

кувшинами, в которых, вероятно, эта самая пахучая жидкость и хранилась. За столом мастер Дондокс и два его помощника, деловито перебирающих плоские, что-то записывающие в здоровенную книгу, делающие пометки на листках, прикрепленных к стеклянным бутылкам.

Под надзором двух Звеньевых рекруты выпили из кружек, задыхаясь от горечи, желая сплюнуть и вообще извергнуть выпитое на пол – позывы к рвоте были такими сильными, что двое не удержались и все-таки заблевали пол под ругань командиров и лекарей, тут же притащивших ведра и тряпки. Провинившиеся прибрали за собой, получили новую порцию жидкости и все-таки перелили ее в себя, в этот раз уже удержав в желудке.

После того как все выпили, наступила пауза, будто маг чего-то ждал.

Щенок понял, чего тот ждал, минут через пять, когда комната вдруг покачнулась и стены начали заваливаться, угрожая раздавить тех, кто тут сидел. Адрус попытался дернуться, встать, но ноги перестали слушаться, как перестал слушаться и язык. Все что он мог делать – сидеть и смотреть на спокойного деловитого Дондокса, наблюдающего за происходящим.

После того как все опоенные закатили глаза, помощники мага прошли между рядами, пощупали пульс пациентов, кивнули Звеньевым, и те поспешно вышли из комнаты, чтобы не попасть под влияние колдовства.

Когда лишние покинули комнату, Дондокс встал перед рекрутами, простер к ним руки и начал читать заклинание – длинное, сложное заклинание подчинения. Именно оно, вместе со снадобьем, раскрывавшим мозг для внушения, давало эффект верности, который впечатывался в мозг практически на всю жизнь. Наверное, на всю жизнь.

Существовала некая теория, из которой следовало, что действие Ритуала слабеет, примерно начиная с тридцати лет возраста объекта, потому достигшие тридцатилетия Псы уже не могли служить телохранителями Императора – так гласил закон. Император должен быть полностью уверен в лояльности своих телохранителей, и никак иначе.

Когда лишние покинули комнату, Дондокс встал перед рекрутами, простер к ним руки и начал читать заклинание – длинное, сложное заклинание подчинения. Именно оно, вместе со снадобьем, раскрывавшим мозг для внушения, давало эффект верности, который впечатывался в мозг практически на всю жизнь. Наверное, на всю жизнь.

Существовала некая теория, из которой следовало, что действие Ритуала слабеет, примерно начиная с тридцати лет возраста объекта, потому достигшие тридцатилетия Псы уже не могли служить телохранителями Императора – так гласил закон. Император должен быть полностью уверен в лояльности своих телохранителей, и никак иначе.

В воздухе отчетливо проявился голубоватый искристый туман. На полках, над бутылочками, колбами, кувшинами, загорелись синие огни, мерцающие, притягивающие взгляд. Но магу некогда было смотреть, все его силы и умение уходило на то, чтобы не ошибиться в произношении заклинания, ведь если Дондокс допустит хоть одну ошибку, заикнется, споткнется на каком-нибудь слове – произойдет непоправимое. Самое меньшее, что может случиться, – большинство из этих парней умрет от необратимых мозговых изменений. Вырвавшееся из-под контроля заклинание высшего уровня буквально растерзает их мозг, превращая его в кровавую кашу.

Такое случалось, и не раз. Даже на памяти Дондокса. Еще на заре своей деятельности в качестве школьного мага он допустил ошибку, всего на миг ослабив внимание из-за мухи, севшей ему на нос.

Трое парней умерли на месте, двое сошли с ума, остальных пришлось списать в обычные рабы, и, по слухам, они умерли в течение года. Тогда Дондокс едва не лишился своего места, довольно выгодного, хорошо оплачиваемого Императорской казной. Спасло его, как ни странно, заступничество Лагана, что, впрочем, никак не повлияло на отношение мага к Вожаку – унижительно осознавать, что спас твою карьеру тот, кого ты презираешь, как и всех этих выскочек, людей низшей расы, бывших рабов. Однако тот же Дондокс в случае чего отдал бы Вожаку свой долг – даже если он его и недолюбливает. Боги не любят неблагодарных людей, не отдающих свои долги.

В воздухе вдруг потемнело – маги называли этот этап волшбы «Покров Создателя». Говорили, что это проявление божественной сущности, и как раз в этот момент решается, дозволено ли магу произвести свое колдовство или нет. После «Покрова Создателя» остановить процесс было уже совершенно невозможно – обратный удар мог убить самого мага, нужно было обязательно закончить колдовство.

Наконец, сказаны последние слова, и солнечный свет ринулся в комнату, копьями лучей вонзаясь в тела мальчишек, сидящих на стульях в полуобморочном состоянии. Маг привычно взгляделся в лица заколдованных и вдруг с удивлением встретил взгляд того, кого тут называли «Зверенышем». Мальчик смотрел прямо, без малейшей заторможенности в глазах, будто не пил недавно одурманивающей жидкости и не подвергался воздействию мощнейшего, самого сильного из известных колдовства.

Дондокс не то чтобы удивился, он оторопел, моргнул, потер глаза, слезившиеся от напряжения, смахнул со лба пот, выступивший от волнения и физической нагрузки. Попробуй-ка, наколдуй заклинание высшего разряда! Не так пропотеешь! И снова раскрыл глаза, чтобы убедиться... Звереныш сидел так же, как и все, опустив голову, прикрыв глаза, будто и не было недавно острого, звериного взгляда существа, отслеживающего свою добычу.

* * *

В голове зашумело, мерзкая жидкость была сродни вину, как понял Адрус.

Он однажды пробовал вино – кто-то из ребят принес на посиделки медовуху, стащив ее у отца, и Адрус, чтобы не отставать от остальных, выпил приличную дозу. Он навсегда запомнил отвратительное ощущение, когда ноги не идут, весь мир крутится, а твой желудок живет самостоятельной жизнью, извергая наружу все, что ты ел сегодня, и даже вчера вечером – до зелени, чуть не до крови, выворачиваясь наизнанку. После того случая Адрус сделал вывод: пить вино – это не для него.

Как ни странно, отец и мать восприняли его «опыт» довольно легко, посмеялись, уложили спать, и только утром мать укоризненно покачала головой и тихо сказала: «Больше так не делай, сынок. Плохо это. Пьяниц никто не уважает, и они всегда плохо заканчивают». И все.

С тех пор Адрус не пил. Никогда. Даже если уговаривали, смеялись, подначивали. До нынешнего дня не пил.

Опьянение нарастало, оно было странным – тяжелое, лишаящее движения, парализующее. Отнялись руки, ноги, даже глаза отказывались подчиняться, сами собой закатываясь под веки.

Потом пошло колдовство. Слова впивались в мозг, как злобные крысы, визжали, кусали его, рвали на куски, вбивая одну-единственную мысль: «Подчинись! Ты теперь наш! Теперь ты навсегда наш! Только наш! Ты должен делать то, что мы тебе скажем, только то, что мы тебе скажем, даже если тебе от этого будет плохо! Ты наш! Ты наш! Ты наш!»

И вдруг слова обернулись волками.

Адрус побежал по длинной, уже знакомой темной пещере, туда, где виднелось белое пятно выхода. Бежать было трудно – теперь он был тяжелым, неповоротливым, будто сделанным из дерева. Позади пытели и визжали волки-слова, пытаясь поймать и вцепиться, тогда Щенок надавал еще сильнее, и, когда он выскочил в кухню, «волки» отстали от него шагов на двадцать.

Отец и мать стояли наготове. У отца в руках был меч, у матери – знакомый плотницкий топор, которым она едва не отрубила ногу врагу.

Волков было много, десятки – мерцающие, почему-то голубые, они с разгону наскочили на людей и тут же покатались по полу, разрубленные на части. Родители бились так умело, так ловко, что Адрус залюбовался! Он хотел бы быть таким же сильным, ловким, умелым, как они! Но больше всего он хотел быть с ними...

Со стаей было покончено за считанные секунды. Разрубленные тела волков медленно, как клубы дыма, растворились в воздухе, и родители опустили оружие, с улыбкой глядя на сына.

- Привет, сынок! – улыбнулась мама, обняла Адруса и взъерошила ему волосы. – Молодец, хорошо бегаешь!

- И биться будет хорошо! – улыбнулся отец. – Говорил тебе, нужно его научить воинским искусствам! А ты все не хотела! Пригодилось бы.

- Тебе – пригодилось? – грустно покачала головой мама. – В моем видении его спасало только то, что он не умел биться. Если бы его увидели с оружием в руках – он бы погиб. Я тебе уже сто раз это говорила!

Женщина помолчала, снова обняла Адруса, и он задохнулся от нахлынувшей нежности, душевной боли и предчувствия расставания.

Спросил:

- Мы еще увидимся?

- Когда-нибудь – да! – пробасил отец, становясь рядом, положив руку на плечо сыну. – Когда-нибудь. А сейчас тебе пора. Иди, сынок, и помни, что ты рост! Не забывай нас, не забывай свой род! Ничего не бойся! Смерти нет, сынок! Живи достойно, и ты нас обязательно увидишь!

- Когда-нибудь – да! – пробасил отец, становясь рядом, положив руку на плечо сыну. – Когда-нибудь. А сейчас тебе пора. Иди, сынок, и помни, что ты рост! Не забывай нас, не забывай свой род! Ничего не бойся! Смерти нет, сынок! Живи достойно, и ты нас обязательно увидишь!

- Помни нас! Живи достойно! – вторила ему мама, оказавшаяся уже в двух шагах от Адруса. Когда она успела отойти – он не заметил.

Родители удалялись все дальше и дальше. Адруса затягивало в воронку, крутило, вертело, и вот от светлой кухни осталось лишь маленькое белое пятно, потом и оно исчезло...

Удар! Вспышка!

Щенок настороженно посмотрел по сторонам – все его соратники сидели с закрытыми глазами,

расслабленные, будто уснувшие, и только он, Щенок, был бодр, как никогда, ему хотелось скакать, петь, и... впервые на душе был покой – он увидит своих родителей! Смерти нет! Он будет жить достойно! Он выживет! Он отомстит!

Маг, который перевел взгляд на Щенка, был ошеломлен так, будто увидел что-то невероятное. Инстинкт подсказал Адрусу: «Притворись! Веди себя как все! Не высовывайся!» И Адрус закрыл глаза, откинулся назад и замер, как и все остальные.

Маг подошел ближе, наклонился над Адрусом, постоял так минуту, прислушиваясь... От Дондокса пахло снадобьями, какими-то притираниями и плохими зубами – сладковатый тошнотворный запах, вползающий в ноздри.

Потом Дондокс отошел и снова начал творить колдовство. Это было обычное отрезвляющее, оздоравливающее колдовство, ничего особенного. Волна бодрости прошла по телу Щенка, хотя куда еще бодрее – его и так распирало от кипящей в жилах энергии.

Но Адрус сдержался и не подал виду. Он так же, как и все, потянулся, открыл глаза, недоуменно посмотрел по сторонам, по приказу мага встал, вышел из комнаты на солнцепек, где изнывали десятки соратников, ожидавших своей участи.

Те, кто уже прошел Ритуал, переговаривались, смеялись, подшучивали над испуганными парнями – мол, ерунда! Поспите, все закончится – ничего страшного! И только командиры помалкивали, зная истину, но не спеша сообщить ее новичкам.

Процедура продолжалась еще довольно долго. С самого начала никого не отпускали, не кормили, только привезли бочку с водой, чтобы каждый мог пить вдоволь, иначе половина новичков точно бы попала от обезвоживания и теплового удара. Врачи прекрасно знали, как сберечь человеческий материал, так что воду привезли уже через полчаса после начала Ритуала.

Наконец, когда все новички прошли через комнату мага, их отвели на плац, где за ночь успели соорудить деревянный помост, накрытый плотной тканью, берегающей от солнца и возможного дождя.

Новоиспеченных Щенков построили, и снова потянулось ожидание. Чего ждали? Никто не знал. Спрашивали командиров, но те лишь морщились и молчали, не отвечая на вопросы.

Ожидание опять затянулось. Снова бочка с водой, раздача кружек, палящее солнце, пот, мухи, ропот застоявшихся мальчишек. Уже пару раз поднялась и опустилась плеть, «огладив» особо нетерпеливых – обнаглевших – как сказал Звеневой. Плеть поработала бы гораздо активней, но вовремя прозвучал сигнал – на стене ударили в колокол, прогудели трубы, и через несколько минут тяжелые ворота поползли вверх, освобождая дорогу кортежу.

Впереди ехали Псы на вороных конях – черные Псы, черные кони – смотрелось это очень красиво, тем более что телохранители были украшены серебряными черепами, цепями, какими-то серебристыми амулетами. Их чисто выбритые молодые лица надменны, и они демонстративно не замечали толпу новичков, скопившихся на плацу.

Псов было десятка два – они сразу рассыпались в стороны и спешили, бросив поводья конюхам и парням из школы, поприветствовав их коротким кивком. Затем окружили помост, дожидаясь, когда к нему подплывет огромная, как сухопутный корабль, белая карета с императорским вензелем на борту.

Следом за каретой появился еще один отряд Псов, человек пятьдесят. Спешиваться они не стали, заняв позиции у ворот и вокруг плаца, готовые к любым неожиданностям. Впрочем – как и все телохранители.

Следом за Псами к плацу подтянулась свита – толпа прихлебателей из числа высокородных дворян. Все они были на лошадях, богато украшенных золотом, разноцветными лентами, вплетенными в гриву и хвост.

Всадники соответствовали своим коням, украшения, которые были на них надеты, стоили огромных денег, таких, какие простой человек не мог заработать за всю свою жизнь.

Империя богата, богаты и те, кто правит этой страной. Таков негласный закон. И он же говорит, что чем богаче те, кто правит страной, тем беднее люди, которые это богатство создают. Так было и так будет тысячи лет – утверждали ученые, а они знают все, иначе зачем тогда учились?

За свитой появились слуги на разношерстных лошадях и в повозках, везущих различную снедь и напитки.

День Ритуала – известный праздник. И как всякий праздник, он требует хорошего угощения, иначе потом и вспомнить-то будет нечего.

Кавалеры поддерживали дам, спрыгивающих с лошадей, отводили туда, где на плацу расставляли столы, стулья, чтобы удобнее было смотреть.

Пестрило в глазах от нарядов, воздух звенел от голосов – красивые женщины, воздушные одежды, прозрачные, едва прикрывающие наготу драгоценные платья, стоящие многих сотен золотых!

Все было прекрасно и невероятно дорого, как и положено при Императорском дворе Занусса, великой державы, растянувшейся на много дней пути по огромному Южному материку.

Император не впечатлил. Вначале никто из новобранцев даже не понял, что это Император. Невысокий человек в белоснежном костюме, украшенном позолотой, без особых отличий от придворной знати, разве только золотой обруч с трилистником. Без короны этого мужчину пятидесяти с небольшим лет можно было бы принять за небогатого дворянина, чудом пробравшегося в общество важных вельмож.

Император не любил навешивать на себя много украшений. Он говорил, что все эти цепи и дурацкие подвески дают, будто вгоняя его в землю, и что главное его украшение – власть, а побрякушки пусть останутся для идиотов, которым нечем больше кичиться, кроме как здоровенной золотой цепью, на которой можно держать собаку.

С Императором была его дочь, принцесса Агалана, наследница престола. Довольно милостивая девушка, ростом со своего отца. По рассказам придворных слуг – девица опасная, непредсказуемая и любвеобильная. Она до сих пор не вышла замуж, хотя от роду ей было почти двадцать лет. Почему? Никто не знал. Опасно знать лишнее, если это касается членов Императорской семьи.

Как обычно на подобном мероприятии – Императрицы здесь не было. Она предпочитала в это время дня сидеть в прохладной тени у пруда с экзотическими рыбками и, лениво вытянувшись на кушетке, бросать им кусочки плюшек, до которых была великой охотницей. Это знали все и старались не замечать, что первая имперская дама стала похожа на облако – такая же белая и

пухлая, вся в складочках и совершенно без талии. Что, впрочем, ее не смущало и не портило расположения духа.

Мужа она не любила и старалась как можно меньше проводить с ним время. Свое дело Императрица сделала – подарила ему дочь, так что имеет право жить так, как ей хочется. По крайней мере, она так считала.

Император не мешал супруге тонуть в счастливом заблуждении, занимался своей жизнью – правил, искоренял бунтовщиков и время от времени кувыркался с женами своих вельмож и со всеми девками, которые попадались на его жизненном пути.

Поговаривали, что принцесса удалась в отца своей безудержной страстью к постельным играм, правда, очень тихо, стараясь, чтобы не услышали те, кому слышать не нужно. У Секретной службы Императора в столице имелось множество добровольных агентов, тех, кто просто-таки мечтал донести о прегрешениях своего соседа. За вознаграждение или просто для того, чтобы напакостить более успешному – ибо нечего язык распускать, даже если ты на прошлой неделе купил дорогого жеребца! Нечего было пачкать грязью нашего Императора и его благочестивую дочь!

Император и его дочь устроились на заранее приготовленных креслах под навесом, и через несколько минут перед ними уже стояли яства, разложенные по тарелкам, множество хрустальных графинов с напитками и вином.

Еще через какое-то время на свои места уселись и придворные. Шум стал стихать, и тогда к Императору церемониальным шагом подошел Вожак, склонившись в глубоком поклоне возле его ног.

– Мой Император! – начал он звучным голосом. – Эти люди готовы дать обет Верности, прошу тебя позволить им сделать это!

Император встал, посмотрел на толпу сжавшихся в испуге парнишек и, слегка улыбнувшись, тихо сказал:

– Каждый раз одно и то же... и все те же. Вожак, начинай, дело к вечеру, как бы дождя не было. Дочь, я тебе говорил – лучше бы осталась дома, ну зачем за мной увязалась? Нудная процедура, ничего интересного...

– Дома еще скучнее, – капризно надула губы принцесса. – Хочу немного развеяться! Ты запер меня в четырех стенах, как какую-нибудь преступницу!

– Считаешь, для этого не было оснований? – нахмурился Император. – Тебе напомнить? Или не надо? Все, дорогая моя! Ты вышла у меня из доверия! Теперь, пока замуж не выйдешь, будешь сидеть под замком. Потом поговорим. Смотри.

Маг Дондокс вышел на площадку перед новичками, предварительно низко поклонившись Императору. Тот благосклонно кивнул. Маг поднял руки, добиваясь тишины, и, когда все стихло, выкрикнул фразу, после которой указал на Императора и крикнул:

– Это ваш господин! Ваш Император! Служите ему! Его приказ – закон!

Щенок покосился на соратников. Было похоже, что тех ударили по голове поленом. После того как Дондокс выкрикнул какую-то бессвязную фразу, они застыли, выпучив глаза, и после того, как маг указал на Императора, стали смотреть на того, как на невероятное чудо, пожирая

глазами это живое божество.

Адрус с отвращением заметил, что у некоторых парней рядом с ним изо рта потекли слюни, как у слабоумных...

Дальше началось вообще невообразимое. Парня из первого ряда подвели к Императору, и стоявший перед помостом Вожак подал ему нож. Император что-то сказал, и парень без колебаний вонзил нож себе в грудь.

Толпа придворных ахнула, дамы привстали, чтобы разглядеть происходящее, а двое полупсов тут же подхватили самоубийцу и унесли его за помост.

Еще один новичок отправился к помосту. И еще один нож вонзился в грудь.

Осечка произошла на пятнадцатом парне – после приказа Императора он затрясся, бросил нож и упал на землю, выгибаясь дугой, пуская слюни, дергаясь в нестерпимых, ломающих кости судорогах. Его тоже унесли.

Процесс пошел быстрее – парни падали с ножом в груди, их уносили, снова падали и снова бились в судорогах... Тех, кто не смог пройти «экзамен», было довольно много, по прикидкам Адруса, примерно каждый пятый.

По своей привычке прятаться в тени других, Адрус стоял в задних рядах, и пока очередь дошла до него, он успел обдумать происходящее и принять решение.

Что происходило с теми парнями, которые вонзили нож себе в грудь? Умирали они или нет? Скорее всего – нет. Зачем покупать столько рабов, чтобы вот так тупо лишать их жизни? Значит, это проверка. Значит, он должен поступить так же, как и все. Чтобы выжить. Убить себя – чтобы выжить, не смешно ли? Вряд ли смешно, а вот больно – точно. Это-то Адрус знал наверняка.

Оставалось человек пять, когда пришел его черед отправиться к помосту Императора. На негнущихся ногах, стараясь не дрогнуть лицом, Щенок подошел к помосту, посмотрел в лицо человеку в белом и услышал, как и все, страшный приказ:

- Убей себя! Докажи верность Императору!

Вожак подал нож, Щенок сжался в ожидании боли и, воскресив в памяти образ родителей, ударил ножом себе в грудь. Острый клинок проник между ребрами, уйдя по самую рукоять. Щенка подхватили, потащили в сторону, к палатке, у которой стояли те, кто уже прошел процедуру посвящения.

Было больно. Ужасно больно. Но Щенок не исторг ни звука. Молчал, будто мертвый, и лишь глаза выдавали то, что он еще жив. Лекари, что были в палатке, мгновенно вынули кинжал, шлепнули на рану мазь и запели резкими рваными голосами. Через несколько секунд боль стихла, а еще через несколько на месте раны был лишь шрам – старый, зарубцевавшийся, выглядевший так, как если бы был нанесен много лет назад.

- Все, вставай, чего разлегся! – дружелюбно ухмыльнулся лекарь, моложавый мужчина лет тридцати. – Беги наружу! Думал, сдохнешь? Не-е-ет... пока рано. Ты еще не все мирское говно сожрал! Давай, давай, не задерживай! Сейчас еще одного болвана принесут!

Ритуал закончился довольно быстро, отлаженная система работала четко, как обычно. Скоро

всех прошедших проверку снова выстроили перед Императором, он ласково помахал рукой и уселся ужинать, болтая с дочерью и приближенными, собравшимися вокруг Венценосного. Обыденно, скучно, все как всегда.

После окончания процедуры всех Щенков отправили в казарму. Тех же, кто сошел с ума, не в силах преодолеть страх смерти, а значит, был недостаточно верен Императору, – в темницу. Что с ними будет потом – Щенки не знали, и спросить было не у кого. Первый же спросивший получил удар плетью и теперь шел в казарму «украшенный» кровавой полосой через все лицо.

Торжества Императора и его приближенных продолжались до самых сумерек, и лишь когда солнце уже начало заходить за горы, столы свернули, уложили в повозки, куда погрузилась и многочисленная челядь. Остатки еды отдали новоиспеченным Щенкам, свалив ее в большие корзины – ну не тащить же назад в самом деле?

С заходом солнца жизнь в Школе затихла. Щенки жевали перемешанную, как для свиней, жратву, запивали из бутылей, обсуждали происшедшее, мечтали о будущем.

Торжества Императора и его приближенных продолжались до самых сумерек, и лишь когда солнце уже начало заходить за горы, столы свернули, уложили в повозки, куда погрузилась и многочисленная челядь. Остатки еды отдали новоиспеченным Щенкам, свалив ее в большие корзины – ну не тащить же назад в самом деле?

С заходом солнца жизнь в Школе затихла. Щенки жевали перемешанную, как для свиней, жратву, запивали из бутылей, обсуждали происшедшее, мечтали о будущем.

То, что оно должно быть прекрасным, никто не сомневался. Кроме, вероятно, Адруса. Звереныш молча жевал кусок копченого мяса, вывалянный в сладком варенье и крошках, и думал о том, что маг Дондокс странно посмотрел, когда он, Адрус, на миг замешкался, прежде чем воткнуть в себя кинжал. Понял ли он, что Звереныш обманул всех? Что он может не выполнить приказ Императора и что ему плевать на них всех и, вообще, на эту страну? Что он ненавидит их и хочет уничтожить любой ценой? В том числе и Императора... вероятно, тот как раз и есть причина всего.

Конечно, не знал. Само собой – не знал. Иначе убил бы его на месте. Как и любой из этих парней, рабов Императора Занусса...

Глава 5

– Чего хочешь? – Щенок открыл глаза, напряженный, готовый к бою. Сна как не бывало.

– Ты это... не помнишь меня? Я – Саргус, мы же вместе с тобой на посиделках бывали! Ты забыл меня?

– Я помню. – Голос Щенка был сух, как прошлогодний хворост под навесом. – И что?

– Ну... мы же соплеменники, из одной деревни, должны держаться вместе!

– Зачем? – Щенок сверлил глазами светлое пятно лица.

Саргус не нашелся, что сказать, помолчал и упавшим голосом добавил:

– Я слышал, что тебя хотят убить. Сказать – кто?

- Я знаю - кто, - так же сухо ответил Щенок, закрывая глаза. Объект был неопасен, а значит, можно и отдохнуть.
- Это Дегер, ты ему щеку порвал. Он говорит - при первой же возможности тебя приберет. Ты не боишься?
- Я ничего не боюсь. - Адрус вздохнул и отвернулся от паренька. - Ложись и спи. Дай мне поспать.
- Я это... я внизу теперь сплю. Если что - толкну тебя. Ты не думай... я просто так, чтобы помочь. Я не с ними! И еще парни есть... они за тебя, только боятся. Если бы мы все вместе были, тогда...
- Мне не надо вместе. Я один. Мне никого не нужно.
- Но ведь ты не сможешь все время не спать! Они подкрадутся и убьют. Так и говорили: «Как все успокоится, подкроемся и убьем его. Он безумный, опасный, его надо убить. И за него ничего не будет - за безумца не будут наказывать. А если и накажут, то не сильно. Мы скажем, что это он сам напал!» Адрус, это все местные воду мутят. Они нас считают низшими, ведь мы росты, а они зануссы!
- Они мутят, а вы не можете сдачи дать? - не выдержав, фыркнул Щенок. - Какие же вы росты?! Вы грязь!
- Я и говорю - все боятся. Дегер всех подмял, он главный. И много наших к нему перешло - он их заставил. Подначивает против тебя. Говорит, надо дождаться Изменения и потом с тобой заняться.
- А что за Изменение? - насторожился Адрус. - Мы же прошли Ритуал, чего еще-то?
- Это что-то другое, - выдохнул парень, наклонившись поближе к уху Щенка. - Ритуал - это на верность. Изменение - это что-то еще хуже! Говорят - после него еще больше сходят с ума или умирают!
- И что происходит при Изменении? - Щенок закусил губу. Похоже, что испытания не закончились, и это ему очень не нравилось...
- Не знаю. Нам не говорят. Что-то с телом происходит, но что - я не знаю. Тут с магией что-то связано. Ничего не знаю! Эти, которые давно в школе, отмалчиваются или ругаются. Говорят - нечего с вами разговаривать, с трупами. Смеются.

Саргус постоял, помолчал и снова нерешительно спросил:

- Ты будешь за нас? Я видел, как ты побил дежурных! И Дегера побил! И этого... бойца их побил - если бы тебя не схватили, ты бы его совсем убил! Скажи, как так получилось? Ведь ты и драться никогда не дрался! Ты добрый был. А стал такой злой... сильный.
- Ну чего ты пристал? - Щенок приподнялся над лежанкой, упершись руками в матрас, сел, свесив ноги. - Чего тебе надо? Пришел выпытать? Подослали?! Иди отсюда, пока башку не свернул!
- Зря ты так. - Саргус опасливо отошел на шаг, потом сел на свою кровать и замер, глядя на босые пятки Щенка, болтающиеся перед носом. - Все равно ты один не выживешь, даже если

сильный! Без друзей нельзя! Убьют!

- Посмотрим, - сквозь зубы процедил Щенок, потом прыгнул на пол и, вставив ноги в ботинки, зашагал по широкому проходу по направлению к сортиру. Уши, глаза - все настороже, этот проклятый Саргус со своими пугалками привел Адруса в состояние полной боевой готовности.

Казалось, что со всех кроватей за Адрусом следят враждебные, злые глаза, что вот-вот кто-то набросится из темноты, вцепится в глотку, воткнет нож или нацепит удавку.

Щенок знал, что никаких колющих и режущих предметов у новобранцев не было, не положено, но кто знает, что они могли подобрать где-нибудь по дороге? И если навалятся все сразу - шансов никаких. Он ведь не герой из сказок, который может поднять на плечо бревно в обхват и бежать с ним на вершину горы, чтобы сбросить на богов!

Ну да, боги дали силу и скорость, забрав разум, но эти сила и скорость могут проявиться только в бою, когда засыпает Адрус и просыпается Звереныш, когда из глубины души вылезает зверь - ненормальный, безумный, не рассуждающий!

Адрус понимал, что с ним не все в порядке. Что голова работает не так, как положено работать голове простого деревенского мальчика. Что желание убивать, ярость, нечувствительность к боли - это совсем даже не нормально. Тут не нужно быть ученым, чтобы понимать такие простые истины. Фактически в теле Адруса жили два человека, или, вернее, - один человек и один Звереныш, существо, взявшееся непонятно откуда и не желающее подчиняться настоящему хозяину тела.

Что это было - демон? А может, какой-то предок, дух, вселившийся в потомка, чтобы спасти его и сделать то, что должен сделать воин, у которого враги убили близких? Неизвестно. Да и какая разница, кто это или что это было? То положение вещей, которое сложилось сейчас, устраивало Адруса как нельзя лучше. Жизнью он не дорожил, тем более что знал - его ждут мать и отец, там, за черной пещерой, в ином мире.

Звереныш был совершенным убийцей, какой и нужен для того, чтобы вершить правосудие.

Все хорошо. Все правильно. Вот только Изменение... что это? Зачем?

Беспокойно. Страшно. Неизвестность всегда пугает. Лучше явная опасность, ведь когда знаешь, что тебе грозит, можно попытаться этого избежать.

Поход в сортир, несмотря на ожидания, закончился вполне благополучно. Никто не набросился, никто не подстерег с ножом в кулаке. Скорее всего, как и говорил этот парнишка, враги решили подождать, пока все не утихнет. Зачем сейчас рисковать? Ведь скоро начнутся занятия, а во время них бывает, что и гибнут. Когда как не в учебном поединке выбить мозги из строптивного Щенка?

Сумасшедший - не значит глупый. Адрус соображал великолепно, выстраивал цепочку выводов, основываясь на услышанном и увиденном. Его мозг работал четко, вот только направленность работы была одна - убийство, месть, расчет возможных действий при атаке. Он не хотел любви, не желал дружбы, хотя в словах Саргуса имелось зерно правды - в одиночку не выжить. Вожак должен окружить себя верной стаей, чтобы бороться за жизнь. Однако он не должен прикипеть к своим соратникам всем своим сердцем - они лишь инструменты для достижения цели, не более того. И в случае необходимости Звереныш может ими пожертвовать. И должен пожертвовать.

Так идет волчья стая – впереди самые слабые, никчемные волки. Они прокладывают путь сильным, Вожаку. Если впереди засада – первыми погибают слабые, но вся стая живет. И только так.

На войне – как на войне.

Адрус подошел к своей кровати. Саргус лежал на нижней, накрывшись одеялом. Но не спал. Щенок прекрасно слышал его сопение – прерывистое, неровное, такое, какое бывает у плачущего человека.

Адрус коснулся плеча своего соратника и тихо сказал:

– Хорошо. Я с вами. Покажешь мне, кто в нашей стае. Я буду их защищать. Они будут защищать меня. И да будет так!

Саргус с надеждой вскинулся на постели, стал шептать что-то вроде: «Здорово! Теперь мы им... теперь мы их... ты молодец!» – но Адрус его уже не слушал. Он запрыгнул на кровать, накрылся и отвернулся в сторону, не желая больше говорить с суетливым парнем.

Щенок помнил его. Воспоминание всплыло неохотно, издалека, будто придавленное огромным черным камнем, вдавившим память в болотную тину. Как сон, вспоминались трещавшие сучья костра, рассказы о героях, о красивой любви, о предках, которые создали огромное государство ростов, распавшееся из-за жадности, глупости и предательства правителей.

Эти сказки Адрус любил. Он заслушивался героическими подвигами эпических воинов и представлял себя на их месте. Конечно, он всегда побеждал, всегда враг был повержен, и все так красиво, так просто – взял свой драгоценный меч, у которого обязательно есть имя, махнул им, покатила голова недруга, как и не бывало ее на плечах!

Действительность оказалась гораздо хуже, а враги гораздо сильнее, чем в сказаниях.

Через несколько минут Адрус уже спал. Чутко, так, как спят сторожевые псы, готовые вскочить в любую минуту и встретить врага оскаленной пастью, как спят солдаты в походе, не снимая брони и меча, не разуваясь, готовые убивать и умирать.

Покоя не было. И скорее всего, для Адруса, Щенка, Звереныша, его не будет никогда.

Утренняя побудка подняла с постели, и как всегда Щенок был в числе первых, тех, кто одевался за считанные секунды – кстати сказать, это тоже было свойством Щенка, а не Адруса. В своей прошлой жизни мальчишка одевался медленно, вечно копался в одежде, зевал и потягивался, за что не раз был руган отцом, собиравшимся почти мгновенно.

Короткое умывание, сортир, журчащий проточной водой, и все уже на улице, выстроенные по росту. Щенок не был высоким, не был низким – обычный мальчишка среднего сложения, так что его место было в середине, в третьем ряду. Подальше от глаз командиров, что Адруса вполне устраивало.

Перед строем стояли Звеньевые и сам командир Третьей стаи – худощавый, широкоплечий, щеголеватый – как и все Псы. Чем-то он напоминал Вожака – такой же жесткий, как выточенный из железного дерева, с такими же поседевшими волосами, взятыми в воинский хвост, вот только седина поменьше, да шрам на скуле, спускавшийся на шею и уходивший под воротник.

Глядя на этот шрам, можно было представить, какой силы был удар и какое чудо уберегло хозяина шеи от неминуемой смерти. Определить, какого возраста этот человек, было практически невозможно – от тридцати и до пятидесяти. А может, и старше. Гладкое, безвозрастное лицо, серые, остро взглядывающие глаза, крупные ладони, перевитые синими венами, похожими на змей.

При взгляде на руки можно было с уверенностью сказать – попасться в такие объятия равносильно смерти. Они не для ласки, не для кисти художника, не для того, чтобы лепить скульптуру, их предназначение – разрушать, рвать, душить... убивать.

Третий осмотрел нестройные ряды новобранцев, одетых в куцую, не подогнанную форму не первой молодости, почему-то посмотрел на небо, будто призывая в свидетели Создателя, и негромко, но так, что было слышно и в задних рядах, сказал:

- Сегодня вы пройдете Изменение. Основное, главное. Потом вы будете в течение месяца закреплять полученное, пока мы не убедимся, что все прошло нормально. Сегодня вы обретете силу, ловкость, скорость и выносливость – такие, каких нет у обычного человека. Вы станете Щенками, а потом, через годы – Псами. Вы будете охранять Императора и его семью. Беречь их покой и жизнь. Чтобы делать это как можно лучше – ваши тела подвергнут Изменению. Сейчас вы можете спросить, если что-то неясно. Дозволяю.

- А это опасно? – голос из первого ряда.

Щенок его узнал. Тот самый «красавчик» без щеки. Впрочем – не так уж и без щеки, изуродован, да, но все зарубцевалось. На свету видно: рана была страшной – рваные края, впадина.

Жалел ли его Щенок? Нет, совсем нет. Тот сам напрашивался и шел, чтобы глумиться. Получил по заслугам. Какое Адрусу дело, что с ним случилось? Жаль, что не сдох, – меньше было бы проблем.

- На будущее – когда задаете вопросы, нужно выйти вперед, отсалютовать, представиться, и только тогда говорить! – жестко бросил Третий. – На первый раз прощаю. Но все слышали. Следующий раз, если допустишь подобное, получишь три удара плетью. Итак, отвечаю – да, опасно. Часть из вас погибнет или сойдет с ума!

- Ни хрена себе! – буркнул кто-то рядом с Адрусом. Тот покосился и узнал знакомую веснушчатую физиономию Саргуса. – Интересно, а что будет с теми, кто спятил?

Парень вдруг метнул взгляд на Адруса и слегка поджал губы. Щенок понял – подумал про него. Мол, Адрус тоже сумасшедший...

- А что будет с теми, кто сойдет с ума? Их вылечат? – спросил кто-то из строя.

Третий кивнул Звеньевым, те бросились вперед, выхватили из второго ряда худого длинного парня, испуганно оглядывающегося по сторонам, и в воздухе мелькнула плеть – раз, два, три! Парень взвизгнул, его повело, скорчило от боли, и по щекам потекли слезы.

- Что будет с теми, кто сошел с ума? Узнаете! – зловеще кивнул Третий и скомандовал: – Звеньевые, в лекарскую!

Процедура напоминала ту, что была в первый раз. Мальчишек разделили на десятки. Снова горькая жидкость, снова закливание. Только теперь Щенок уснул, напрочь вырубленный

одурманивающим снадобьем. Проснувшись, не ощутил ничего особенного – ни бодрости, ни усталости – совсем ничего. Как будто над его телом никто и не колдовал.

- Что будет с теми, кто сошел с ума? Узнаете! – зловеще кивнул Третий и скомандовал: – Звеньевые, в лекарскую!

Процедура напоминала ту, что была в первый раз. Мальчишек разделили на десятки. Снова горькая жидкость, снова заклинание. Только теперь Щенок уснул, напрочь вырубленный одурманивающим снадобьем. Проснувшись, не ощутил ничего особенного – ни бодрости, ни усталости – совсем ничего. Как будто над его телом никто и не колдовал.

Новичкам приказали подняться, как и предыдущей десятке, затем повели в сторону темницы. Щенок уже знал это место, и когда его ноги снова протопали по каменному полу тюрьмы, ничуть не удивился и ничего не рассматривал, в отличие от соратников, испуганно, вытаращив глаза, разглядывающих мрачное заведение.

Как и ранее, Звеньевые молчали, не говорили ни слова, не отвечали ни на какие вопросы. Только командовали, подгоняли, а самых нерадивых, отстающих, угощали плеткой. Когда десятку загоняли в камеру, вслед бросили:

- Ночуете здесь. Утром за вами придут.

- Почему? За что?! Почему в тюрьму?! – попытались выяснить новички, ответом был лишь грохот двери, захлопнувшейся, будто крышка гроба.

Тесная камера, в которой едва могли улечься десять человек, – часть на топчан, часть на пол – ничем не отличалась от той, в которой сидел Щенок после нападения на дежурных. Пока остальные обсуждали происшедшее, он четко понял, что нужно делать, и тут же забрался на топчан, ближе к стене, чтобы осталось место для остальных парней. Забравшись, заложил руки за голову и закрыл глаза – его слегка мутило, видимо, та гадость, которую они все выпили, была не очень хороша для здоровья.

- Во! Улегся! Глянь! – фыркнул один из соратников, смуглый занусс, затесавшийся в десятку. – А я где лягу?!

Щенок открыл глаза, внимательно посмотрел на парня и отдельно, четко произнося слова, пояснил:

- У порога ляжешь. Или стоя спи, как лошадь. И вообще, не ори, а то сейчас башку сверну! Уяснил?

- Уяснил, – мрачно кивнул парень и буркнул так тихо, что услышал его, наверное, только Щенок с его обострившимся слухом: – Ничего, придурок, придет твое время...

- Мое время и не уходило, – ответил Щенок, щуря глаза. – Заткнулся! И без тебя тошно!

- Точно, тошно! – подтвердил один из соседей, тоже занусс. Посмотрел на товарища, извиняясь, пролепетал: – Я не про тебя, я вообще! Тошнит меня... и похоже, что горячка началась! Я болел горячкой... у нас болото рядом, говорят, когда комар укусит, то горячка может быть. Вот меня как-то укусил, я и заболел... чуть не помер! Только после этого больше горячкой не болеют, а тут снова?

- Значит, не горячка! – отрезал Саргус, садясь рядом с Адрусом. – Но правда тошно... меня щас

вырвет...

- Не вздумай, болван! - выругался первый занусс. - И сесть-то некуда будет! Жарко... я разденусь. Заодно и постелить на пол можно. Кровать-то занята! Ишь, развалился!

- Ты Адруса не трогай! - ощерился Саргус, и двое парней рядом кивнули, подтверждая. - Мы за него тебе глотку перегрызем! Вас тут мало, нас много! Так что заткни свою пасть и сиди!

Занусс молча проглотил обиду - соотношение сил было явно не в его пользу.

Впрочем, возможно, ему просто было не до того. Щенок сам уже почувствовал, как жар ударил в голову, как кровь толчками бьется по жилам, и сердце стучит, как сумасшедшее. Похоже, что это и было оно, то самое Изменение.

Время тянулось медленно-медленно. Вначале Адрус впал в полусон-полузабытье, горячее, странное состояние, когда все видится то ли сном, то ли бьюю. Перед глазами мелькали картинки прошлого, настоящего, слышались голоса, стоны, выкрики. Может, реальные, может, привиделось.

Потом пришла боль. Боль была невероятной - Щенок скулил, выл, его трясло, подбрасывало, сворачивало винтом. Трещали кости, болели мышцы, голову словно раздувало. Все мысли, все желания - все ушло, кроме одного - прекратить, остановить эту боль, которой не было конца!

Что там Ритуал - чепуха в сравнении с этой пыткой! Ну, пронзил себе грудь кинжалом - да ерунда, рана, которую тут же залечили, а здесь - невероятная боль, тело - сплошная рана, мука, конца которой нет. До самой смерти, до безумия!

Он не хотел смерти.

Звереныш рычал, вопил, выл, но сопротивлялся. Он не позволял себе умереть.

Звереныш затолкал Адруса в глубину сознания, отключил его от боли и остался один, драться с ней, с болью, как вожак дерется со стаей за главенство, за старшинство, за право вести за собой всех, кто подчинится!

Сколько это продолжалось - неизвестно. Времени не было. Не было ничего вокруг - не было камеры, не было мира - только он, Звереныш, изнемогающий в страшной борьбе.

Но все когда-то кончается, так или иначе...

Очнувшись, Адрус открыл глаза, потрогал лоб, будто удостовераясь, что тот на месте, ощупал руки, ноги - все есть, все цело, и на ощупь, и на вид, все как прежде. Прямые руки и ноги, не вывернутые наизнанку, как следовало бы ожидать.

Плечо во что-то упиралось. Он повернул голову - Саргус. Лицо парня было как раз напротив плеча Адруса - испачканное в рвотой, засохшими слюнями и соплями.

Щенок с отвращением отодвинулся насколько мог, потом приподнялся и сел, оглядывая камеру. Зрелище было таким, будто здесь случилась гигантская попойка, и все парни, что теперь валялись на полу в вонючих лужах, выпили немереное количество медовухи.

Пахло мочой, дерьмом, потом - запах просто-таки душил, потому Щенок поспешил слезть с топчана и встать там, где под потолком светилось зарешеченное окошко. Оттуда поступал

чистый воздух, и можно было хоть немного подышать.

Качало, наплывала слабость. Руки и ноги зудели, будто после длительной и тяжелой работы. Побаливали мышцы, ныли кости.

Адрус знал это ощущение – он помогал отцу рыбачить, охотиться, рубить лес. Намашешься топором – не так заболит. Отец объяснял, что это болят мускулы, значит, они растут.

Щенок согнул руку в локте, пощупал – нет, вроде бы все так же, как и было. Усмехнулся – и зачем щупал? Поглупел, что ли?

Снова осмотрел камеру и заметил, что некоторые из соратников начали шевелиться, задвигали руками, ногами. Еще через несколько минут очнулись все. В камере снова стало шумно – подростки отплевывались, кашляли, разговаривали, обсуждая происшедшее. Только двое остались сидеть на полу – бессмысленный взгляд, слюни изо рта, штаны мокрые. Парни старались не обращать внимания на этих двух, пока тот занусс, что говорил о горячке, не спросил, указывая пальцем:

- А эти чего? С ума сошли, или как?

- Не видишь, что ли? – мрачно ответил первый, тот, что угрожал Адрусу. – Интересно, что с ними будет? Горячка, понимаешь ты... кстати, парни, что-нибудь изменилось? Никто ничего не чувствует?

- Чую! Дерьмом от тебя несет! – ворчливо бросил Саргус, зажав руками голову.

- Дурак! Я спрашиваю – может, какие-нибудь способности появились? Ну там... особая сила? Или еще чего? Не чувствуете?

- Отвяжись ты, а? Голова болит, и ты еще достаешь! – вмешался парень из ростов, до этого поддерживавший Саргуса и Щенка. – Меня больше волнует, когда нас уведут отсюда, дадут помыться и пожрать! А ты все сказками голову забиваешь!

- Тихо! Идут! – парнишка у двери, приложивший голову к окованному железом темному дереву, оглянулся и возбужденно повторил: – Идут! Сюда идут!

Все, кроме двоих на полу, встали лицом к выходу и стали ждать. Загромыхал замок, дверь раскрылась, показался Звеньевой и двое полупсов с тяжелыми, окованными металлом дубинками в руках. Они быстро осмотрели камеру, и Звеньевой довольно кивнул:

- Двое. И не буйные. Повезло. У ваших соседей трое, и двое из них буйные. Порвали нескольких едва не до смерти. У вас только два «овоца». На выход пошли! Ну, пошевеливайтесь! Еще не все закончено.

- Еще не все? – взвыл высокий занусс. – Чего еще-то?! Вы не охренели... ай!

Звеньевой молча с размаху врезал по лицу плеткой так, что рассек щеку. Парень зажался, потом выпрямился и с ненавистью посмотрел в лицо обидчика:

- Когда-нибудь ты пожалеешь об этом!

- Многие так говорили, – усмехнулся командир и внезапно нанес еще два удара по плечам строптивца. Рубаха лопнула от ударов, и выступила кровь.

- Вот так мы воспитываем непослушных! - удовлетворенно кивнул Звеньевой. - Вас не спрашивали - вы не должны говорить! Обнаглели, Щенки! Еще не знаете, что вас ждет, мелкие скоты... увидите. Пошли, пошли вперед, животные!

Коридор темницы наполнился людьми. Ошеломленные, грязные, парни выходили из камер, приветствовали друг друга, тихо шептались и шли по коридору наверх, к свету, раздумывая о том, что предстоит делать дальше.

Когда добрались до казармы - все мысли ушли прочь. Вода, мыло - это ли не счастье?! И пусть она холодная, как лед, пусть руки стынут от ледяных струй, зато по жилам побежала кровь, зато все тело поет, воспрянув к жизни - и она, эта жизнь, кажется не такой уж и плохой!

Грязное сложили в моечной - стирать будут после. Командиры торопили - всех на кормежку, потом еще какое-то испытание, последнее, как сказал Звеньевой.

Сытный обед совсем исправил настроение - густая похлебка с кусочками мяса, горячие лепешки, овощи, нарезанные дольками, фрукты, горячий травяной отвар с сахаром - бери сколько хочешь, ешь, и никто не отнимет твой кусок, никто не набросится и не вырвет из рук - это ли не счастье?

Многие из парней, в основном зануссы, в своей свободной жизни никогда так сытно не ели - это было ясно из разговоров.

Росты были спокойнее - среди них не было голодавших. Парни из хороших семей, от работающих родителей. Как помнил Адрус, в их доме всегда было мясо - даже если это была солонина. Отец добывал и кабанов, и оленей, и лосей - красное мясо было всегда, как и белое - утки, гуси - и во дворах, и в лесу, дикие. Рыба? Ею кормили собак!

Щенку вдруг стало горько - он вспомнил, как их охотничья собака Берда бросилась на врага и укусила его за ногу. Увы, нога была в металлическом наголеннике, и грабитель зарубил собаку, не получив при этом никаких повреждений. Собака, которую Адрус знал еще щенком, взвизгнула, оскалилась окровавленными зубами, да так и осталась лежать рядом со своим хозяином, перерубленная пополам...

Поев, Адрус отставил недоеденное - кусок в горло не лез после воспоминаний о доме, осмотрелся - в столовой, рассчитанной на сотни обедающих, явно стало свободней. Осталось не более ста пятидесяти новичков, а может, и того меньше. Все жадно ели, вымакивая чашки кусочком лепешки, а некоторые шли за добавкой к поварам. Им не отказывали - охотно наливали, накладывали, и парни снова утыкались в миски, сосредоточившись на еде, как голодные зверята.

Им позволили есть дольше, чем обычно, - Адрус это заметил, чувство времени у него всегда было на высоте. Потом всех вывели наружу и погнали на плац, на котором занимались недопески и полупсы. Те и другие были почти полностью обнажены - в одних набедренных повязках и в сандалиях на веревках. Такие же выдали всем Щенкам, и Адрус пока что не понял, что с ними делать. Теперь увидел - куда и зачем.

Парни на площадке бегали, боролись, дрались палками, шестами, голыми руками - зрелище было завораживающим, интересным. Мальчишкам всегда интересны единоборства, а если знаешь, что все то, что видишь, когда-нибудь предстоит делать и тебе, тогда зрелище становится во сто крат интересней!

Полюбоваться особо не дали, быстро прогнали мимо площадок, как стадо овец, подгоняя

плетками, вывели за лекарскую, туда, где был выстроен отдельный «загон», похожий на те, в которых обычно содержали скот – баранов или коров. Только здесь вместо баранов были люди. И не просто люди, а те, кто некогда прибыл с Адрусом в трюме корабля, те, кто входил с ним в комнату мага, те, кто не смог убить себя или проснулся бессловесным овощем в вонючей камере тюрьмы.

Здесь были собраны все, кто сошел с ума после магических процедур. Несколько десятков парней.

- Слушайте меня внимательно, Щенки! – Голос Вожака был четким, ясным, даже добродушным, и оттого казалось страшнее то, что он говорил. – Перед вами люди. Бывшие ваши товарищи. Сейчас вам отдадут приказ, и вы будете выполнять все, что от вас требуют. Тот, кто не выполнит приказа, понесет жестокое наказание. Вы должны привыкнуть, что приказ командира – это все, что вам нужно знать. И вы должны выполнять этот приказ беспрекословно, сразу же, как его получили. Ты! Да – ты! – Вожак показал на веснушчатого парня в конце строя. – Подойди ко мне. Быстро, я сказал!

Парень вприпрыжку подбежал к Вожаку и замер, похожий на собачку, которую позвал строгий хозяин. Сходство усугублялось тем, что парнишка сгорбился, сделался как-то ниже ростом, будто собирался тут же встать на четвереньки и залаять.

- Доложи по форме!

- Щенок Нибус, Вожак! Прибыл по твоему приказу!

- Щенок Нибус, возьми нож. – Вожак кивнул Звеньевому и тот подал широкий, слегка изогнутый боевой нож длиной около двух пядей. – Теперь ты должен пойти в загон и принести мне ухо.

- Какое ухо, Вожак?! – оторопело переспросил парень, на лбу его выступили блестящие бисеринки пота, в которых отразилось вышедшее из-за облака солнце.

- Любое. Левое, правое! Ты знаешь, что такое ухо?

- Знаю, Вожак! – сирым голосом ответил парень, глотая воздух широко открытым ртом.

- Так вот,ходишь,отрезаешь у одного из них ухо,приносишь мне. И на сегодня свободен.

- Так вот,ходишь,отрезаешь у одного из них ухо,приносишь мне. И на сегодня свободен.

- Как же... Вожак? Ухо... как я?! Вожак?! – залепетал парень, неловко держа в руке нож. Он явно никогда раньше не только не держал такого ножа, но, скорее всего, и не видел его близко.

Адрус видел такой нож и, когда отца и матери не было дома, доставал его из сундука и вертел в руках, размахивая будто мечом. Впрочем, меч у отца тоже имелся, но Адрус не решался его взять. Тот лежал на самом дне сундука, но если рыться, отец точно заметил бы, и тогда бы точно влетело.

Этот нож был похож на отцовский как две капли воды. Глядя на него, можно легко поверить, что два материка некогда были единым целым. Впрочем, возможно, что отцовский нож скопирован с занусского – не все набеги заканчивались победно для грабителей, и часть оружия оседала у ростов.

Щенку не приходило в голову, что все могло быть наоборот, что занусский нож – копия тех, что тысячи лет делались на Северной материке... и что Занусская империя лишь отколовшаяся часть огромной Мировой империи, пришедшей в упадок.

Существовала такая теория, впрочем, совершенно не одобряемая имперскими властями. Если ее признать, окажется, что Великая Империя Занусс совсем не великая, а суть жалкий осколок чего-то большего, и что росты на самом деле родоначальники зануссов, а значит, что-то вроде их старших братьев. А может, хозяев?

Задумавшись, Щенок пропустил момент, когда один из Звеньевых сильно ударил Нибуса плетью – раз, другой, третий – по согбенной спине, по лицу, по заду – с оттяжкой, с веселой ухмылкой, будто это все не жестокие удары, а легкие шлепки шаловливому ребенку.

Нибус вздрагивал от ударов, лицо его кривилось, из глаз текли слезы, и после пятого удара, не выдержав, он пошел в загон.

Мальчишки в загоне бродили, стояли, бессмысленно разглядывали собравшихся возле забора Щенков. Один из спятивших узнал вошедшего в загон паренька, жалко улыбнулся, попытался что-то сказать, но не смог, издав что-то вроде клекота, хриплого мычания, отозвавшегося в толпе наблюдателей громким вздохом – сумасшедший был жалок, и каждый представил, что мог бы оказаться на его месте. Если бы не случай, если бы его тело не сработало так, как надо...

– Даю тебе сто ударов сердца! – крикнул Вожак, наблюдая за тем, как вошедший в загон стоит, не решаясь подойти ни к кому из парней, и трясется, отчего нож в его руке ходит ходуном. – Если ты сейчас не выполнишь приказ – я сам отрежу тебе ухо. И ты все равно сделаешь то, что я сказал. Время пошло!

Парнишка вздрогнул, пошел по загону к кучке сидящих на земле мальчишек, выбрал одного, бессмысленно глядящего в небо и пускающего слюни, стекающие по подбородку. Подошел к нему, нагнулся, примеряясь, приставил в ухо лезвие ножа. Еще секунда, и... вдруг сумасшедший повернул голову, посмотрел в глаза Нибусу с ножом и, почти внятно выговаривая слова, сказал:

– Не надо... пожалуйста... не надо... не делай мне больно... я к маме хочу... отпусти меня! Пожалуйста! Мне тут так плохо!

По щекам сумасшедшего потекли слезы, и Нибус вздрогнул, бросил нож на землю, закрыл глаза и побежал к воротам загона, уткнувшись лицом в ладони. Он бежал, спотыкаясь, едва не упал, потом с разгону врезался в перекладину ворот, согнулся, выпрямился и, выскочив наружу, встал перед Вожаком, опустив руки по швам:

– Я не могу! Не могу! Это нельзя! Так нельзя! Нельзя! Нельзя!

Вожак шагнул вперед, одним быстрым движением выхватил из ножен короткий широкий меч и скользящим ударом отсек половину уха Нибуса. Тот громко завопил, зажал обрубок, пытаясь остановить кровь, брызнувшую во все стороны. Крик еще не затих, когда по сигналу Вожака с парня сорвали одежду, оставив его совсем нагим, и стали хлестать плетью, оставляя кровавые полосы на худом мальчишеском теле.

Несчастный кричал, умолял остановиться, но командиры были неумолимы и били до тех пор, пока Вожак снова не подал сигнал.

- Стой! Хватит. Теперь ты снова идешь. Поднимаешь нож и приносишь мне ухо. Нет - теперь принесешь два уха! Вперед!

Шатаясь, парень пошел в загородку, подвывая, постанывая от боли, залитый кровью так, что казалось, будто его раскрасил какой-то безумный художник. Нож так и торчал в земле, уйдя в нее до половины, Нибус вынул его, как оживший покойник подошел к первому попавшемуся мальчишке и одним ударом срубил парню ухо, ударив так, что вместе с ухом отрезал лоскут щеки. Раненый глухо застонал, отшатнулся, отбежал в сторону, и тогда под удар попал другой, тот, что плакал и просил не трогать. Избитый до полусмерти парнишка отрезал ему ухо, не обращая внимания на плач, взял кровавые кусочки в руку и пошел назад, шатаясь так, что казалось - сейчас он грохнетя, как подрубленное дерево.

Не свалился. Подошел к Вожаку, протянул ему руку с зажатыми в ней кусками окровавленной плоти. Тот благосклонно кивнул.

- Давно бы так. Видишь, как все просто? Подошел, отрезал, пошел дальше! Видели, как все просто? И что будет с теми, кто откажется исполнить приказ? Вы должны быть готовы исполнить любой, ЛЮБОЙ приказ Императора и своих командиров! Ведь приказ командира и есть приказ Императора, и каждый, кто не выполняет приказ Императора, умрет! Ваши командиры - это руки Императора, и вы не можете ослушаться!

Вожак помолчал и обычным, без пафоса, голосом добавил:

- Брось их на землю. Нож сюда. Отведите его к лекарю.

Парня увели, и настал черед следующего испытуемого. Он должен был принести нос... Еще один - глаз. Палец. Два пальца.

Менялись парни, менялись задания. Площадка загона походила на бойню - кровь, крики, стоны, трое парней-Щенков упали в обморок, глядя на происходящее. Их привели в чувство, раздели и высекли - так же страшно, как и первого наказанного.

Псы не должны бояться крови, не должны падать в обморок, как дворянская девица. Им приказали вырезать сердца из трех умирающих от потери крови сумасшедших. Парни сделали это - падая, рыдая, вымазанные в своей и чужой крови.

Когда очередь дошла до Щенка, в загоне осталось лишь несколько живых - человек пять изрезанных, искромсанных парней, истекающих кровью, обезображенных до неузнаваемости.

Щенок с замиранием в сердце ждал, что сейчас ему поручат что-то особо мерзкое, и гадал, что же это такое будет. Он не сомневался, что сделает это - Звереныш ждал момента, чтобы выскочить наружу, а уж он-то крови не боялся - он жаждал ее! И ему не было жаль этих несчастных, которые все равно бы умерли, не так страшно, конечно, но умерли. Все умирают - люди и звери. Но смерти нет!

Вожак махнул рукой, и через пару минут в загородку завели трех парней, руки которых были связаны за спиной. Они завывали, рычали, дергались, как захваченные в плен волки, и когда веревки, стягивающие руки, отпустили, набросились на своих пленителей, со смехом ускользнувших в стороны. Недопески перепрыгнули загородку, и сумасшедшие врезались в нее со всего разгона, протягивая руки к людям, клацая зубами, растопырив пальцы с сорванными до крови ногтями.

- Вы должны войти туда и убить всех, - приказал Вожак, внимательно наблюдая за

оставшимися испытуемыми. – Всех, это значит – вот этих троих буйных и остальных, тех, что еще живы. За каждого оставшегося в живых вы получите по десять... нет – по двадцать ударов плетью! Так что позаботьтесь, чтобы ни одного из них ТОЧНО не осталось в живых. Да, и вот еще что – вырежете сердца у этих трех и принесете их мне. Все ясно?

– Ясно, – сдавленным голосом пробасил тот, кому некогда Щенок вырвал половину щеки.

– Ясно, – выдавил Саргос, бледный как мел. Адрусу даже показалось, что у того волосы встали дыбом.

– Ясно, – равнодушно сказал Звереныш, спокойный, как надгробие. Он уже не волновался. Страх куда-то испарился, место в голове занял зверь, которому было плевать на чужую жизнь, на чужие страдания – вся жизнь страдание, всех не пережалеешь! А своя шкура гораздо дороже, чем чужая. И свое сердце...

Вожак внимательно следил за двумя лидерами, теми, кто выделился среди общей массы рабов. Он специально подгадал так, чтобы остались эти двое, и специально дал им в «соперники» трех буйных сумасшедших, желая посмотреть, как они будут себя вести в экстремальной ситуации, не зная, как нужно обращаться с ножом, ничего не умея.

Третий парень попал в эту тройку вроде бы случайно, но не совсем. Вожак заметил, что Саргос жметя к Щенку, и его хитрый многоопытный разум сразу просчитал ситуацию. Этот парень ищет защиты у более сильного, и, скорее всего, служит у него кем-то вроде адъютанта, помощника, подчиненного, как младший командир у старшего.

Вожак из рук в руки передал боевые ножи – один окровавленный, тот, который использовали все участники испытания, и два новых, чистых, не отличающихся от первого ничем, кроме своей чистоты.

Острые лезвия, которыми можно побриться и так же легко отрезать голову. Рукояти – деревянные, с насечками, чтобы не скользили. Простые и незамысловатые орудия убийства, одно из которых уже вволю напилось человеческой крови.

Передавая нож Щенку, Вожак заметил, как тот остро, будто запоминая, посмотрел в глаза командиру, и хотя он тут же опустил взгляд вниз, Вожак понял – этот мальчишка ненавидит его самой лютой ненавистью. Дай ему волю – убьет при первой же возможности.

Не он первый, не он последний! – вздохнул Лаган и попытался снова поймать взгляд парня. У него не получилось. Тот упорно смотрел куда-то вниз, на башмаки или в небо, поверх головы командира, будто рассчитывая улететь далеко-далеко, в небесную высь, туда, откуда его не достанут никакие рабовладельцы.

Адрус смотрел на то, что делало его тело, отстраненно, будто рука не принадлежала ему, будто это не он вошел в загон и быстрым движением вогнал клинок в грудь первому же бросившемуся на него человеку.

Запомнилось, как нож скрежетнул по ребрам, застрял, зажатый сдвнувшейся грудью убитого, и выскользнул из потной руки, торча в мертвом теле.

От второго безумца защищаться было уже нечем, если не считать того, что дал Адрусу Создатель – рук и ног.

Безумец с ходу сбил с ног ошалелого, испуганного Саргуса, навалился на него и стал терзать,

рвать зубами шею парня, добираясь до кровяной жилы. Щенок так никогда и не узнал – что вело безумца, почему он так желал крови, почему в мозгу парня вдруг вспыхнула ненормальная, болезненная тяга к убийству, к запаху красной, липкой жидкости, почему исчезли все мысли, кроме одной – убить во что бы то ни стало!

Впрочем, а разве Звереныш не отличался от этого ненормального лишь тем, что не наслаждался вкусом крови? Он так же жаждал убить врага, так же терял контроль над собой в неистовом желании разорвать противника! Тогда чем он отличается от этого сумасшедшего?

Саргус едва не погиб. Пока Адрус, пытавшийся взять контроль над телом, мысленно рассуждал о своих ненормальных наклонностях, безумец уже выплевывал рваные куски кожи верещавшего, как свинья, парня. Только когда Щенок встретился взглядом с погибающим «напарником», опомнился и, дав волю Зверенышу, прыгнул на спину сумасшедшему. Схватив его за подбородок, загнул шею назад и выгибал до тех пор, пока та не сломалась, издав треск, будто кто-то ломал сухой хворост.

Глаза безумца еще моргали, удивленно глядя на своего убийцу, но тело двигаться не могло, обмякло и придавило Саргуса к земле.

Щенок прошел к первому убитому им парню, упершись ногой в его живот, выдернул застрявший клинок, размахнулся и со всей силы ударил им по шее лежащего будто топором или мечом.

Нож с чавканьем врубился в шею – остреее лезвие с морозным узором на клинке легко перерубило ее до самого позвоночника. Еще удар – голова отделилась и покатила под ноги третьему парню, который стоял над трупом убитого им человека.

Покончив с этим делом, Звереныш обошел загон и методично отрубил головы всем, кто хоть немного подавал признаки жизни. Он делал это так просто, так обыденно, как если бы потрошил рыбу, пойманную в отцовскую сеть, – он не раз занимался этим перед засолкой. Вот человеческие головы рубить ранее не приходилось.

Добив всех, кто шевелился, Звереныш вернулся к трупу первого убитого им человека. Нужно было добыть сердце.

Глухое чавканье! Нож вошел в предреберье, двинулся вниз, раздвигая еще теплую плоть, обнажая сизые петли кишок, похожих на огромных свившихся червей.

Адрус знал, где находится сердце, он не раз помогал отцу разделять убитых зверей, и знал, как добраться до комка плоти, в котором, якобы, таятся любовь, страх, мужество и злоба.

По мнению мальчика, все это было преувеличением – ничего в этом куске мускулов не было, кроме загустевшей крови, вкусного мяса и пленок, застрявших в зубах. Все разговоры о любвеобильном, добром или злом сердце суть придумки бродячих певцов, развлекающих народ своими песнями, способ выжимания денег, и не более того.

Звереныш засучил рукав, сунул руку под ребра, добрался до сердца. Выдирать его было трудно, оно крепко сидело в теле и не хотело его покидать. Наконец все-таки удалось, и теплое, красное, упругое, устроилось в руке убийцы – полузверя, получеловека – с интересом разглядывающего этот кровавый «плод».

Дело было завершено. Можно выходить из загона.

Проходя мимо рыдающего Саргуса, Звереныш заметил, что тот так и не добыл сердце своего противника. Саргус сидел на земле, зажав истерзанную шею и, раскачиваясь, причитал, все время повторяя:

- Да что же это!? За что!? Ну за что?! Будь ты проклят, Создатель! Будь ты проклят! Мамочка моя! Мамочка! А-а-а-а! А-а-а-а!

Щенок подошел к Саргусу, с размаху пнул его в зад так, что парень едва не свалился на землю, и тихо прорычал, выдавливая слова сквозь зубы:

- Да что же это!? За что!? Ну за что?! Будь ты проклят, Создатель! Будь ты проклят! Мамочка моя! Мамочка! А-а-а-а! А-а-а-а!

Щенок подошел к Саргусу, с размаху пнул его в зад так, что парень едва не свалился на землю, и тихо прорычал, выдавливая слова сквозь зубы:

- Встал! Пошел! Делай, что тебе сказано, иначе сдохнешь! Встал, тварь! Ты рост! Ты должен выжить! Встал, ублюдок!

- Я не могу, миленький, Адрус, я не могу! Пусть лучше убьют! Я больше не могу! Они же нелюди, ты не видишь?! Они нелюди! Нелюди! - Саргус опять зарыдал, захлебываясь слезами, горечью беды, но Щенок не дал ему снова увязнуть в отчаянии. Он сильно ударил парня по лицу.

- Встал, погань! Я не позволю им убить тебя! Они хотели сердце - будет им сердце!

Могучим ударом Звереныш рассек грудь лежавшего на земле безумца, который едва не растерзал Саргуса, царапая руку об осколки ребер, воткнул кулак в грудь убитого и одним движением вырвал сердце. Потом тряхнул ошеломленного Саргуса, сунул в его руку добытый «трофей», поднял с земли свой и, подталкивая перед собой новоиспеченного приятеля, пошел к выходу из загона.

Лаган стоял, задумчиво пожевывая палочку для чистки зубов. Он видел то, что происходило в загоне, и, честно сказать, увиденное его не удивило. Что-то подобное он и ожидал. Когда Щенок подошел к нему и бросил под ноги вырванное у «врага» сердце, Вожак не шевельнулся и лишь внимательно посмотрел в лицо парня, избегавшего встретиться взглядом со своим командиром.

Подошел и Саргус, несмело протягивая добытое не им сердце. Вожак кивнул, и второе сердце полетело к его ногам. Потом третье - Дегер все сделал как надо.

- Встань в строй, - кивнул Вожак, а когда Щенок дернулся, чтобы исполнить приказание, покачал головой. - Нет, не ты. Он!

Лаган показал на Дегера.

- Он - в строй, а вы двое - остаться здесь.

Вожак помолчал, равнодушно посмотрел на Саргуса, медленно и весомо сказал:

- Ты не выполнил то, что я тебе сказал. Ты ослушался меня. А ты, Щенок, сделал то, чего я тебе не приказывал. Ты тоже ослушался меня. Плеть!

Звеньевой подал плеть, и Лаган задумчиво помял ее в руках, будто проверяя, насколько крепка эта длинная, похожая на змею черная кожаная веревка, сплетенная из толстой воловьей кожи. Саргус сжался, ожидая удара, закрыл глаза, и только Щенок стоял молча, привыкнув, исподлобья, с ненавистью следя за лицом командира.

Лаган слегка улыбнулся и вдруг подал плеть Саргусу.

- Бей Щенка! Накажи его! Я тебе приказываю! Двадцать ударов!

Саргус жалко улыбнулся разбитыми губами, растерянно пожал плечами и ударил, несильно, пытаясь сделать так, чтобы Адрусу было не очень больно.

И тогда Вожак рывкнул, яростно брызгая слюной, как настоящий волчий вождь рычит на членов своей стаи:

- Сильнее, тварь! Сильнее! Иначе я тебе уши обрежу! Член вырежу, мерзкое животное! Бей! Бей! Бей!

Саргус вздрогнул, втянул голову в плечи и сильно хлестнул Звереныша по спине, потом еще, еще, подвывая, захлебываясь рыданиями и уже не думая о том, что перед ним стоит тот, кто его спас, тот, кого он хотел считать своим другом. Он сбился со счета, и порол бы до тех пор, пока не забил бы Адрусу до смерти, если бы не Вожак, остановивший экзекуцию:

- Хватит, достаточно. Я удовлетворен. Встаньте в строй. Оба.

Саргус выпустил плеть из рук, и она упала в пыль, свернувшись, как ядовитая змея. Пошатываясь, подошел к бледным, окровавленным парням, наблюдавшим за происходящим, повернулся и зажмурился, будто закрытые глаза помогли бы уйти от страшной действительности, как одеяло в отчем доме укрывает от ночных страхов.

Щенок дошел до строя, не пошатнувшись, ни звуком, ни гримасой не выдав боли. Он был похож на окровавленного, затравленного волчонка, не сдавшегося, уступившего лишь сильному Вожаку, но не оставившего планов загрызть того, как только он ослабеет.

Все почувствовали это и отшатнулись от Звереныша, будто самым страшным на этом плацу был не главный, Вожак, а этот мальчишка, стиснувший зубы до каменных желваков на бледных щеках.

Глава 6

- Ты спишь? Эй... ты спишь?

- Ты с ума сошел?! Ты теперь постоянно станешь будить посреди ночи?

- Это... ты прости, ладно? Прости...

- За что?

- За то, что я тебя бил плеткой... Это же не я хотел, он напугал меня... сильно напугал! Я никогда в жизни так не боялся, никогда! Наверное... Прости.

- Боги простят. Ложись и спи.

- Да, да... сейчас лягу.

Молчание. Шорох.

- Не могу уснуть. Ты меня спас сегодня... спасибо тебе. Если бы не ты, меня бы убили. Я хотел, чтобы меня убили! Знаешь, почему?

Молчание.

- Потому что я больше не мог терпеть. Нельзя убивать беззащитных. Я всегда так думал...

- А теперь?

- Что - теперь?

- Теперь так не думаешь?

- Наверное - нет. Как считаешь, почему они с нами так поступили? Зачем устроили эту бойню?

Молчание.

- Не знаешь? А я догадался. Чтобы сделать из нас убийц!

- Тоже мне, открытие! А ты что думал? Попал на деревенские посиделки? Это школа убийц! До сих пор не понял?

- Да я знаю, знаю! Я не о том говорю! Они ломали нас! Они хотели, чтобы мы по их приказу убили кого угодно - ребенка, женщину, друга - любого, на кого укажут! И теперь мы убьем... Да, убьем. И я убью. Раньше бы не смог, а теперь могу. Мне страшно. Тебе нет? Хотя ты и так убийца... Прости! Я не хотел! Я имел в виду...

- Заткнись! Я не убийца! И я не хотел убивать! Но они не оставили нам другой возможности выжить! Это их вина! Это на них кровь, не на мне, не на вас! И будь они прокляты! Спи, надоел!

- Я еще немножко... Знаешь, я сейчас лежал и думал, а что будет дальше? Ну, вот выучимся мы, будем ездить на вороных конях, в красивой форме... Говорят, жалованье у Псов очень хорошее, они могут позволить себе купить очень многое, даже молоденьких рабынь! Ты бы хотел рабыню? Я никогда не был с женщиной... врал, что был - на посиделках. Но на самом деле не был. А с рабыней можно делать все, что захочешь.

- А если с тобой сделать все, что захочешь? Тогда как? Ты вообще понимаешь, что говоришь, дурак?

- Нет, нет, ты не понял! Я бы ее не обижал, а потом бы отпустил! А может, даже женился бы на ней! Просто я стесняюсь девушек, а с рабыней можно не стесняться! Ей прикажешь, она сделает! Тут все имеют рабынь! И рабов. Только у рабов нет рабов. Мне местные рассказали - если у горожанина нет раба, он считается нищим. Нельзя не иметь рабов!

- Мерзкий город... мерзкая страна! Мерзкие людишки!

- Скажи, а что ты чувствовал, когда убивал этих парней? Ой! За что? Больно!

- Чтобы не задавал дурацких вопросов! Спать! Быстро!

- Иду, иду...

- Скажи, а что ты чувствовал, когда убивал этих парней? Ой! За что? Больно!

- Чтобы не задавал дурацких вопросов! Спать! Быстро!

- Иду, иду...

Щенок лежал и думал о произошедшем. О словах Саргуса, разбередивших его душу. Правда, а что он чувствовал, когда убивал несчастных, вздрагивающих под его ударами? Стонущих. Плачущих. Какие мысли были в его голове?

Никаких. Совсем никаких. Он даже не понимал, почему вдруг помог Саргусу. Кто он ему, этот парень? Человек из прошлой жизни, неинтересный, ненужный, совсем никакой. Толку от него столько же, как от рукоятки сломанного ножа – держать можно, но резать...

Усмехнулся – давно ли стал думать о людях, как об инструментах? Прежний Адрус никогда бы не смог так рассуждать. Прежний Адрус верил в дружбу, в любовь, в то, что миром правит Правда. Оказалось – нет. Оказалось, миром правит Зло.

Боги? А нет никаких богов! Кроме бога Смерти. Только он силен, только он может управлять этим миром!

Может, бог Смерти сокрушил других богов? Почему они, эти боги, не помогают людям? Где богиня Любви? Где сам Создатель? Ведь если он допускает такое Зло, то он... или умер, или он сам – Зло!

Адрус вдруг так разволновался, что сел на кровати и обхватил голову руками. Создателя нет! Ничего нет! Потому эти люди так легко творят Зло! Их некому наказать!

А тогда как же другой мир? Как отец и мать? Он же видел их, разговаривал с ними! Не может быть, чтобы их не было! А может, ему все приснилось... может, и не было никаких отца и матери?!

У Адруса вдруг заболела голова – сильно, разламывающе. Боль билась в затылок, сверлила мозг, и Щенок зажмурился, пытаясь избавиться от нее, закрыться, спрятаться. Но не получалось, и тогда он уткнулся в подушку и засопел, пытаясь не застонать.

Внезапно боль утихла, стала слабее и, наконец, исчезла совсем. Адрус облегченно откинулся на подушку, вытер пот, подышал, успокаивая дыхание, и замер, пребывая в блаженной пустоте, как мыльный пузырь, надутый горячим воздухом мальчишеской груди.

Через несколько минут в голову пришла мысль: а что это вообще было? И почему все это случилось тогда, когда Адрус решил, что богов нет?

Его опять прошибло потом – он умудрился оскорбить богов! И самого главного Бога – Создателя! Того, кто создал все сущее в мире, в том числе и второстепенных богов! И они его наказали – послали знамение!

Адрус опять разволновался, до боли закусил губу, будто пытаясь откусить кусочек плоти, поразмыслил минуту и решил – на территории Школы есть храм Создателя, нужно будет обязательно туда сходить. Положить в чашку для подаяний ему пока нечего, но помолиться никто не запретит – Бог поймет, что у него ничего нет, а как деньги появятся, так сразу

принесет жертву. Хорошую жертву! Целый золотой! А может, и два.

Щенок никогда не держал в руках ни одного золотого. Откуда они возьмутся в глухой рыбацкой деревеньке? Серебро и медь – вот что зарабатывают рыбаки. И не особо много. А вот Псам... если верить Саргусу, платят совсем недурно – раз они могут себе позволить купить рабыню.

Адрус разозлился на Саргуса еще и потому, что с отвращением осознал – слова паренька о молоденькой, готовой на все рабыне нашли в нем живой отклик. Настолько живой, что... в общем – кровь прилила туда, куда надо. И в достаточном количестве.

И это плохо. Не то, что кровь прилила, – пареньку пятнадцать лет, о чем еще мечтать, как не о женской ласке? Нет, разозлился, что свободный рост так просто и легко принял условия игры мерзких завоевателей, и что он, Адрус, хоть и на миг, но все-таки представил себя владельцем красивой, податливой, умелой и безотказной рабыни...

Утвердившись в мысли посетить храм, Адрус со спокойной совестью закрыл глаза и быстро уснул, слыша сквозь дрему храп и сопение соратников, изрядно уменьшившихся числом.

Казарма спала. Парни постанывали во сне, дергались, шевелили руками и ногами. Им снилась кровь, лица друзей, которых рубили на части, а еще – спокойное, страшное лицо Вожака, демона в человеческом обличье, человека, который станет их кошмаром на протяжении ближайших трех лет.

* * *

- Подъем! Подъем! Подъем!

Голоса дежурных впивались в голову, будто злые змеи, терзая усталый разум. Вставать не хотелось, но тело будто бы без участия воли хозяина вскинулось и побрело к умывальнику, протирая на ходу глаза.

Щенок шел и не замечал, что вокруг него образовалось что-то вроде пузыря, в котором не было ни одного человека – парни старались не коснуться, обойти стороной, будто Адрус был болен дурной болезнью.

Отец рассказывал о таких людях, которые живут в городе, – боги наслали на них страшную болезнь, съедающую заживо. Кожа покрывалась нарывами, гнойниками, люди были живы, но все равно что мертвы, ничто не могло спасти их, не могли справиться даже лекари. Если только сильные маги, но они стоили больших денег, это не для бедных людей.

Так вот – все обходили страшных больных, стараясь не прикасаться к заразной плоти, не дышать одним с ними воздухом. Правила городов говорили о том, что такие больные должны надевать на себя длинные плащи с капюшонами, дабы не испортить нормальных людей. А самое страшное, что жить эти отверженные могли долгие, долгие годы...

Вот и Адрус сейчас походил на такого больного – не внешне, конечно, а отношением к нему соратников. Они будто боялись заразиться от него жестокостью, нечувствительностью к страданиям людей, зверством, которое парни увидели в этом внешне красивом, домашнем пареньке.

После вчерашней бойни лекари залечили все раны, что получили Щенки, в том числе и те, что образовались от порки. Адрус слегка недоумевал – зачем было лечить эти раны, разве не лучше, чтобы рубцы от плети напоминали нарушителю порядка о совершенном им

преступления? Потом понял – не нужно. Сам факт порки, унижительный, болезненный – это и есть наказание. Если тело Щенка изувечено – он не сможет его как следует тренировать, а значит, не будет подготовлен должным образом к своей основной задаче, службе Императору. Потому к сегодняшнему утру все Щенки были абсолютно здоровы, как можно быть здоровым в возрасте пятнадцати лет.

После умывания Щенков разделили на три звена. Адрус оказался в Третьем звене, как и ожидалось, вместе с Саргусом, который так и терся возле его плеча, как собака возле жестокого, но сильного хозяина, способного защитить ее от всей стаи.

Всегда были и есть люди, которые не могут жить сами по себе. Есть такие, кто обязательно должен вылезть в первые ряды, стать главным, подминать остальных, чувствуя, как становится еще сильнее, растапывая очередного ничтожного червя, посмевшего перейти дорогу Вожаку. А есть те, кого нужно вести, те, кто ищет вожака, который укажет, как нужно жить, который защитит, поможет, прикроет в случае опасности. И эти люди будут ему служить, пока не найдется другой вожак, более сильный, более злой, умелый, тот, кто победит старого вожака. И тогда ведомые будут идти за ним, слушаться его, служить ему, как прежде служили другому.

И таких людей в мире большинство, говорил отец Адруса. На них держится мир. И тут же добавлял: «А еще есть те, кто не желает подчиняться, те, кто может увлечь за собой, но которым не нужно для собственного величия унижать остальных. Они и так сильны. И эти люди всегда вызывают страх и злобу властителей, знающих о себе, что они не так сильны, как хотят казаться. Что если найдется смелый человек, который захочет их свергнуть – он это сделает. Потому что может. Потому что он на самом деле сильный!»

Мама тогда набросилась на отца с непонятными упреками в том, что он не тому учит парня, что Адрус начнет болтать, и тогда им не поздоровится, и вообще – надо меньше распространяться на эту тему – хватит им уже «сильных» людей и «злых властителей». Нужно спокойно жить и радоваться жизни, пока она есть.

Отец смущенно отмахивался, подмигивал Адрусу, тот подмигивал в ответ, совершенно не понимая, о чем идет речь. Взрослые такие странные, они иногда делают нечто такое, что совершенно не укладывается в представление ребенка о жизни, о том, как и что нужно делать. Например – почему нельзя есть сладкие пирожки перед соленой похлебкой, когда они все равно оказываются в животе и перемешиваются! И никак не портят аппетита, что бы там ни говорила пусть и умная, но странная мама!

Аппетит Адрусу, как оказалось, не может испортить ничего – ни кровь, ни убийства – он быстро позавтракал в столовой, не обращая внимания на косящихся соратников, съел дополнительно к поданному еще кусок мяса, который взял с раздачи (аппетит и вправду у него был просто-таки зверский, никогда утром так много не ел!).

Позавтракав, вышел наружу и встал у стены, дожидаясь, когда закончат завтрак остальные. Разглядывал плац, тренировочные площадки, смотрел на небо, лениво ковыряясь в зубах и зорко следя за тем, чтобы никто не учинил никакой пакости. Парни шептались, поглядывая на Адруса, но никто никаких враждебных действий не предпринимал.

Звенья построили вместе, затем разделили и повели к учебному корпусу, где завели в разные комнаты. Там стояли обычные столы, скамьи. Стена была обита шлифованными досками, покрашенными черной краской.

Адрус знал, что это такое, – школа, только удивился, что их сюда привели. После вчерашнего

испытания он ждал, что их тут же загонят на боевые тренировки, станут гонять, чтобы Шенки как можно быстрее обрели форму и начали превращаться в Псов, но... нет. Школа. Такая, какую Адрус видел в городе, когда отец однажды взял его с собой – нужно было купить сахара, соли. Заезжие купцы давно не появлялись, говорили, что боятся грабителей – дороги беспокойны, кланы воевали, а когда идет война, всегда находятся те, кто этим воспользуется.

Если в одном месте собирается много людей с оружием в руках и при этом есть медовуха или чего покрепче, то в конце концов несколько бездельников решают нажиться за чужой счет и начинают грабить. Кого-то вешают или рубят, кто-то успеваает сбежать, но дел они успевают натворить немало, до тех пор, пока их не поймают. Так вот, в городе отец заходил в школу, сказал, что ему нужно переговорить с одним человеком.

Оставив Адруса в коридоре, отец ушел, а мальчишка остался стоять у окна, поджидая, скучая, разглядывая двор, и чуть не упал, когда над ухом начал истошно звенеть колокольчик, сотрясаемый рукой мальчишки лет десяти, гордого от возложенной на него задачи.

После звонка из комнаты высыпала куча детей, едва не сбивших Адруса с ног, и он, с завистью заглянув в комнату, увидел черную стену, исчерканную непонятными символами, столы, скамьи, веселых галдящих детей, не обращающих на незнакомого деревенщину никакого внимания.

Адрус потом спросил у отца, почему в деревне нет школы и почему их семья не может переехать в город. Отец так ничего конкретного и не ответил, сказав, что когда-нибудь ему все расскажет – почему они не могут переехать. Пояснил, что в деревне школы быть не может – никто не согласится учить детей рыбаков и охотников, живя в глуши, работая за жалкие медяки – ведь никаких других денег учитель здесь не получит. А еще сказал, что попозже обучит Адруса чтению и письму – попозже, как время будет.

Времени все не было, впрочем, Адрус не особенно и переживал из-за того, что не умеет читать или писать. В деревне практически не было грамотных людей, и не только детей, но и взрослых. Что читать-то? Книг нет, свитков нет, да и зачем они? Мать тоже не учила Адруса грамоте, и в этом тоже было что-то странное. Она как-то вскользь заметила, что грамота нужна только в городах, а в городах живет только Зло, и лучше туда не попадать.

Адрус не был с ней согласен – никакого Зла в городе он не заметил. Люди, как люди – бегут, спешат. Куда? Демон их знает. В деревне никогда никто так не торопился. В деревне все в свой срок, и каждый знает, что делать и когда, поэтому и торопиться не нужно.

Отец с матерью как-то со смехом сказали, что после суетливого города в деревне они просто отдыхают.

Так что остался он неграмотным и, в общем-то, не особо об этом сожалел. Читать умел, и ладно. Мама научила. А письму не научила. Не успела...

Все расселись по скамьям, Звеньевой вышел вперед, к стене, и негромко спросил, оглядывая зал:

- Грамотные есть? Если есть – поднимите руку.

Не поднялась ни одна рука. Тридцать с лишним человек, и ни одного грамотного.

- Понятно... – кивнул Звеньевой и указал рукой на человека, вышедшего откуда-то сбоку, из небольшой двери в стене. – Это ваш учитель. Он научит вас письму, чтению, счету. Вы будете

изучать географию, историю мира, историю войн. Каждый из Псов должен быть грамотным, уметь вести себя в обществе. Позже вас начнет обучать манерам специальный учитель. Вы не просто бойцы, вы – лучшие из лучших, охрана престола, опора трона! И без грамоты, без истории вы не можете полноценно защищать нашего Императора. Вот так. Вопросы есть? Если хотите задать вопрос – поднимайте руку. Те, кто будет вскакивать с места, нарушать дисциплину, получают плетей. Итак, вопросы есть?

- Есть! – Парень с левого края, конопатый, широколицый, вытянул руку вверх, растопырив пальцы, будто хотел выхватить из воздуха что-то невидимое.

- Говори! – позволил Звеньевой. – Когда спрашиваешь, нужно вставать. Вот так. Ну?

- А зачем нам история, господин Звеньевой? Как она поможет нам быть бойцами? Или как грамота поможет лучше защищать трон? Я не понимаю! Я думал, мы должны хорошо драться!

- Представь, что тебе передали записку, в которой указали какие-то тайные сведения, которые нельзя доверить чужим ушам. И как ты их прочитаешь, если неграмотен? География – ну, тут понятно всем. Или не всем? Как путешествовать, не зная, куда ты едешь? Нанять проводника? А если он враг и заведет непонятно куда? История? Представьте, что вы командуете каким-то воинским подразделением Корпуса Псов, ваш враг знает историю, знает, какие битвы были в прошлом, его этому учили. И он построил свое войско так, как победитель в некоем сражении! А вы пошли и угодили прямоком в ловушку! И погибли! Но плевать, если только вы погибли, так вы же еще погубите массу народа! Понятно?

- А зачем нам история, господин Звеньевой? Как она поможет нам быть бойцами? Или как грамота поможет лучше защищать трон? Я не понимаю! Я думал, мы должны хорошо драться!

- Представь, что тебе передали записку, в которой указали какие-то тайные сведения, которые нельзя доверить чужим ушам. И как ты их прочитаешь, если неграмотен? География – ну, тут понятно всем. Или не всем? Как путешествовать, не зная, куда ты едешь? Нанять проводника? А если он враг и заведет непонятно куда? История? Представьте, что вы командуете каким-то воинским подразделением Корпуса Псов, ваш враг знает историю, знает, какие битвы были в прошлом, его этому учили. И он построил свое войско так, как победитель в некоем сражении! А вы пошли и угодили прямоком в ловушку! И погибли! Но плевать, если только вы погибли, так вы же еще погубите массу народа! Понятно?

- Понятно, господин Звеньевой! – неуверенно кивнул парнишка и тут же спросил: – А когда нас будут учить боевым искусствам? Или мы только и будем, что учить географию?

- Не беспокойся, – криво усмехнулся командир. – Чего-чего, а этих занятий у вас будет более чем достаточно. И не все доживут до конца обучения. Вот что еще, вчера вы прошли Изменение. Каждый день вы будете прибавлять в силе, в скорости, чтобы в конце концов достичь пика своих возможностей. У каждого свой потолок результатов. Из лучших будут сформированы отдельные группы. Какие? Потом узнаете. Сейчас это вам ни к чему. Вначале пройдете общий курс обучения. Те, кто покажет выдающиеся результаты, – будут получать награду. Какую – это может быть все, что угодно, от денег до посещения, например, борделя.

Щенки заулыбались, зашептались, захихикали.

- Тихо, тихо! Вам еще до борделя, как до столицы раком! Небось, голую женщину видели только на купании, когда подглядывали из-за кустов! Хватит ржать, как ездовые лошади, серьезнее! Сразу говорю: жалоба учителя – плети! Нарушение дисциплины – плети! Украли – плети, и на крест!

- Можно спросить! - Адрус покосился влево, услышав знакомый голос, и нахмурился.

«Дегер»...

- Спрашивай, - вздохнул Звенъевой, задумчиво глядя в окно.

- А что будет, если кто-то из нас случайно убьет в учебном поединке? Не рассчитает и убьет?

В комнате притихли, будто этот вопрос был почему-то очень важен всем присутствующим. Стало совсем тихо, только шуршание бумаг, перебираемых учителем, жужжание мухи, бьющейся в витражное окно, выкрики бойцов, занимающихся на тренировочных площадках.

Тишина продолжалась секунд пять. Потом Звенъевой задумчиво, с интересом посмотрел на вопрошающего, ухмыльнулся уголком рта и, усевшись на край стола, начал:

- Вот что я вам скажу, Щенки. У многих из вас есть свои враги. Я имею в виду из числа тех, кто находится в этой комнате, или в этой Школе. Вы уже знаете, что нападение на командиров равнозначно государственной измене, карается страшно и без сомнений. Обычно за это преступление следует смертная казнь. Если только Вожак, или сам Император не сочтут, что наказание может быть иным. Теперь об отношениях между равными. Все парни дерутся, это понятно. На то они и парни. Но! Если драка заканчивается смертью одного из дерущихся, то ее виновник, зачинщик, может быть подвергнут такому же наказанию, как за нападение на командира - по усмотрению Вожака. Мы не для того вас здесь собрали, чтобы вы убивали друг друга для собственного удовольствия. Убийство - это такое дело, которое может быть совершено только по приказу командира, Императора, или для защиты своей жизни - если только убитый не член Императорской семьи. Император и его семья имеют право сделать с вами все, что угодно, вы не можете и пальцем их тронуть. Не забывайте, вы - рабы Императора. Вы принадлежите ему! Вы делаете все, что он скажет, и с вами сделают все, что он пожелает. Это закон!

Звенъевой помолчал пару секунд, собираясь с мыслями, и продолжил:

- Теперь что касается учебных поединков. Да, в учебных схватках бывает все, и нередко партнеры получают такие удары, которые могут привести к увечью и даже гибели. Но для того у нас и есть лекари, и даже лекарь-маг высшего разряда, мастер Дондокс, который может вылечить все... кроме смерти. Все поединки приближены к реальности, и после обучения вас обязательно будут ставить друг с другом в бою, чтобы проверить ваше умение. И вы будете драться в полную силу - вначале деревянными мечами, потом стальными, затупленными. Всем оружием, которое есть в Империи. За исключением камнеметов - этого мы вам не дадим.

Щенки вначале не поняли, потом начали радостно смеяться - Звенъевой шутит!

- Тихо, тихо! Нельзя добивать раненого, особенно если схватка уже остановлена учителем, остальное - все можно. И кстати сказать, простая драка между учащимися, особенно в ненадлежащих местах, не поощряется и наказуема. Есть желание с кем-то подраться - заявляешь командиру, и тебя сводят с твоим противником на тренировочной площадке. Деритесь, если есть такое желание. Но - согласно правилам Школы.

- То есть если я кого-нибудь убью в поединке, мне за это ничего не будет? - настаивал на своем вопросе Дегер.

- Как твое имя, Щенок? - нахмурился Звенъевой.

- Дегер, Звенъевой!

- Ты откуда-то с юга, судя по имени. Так вот, Дегер, если тебя поймаем за какими-то незаконными деяниями, если ты попытаешься нарушить правила - пострадаешь. Действуешь в пределах правил - никто тебя не тронет. Даже если ты убьешь. Понятно?

- Понятно, господин Звенъевой!

- Не надо «господ». Бросайте свои рабские привычки. Вы рабы только Императора и служите только ему. Для остальных вы - его слуги, его опора. Выжимайте из себя раба - по капле, по кусочку! Чем раньше это сделаете, тем лучше! Еще раз запомните: Псы - лучшие бойцы, каких знает мир! Вы будете такими. Ладно, хватит, заговорился я тут с вами. Представляю - учитель Вонгас Самдурс. Он научит вас грамоте, письму, счету - если кто не умеет считать. Ну и всему, что вам нужно знать. До обеда вы занимаетесь с ним, после обеда - на тренировки. Итак, поздравляю, Щенки, все началось!

Звенъевой улыбнулся как можно радушнее, отчего стал выглядеть, как волк, решивший успокоить овцу перед съедением. И он знал это, в долю секунды сбросил с себя маску добряка и широкими шагами вышел из комнаты, не глядя на остающихся в ней новоиспеченных учеников. Впрочем, его присутствие ощущалось и после того, как Звенъевой вышел, власть просто перетекла на тщедушного человечка лет пятидесяти, с лицом, поросшим плотной седой бородой, торчащей вперед, как лезвие лопаты.

Учитель осмотрел учащихся пристальным взглядом, вздохнул и пожал плечами.

- Ну что же... командир вам все разъяснил, будем учиться. Вернее, вы будете учиться, а я учить. Надеюсь, что у нас не возникнет никаких разногласий на тему: «Мне это не надо, потому я не буду это учить!» Не забывайте слова Звенъевого, замечу - он человек жесткий, и если сказал - сделает. И сделает так, что нарушитель навсегда запомнит этот урок. Итак, Третье звено Третьей стаи, сегодня мы начнем с алфавита. Я раздам листки, буду рисовать на стене буквы и называть их. Вы будете за мной повторять хором, а потом каждый в отдельности. К завтрашнему дню вы должны выучить все эти буквы. Тот, кто не выучит, - получит плетей! Тот, кто потеряет, испортит листок - получит плетей!

- Ну что же... командир вам все разъяснил, будем учиться. Вернее, вы будете учиться, а я учить. Надеюсь, что у нас не возникнет никаких разногласий на тему: «Мне это не надо, потому я не буду это учить!» Не забывайте слова Звенъевого, замечу - он человек жесткий, и если сказал - сделает. И сделает так, что нарушитель навсегда запомнит этот урок. Итак, Третье звено Третьей стаи, сегодня мы начнем с алфавита. Я раздам листки, буду рисовать на стене буквы и называть их. Вы будете за мной повторять хором, а потом каждый в отдельности. К завтрашнему дню вы должны выучить все эти буквы. Тот, кто не выучит, - получит плетей! Тот, кто потеряет, испортит листок - получит плетей!

- Есть хоть что-то, за что мы не получим плетей? - пробормотал кто-то справа, и учитель тут же откликнулся, обнаружив острый, как у собаки, слух:

- Есть! Но не в этой школе. И не в этой жизни, наверное. Когда-нибудь вы возродитесь снова, в новом теле. По крайней мере, так говорят некоторые ученые богословы. И вот тогда у вас будет, наверное, другая жизнь. Но пока что - такая. И я вам скажу - не самая плохая! Вы молоды, сильны, у вас хорошее будущее - подумайте об этом! Ваши сверстники, возможно, сейчас работают в угольных шахтах, добывают руду в подземных разработках, такие живут не более трех-пяти лет. Мрут, как мухи под тапком служанки. Вы же будете получать хорошую

плату за свою службу. Плату больше, чем у свободных людей! Потому не нужно ныть, надо делать то, что вам говорят. И тогда все будет хорошо. Итак – ты, да, именно ты – подойди, возьми листки и раздай их всем ученикам. Вот так... да. Готово! Итак, первая буква алфавита...

* * *

– Соль есть? Ага! Там закончилась! – Саргус сунул пальцы в солонку, захватил щепотку белого порошка и с наслаждением присолил кусок лепешки. – Все-таки хорошо здесь кормят, правда?

– Как на убой! – откликнулся мрачный парень справа от Щенка, один из тех, кто в камере выступил в защиту Адруса. – Откормят как следует и сожрут.

– Лебель, ты, как всегда, мрачный! Ты чего такой мрачный? Жрать есть чего, пить есть чего, надеть есть чего, крыша над головой имеется – чего еще надо? – откликнулся парень из зануссов, сидящий напротив спросившего. – Лично я доволен!

– Вчера тоже был доволен, когда резал нос своему другу? – так же мрачно осведомился Лебель. – А он-то как был доволен... Не забыл тебя поблагодарить?

– Вот умеешь ты испортить настроение! – занусс на мгновение замер, затем продолжил вытирать чашку куском лепешки. – Им не повезло, да! А нам повезло! И теперь мы будем жить, иметь, что хотим! И всегда сыты!

– Я и дома был сыт, – снова буркнул Лебель. – У нас все было. У меня были родители и сестры. Родителей теперь нет, сестры ублажают проклятых зануссов! Это ты потомственный раб, ты не видел хорошей жизни! А я свободный человек... был. Так что заткни свою пасть и жри, рабская шкура!

– Сам рабская шкура! – нахмурился занусс. – Империя теперь и твой дом. Ты должен ее любить и охранять. А твои сестренки будут ублажать зануссов – почему бы и нет? Так и должно быть! Хорошенькие? Может, когда-нибудь и я их...

Бах!

Чашка с недоеденной кашей врезалась в лицо занусса, рост перепрыгнул через стол и хуком справа добавил неприятелю в ухо так, что тот слетел со скамьи, задрав ноги. Парень схватил его за горло и начал бить об пол так, что через два удара глаза занусса закатились, и он обмяк, будто мертвый.

Налетели двое дежурных из недопесков, роста оторвали от жертвы, отбросили в сторону и начали оживлять лежащего на полу бесчувственного занусса. Через минуту тот закашлялся, покраснел, выбрасывая из глотки попавшие в нее кусочки пищи, потом сел, опираясь спиной на скамью. Неслышно шагая, как зверь на мохнатых лапах, откуда-то сзади появился командир Третьей стаи, осмотрел участников потасовки застывшим холодным взглядом и медленно, с расстановкой, спросил:

– Что здесь произошло и кто зачинщик? Ты! – Он указал на «жертву»: – Отвечай! Кто и за что тебя избил?

– Вот он! – Занусс с ненавистью посмотрел на Лебеля. – Сказал, что нас кормят на убой и что я рабская шкура! И что он ненавидит Империю, которая сделала его рабом! А когда я сказал, что мне тут хорошо, что я доволен – стал меня бить!

- Он врет! - вмешался Саргус. - Врет, скотина! Не так все было! Не так!

- Ничего я не вру! - осмелел парень. - А ты его приятель, я видел, как вы с ним шептались! Может, вы вообще любовники, откуда я знаю! Все так и есть, как я сказал! Не верь ему!

Третий внимательно осмотрел место происшествия, посмотрел на избитого, на роста, потиравшего окровавленный кулак со сбитыми костяшками. Оказывается, он успел врезать своему противнику и по зубам. И тут взгляд командира зацепился за Адруса, спокойно доедавшего свою порцию и не обращающего внимания на поднявшуюся суматоху. Тому было плевать, что вокруг встала толпа любопытных, наплевать на то, что подошел сам Третий - Щенок был занят своей кормежкой, и если никто не посягал на его пищу, ему было безразлично то, что вокруг творится. Это отражалось на его бесстрастном лице.

- Ты! Скажешь, что здесь произошло! - Третий указал на Адруса, уткнувшегося взглядом в столешницу и все-таки не уберегшегося от внимания начальства. - Я слушаю!

Щенок замер, медленно поднял взгляд на Третьего, и Пес вдруг нахмурился - ему показалось, что парень сейчас метнет в него тарелку с недоеденной кашей. Командир сморгнул, ощущение опасности исчезло, но тревога осталась. Этот парнишка ему не нравился. Совсем. Он слишком отличался от остальной массы учеников, а то, что непонятно, вызывает недоверие и страх. Страх Пес испытывать уже разучился, а вот неприязнь - это да. Чутье старого вояки говорило, что от этого парня можно ждать чего угодно. От подвига до страшного преступления, о котором будут говорить годами. Из таких получаются великие полководцы и самые жестокие разбойники.

- Так я жду! - резко бросил Третий, заиграв желваками на узких скулах. - Говори!

- Этот, - Щенок указал на пострадавшего, - сказал, что сестры вон того должны обслуживать подданных Империи. Тот бросил в него чашку, потом начал его бить. Все.

- Он говорил что-то о том, что ненавидит Императора? - прищурился Третий. - О том, что ненавидит Империю?

- Нет. Такого не говорил, - коротко ответил Щенок, каменея лицом. - Это ложь.

- Он не мог такого сказать! - вмешался Саргус. - Мы же прошли Ритуал! Для нас Император превыше всего! Он просто не мог сказать такие слова, ты же знаешь!

- Тебя я не спрашивал, - холодно заметил Третий. - Два удара плетью! Тебе - за нападение в столовой - пять ударов плетью. Тебе - за ложь командиру - десять ударов! Тебе - за правдивое изложение обстоятельств происшествия - благодарность и... - Третий залез в карман и достал тяжелую серебряную монету. - Вот!

Монета глухо стукнулась о стол перед Адрусом, и Щенок замер, глядя на нее, как на внезапно появившуюся лесную змею - того и гляди укусит!

Третий подал команду дежурным, они подхватили провинившихся и вытолкали их прочь. Буквально через три-пять минут до столовой донеслись громкие шлепки плетей о тело, вскрики и стоны.

- Продажная тварь! - прошипели откуда-то со стороны, но Щенок не обратил внимания на злобное шипение, отнес пустую чашку к мойке и, не глядя на стол, где осталась лежать монета, вышел из столовой.

На обеденный отдых им теперь давали час. Это было самое жаркое время суток. От нагретой поверхности плаца поднимались горячие струи воздуха, и казалось, что на мостовой разлиты большие лужи воды. Сияло солнце, горячий ветерок шевелил волосы, спадающие на плечи – хорошо! На минуту можно было забыть, что ты раб и что свою судьбу выбираешь не сам. На минуту...

Щенок еще не был переодет для физических упражнений – как обычно, на нем были штаны, рубаха, высокие башмаки, однако он не чувствовал жары. Тело после Изменения вообще вело себя довольно странно. Например, Адрус стал больше есть. Он всегда любил хорошенько перекусить, но все-таки не так, как сейчас. Съесть две огромные чашки с кашей, в которую напичкали куски мяса, да еще половинку лепешки – в жизни бы столько не съел, будучи простым домашним ребенком! Сейчас Адрус ел как взрослый лесоруб после целого дня тяжелой работы. И это ведь пока что без больших физических нагрузок, обещанных «добрым» Звеньевым. А что будет, когда он начнет скакать по площадке как недопески и полупсы? С такой, как у них, физической нагрузкой он должен жрать как свинья! И скорее всего, так и будет.

Поразмыслив, Щенок пришел к выводу, что такой аппетит может быть из-за того, что за время «путешествия» в трюме он получал мало еды и сильно похудел. То есть его тело сейчас пытается восстановиться после недоедания. Вот наестся как следует, и перестанет жрать. А пока что глупо отказываться от того, что само плывет в руки. Или, скорее, в желудок.

Размышления нарушил парень, тоже из ростов, и тоже один из тех, кто вступился за Адруса в камере темницы. Он встал рядом, опершись, как и Щенок, спиной на стену столовой и, протянув раскрытую ладонь, негромко сказал:

- Возьми. Твоя.

На ладони лежала тяжелая, крупная серебряная монета с профилем того, кого Щенок ненавидел так же, как и рабовладельцев, утащивших его на корабль. Император. Самый главный рабовладелец в мире!

Щенок смотрел на монету и запоминал ненавистные черты, чтобы никогда не забыть, чтобы узнать, даже если тот переоденется в женскую одежду и спрячется, чтобы сбежать, укрыться от справедливого возмездия. Ведь когда-нибудь оно его настигнет! Обязательно настигнет! Ведь не может же быть так, чтобы отец и мать Адруса умерли, а эта тварь осталась жить?!

Адрус коротко кивнул, взял монету и сунул ее в карман штанов. Деньги его не интересовали, но это был портрет, рисунок, по которому можно узнать врага. Так почему бы и не взять? В любом случае – всегда можно выкинуть монету в сортир, в дерьмо, утопить Императора в нечистотах!

Щенку внезапно стало смешно от этой мысли, и он слегка улыбнулся уголками рта. Парнишка-рост, что принес монету, почему-то решил, что Адрус улыбается ему, тоже улыбнулся и сказал:

- Спасибо, что выручил нашего! Я им всегда говорил – ты хороший парень, только немного злой, но зато справедливый! Ты не переживай, не все тебя ненавидят! Нужно держаться вместе, и тогда все будет хорошо!

- Я сказал правду, – холодно бросил Щенок, пожав плечами на слова собеседника. – Если бы Лебель напал на этого типа просто так – я бы так и сказал. Я не собираюсь врать и кого-либо выгораживать. Зачем мне это?

- Действительно, зачем тебе это? - с непонятной интонацией повторил парень, отвернулся, постоял еще немного, потом тихо пошел к казарме. Адрус проводил его взглядом, усмехнулся и тихо буркнул под нос:

- Мне никто не нужен. Я не смирился. Я не раб! И никогда им не буду. А вы рабы.

Недовольный сам собой, Щенок побрел следом за парнем. Нужно было переодеться перед занятиями. Вернее, раздеться, потому что приказано остаться только в набедренной повязке и сандалиях.

* * *

- Я мастер Хангос. Так и будете меня звать. На ближайшее время я ваш хозяин. Буду учить вас биться без оружия. Именно биться, а не драться - деретесь вы, когда желаете отомстить обидчику за неосторожно сказанные слова. Я же буду учить вас убивать голыми руками. Видите то здание? Это лекарская. Там дежурят три лекаря, но вы можете не успеть до них дожить. Потому слушайте мои приказы, выполняйте то, что я вам скажу. И еще - все, что я вам показываю, все, чему вы научитесь, - это знание не для свободного хождения в народе. Если станет известно, что вы обучаете людей со стороны приемам боя Псов - последует наказание, вплоть до смерти. Вы должны это помнить. Я научу вас, как рукой разбивать кирпичи, как ломать шею и руки, научу, как ударом останавливать сердце. Научу всему, что нужно Псу, чтобы защитить своего Императора. Вопросы есть?

- Есть, мастер Хангос! Щенок Эгос! Зачем нам учиться бою без оружия, когда у нас всегда оно есть? То есть будет! Ведь Псы не ходят без мечей, без кинжалов, а еще, я слышал, у них всякие штучки вроде метательных звездочек - зачем драться голыми руками?

- Хороший вопрос! - Мастер усмехнулся и довольно кивнул головой. - Действительно, зачем? Так вот - знаете, как у нас говорят? Пес без меча, это то же самое что Пес с мечом, только без меча. Не поняли? Вы сами должны быть оружием. Не всегда меч рядом. Не всегда вы можете им воспользоваться. Представьте себе - вы голые, моетесь, и вдруг - врывается враг. Вооруженный мечом, кинжалом - всем, чем угодно! И что вы будете делать? Крикнете - подожди, сейчас я за мечом сбегаю?! Учтите - во время бунтов, заговоров первые, кого убивают, - это Псы. Потому что знают - они не дадут пасть Императору, пока жив хоть один! Чтобы добраться до него, нужно пройти через Псов - и я хочу, чтобы сделать это было как можно сложнее. Кроме того, многие из ударов, которым я вас научу, схожи с ударами, которые наносятся вооруженной рукой. Не зря я вам привел эту поговорку! Скоро мастер-оружейник начнет вас обучать приемам фехтования, владению всеми возможными видами оружия, даже теми, которых нет ни у кого, кроме нас. Тех, кто покажет выдающиеся успехи, мы отберем в специальную группу, где их будут обучать особым приемам, необходимым лазутчикам и тайным убийцам. Остальные ограничатся тем общим курсом, который мы дадим. Попасть в группу лазутчиков почетно, и... выгодно. Лазутчики получают жалованье вдвое большее, чем обычный Пес.

- И погибают вдвое чаще... - пробормотал кто-то в строю, и мастер, услышав, поморщился, но ответил:

- Да, чаще! Но разве не почетно умереть за Императора? Разве его интересы не превыше всего? Ну да ладно - это и так ясно. Итак, к делу: среди вас есть те, кто изучал боевые искусства? Или хотя бы кулачный бой, какой в ходу у простолюдинов?

- У нас есть тот, кто побил лучшего бойца Школы!

Из строя вышел Дегер, замер, продолжив:

- Мастер Хангос! Если простой Щенок может побить вашего лучшего бойца, зачем тогда обучаться рукопашному бою?

- Как твое имя, дерзкий Щенок? - нахмурился мастер. - Это ты, что ли, побил лучшего ученика Школы?

- Щенок Дегер, мастер Хангос! Простите, мастер Хангос! Но это не я! У нас есть некий Адрус, его еще называют Зверенышем, так вот он побил лучшего ученика Школы, ничему не обучаясь!

- Я слышал об этой истории, хотя сам не видел, - задумался мастер, глядя в лицо вытанувшегося перед ним парня. - Я не верю, что необученный ученик мог победить мастера. Значит, дело было в чем-то другом, например - бойцу дали приказ не убивать и не калечить. Притом, как я знаю, ему не дали закончить бой. Если бы поединок продлился чуть дольше - участь твоего Адруса была бы предрешена.

- Я то же самое сказал, мастер Хангос! Боец ему поддался! И никакой этот Адрус не сильный боец, так - болтун и жалкий червяк!

- Это не червяк ли вырвал тебе щеку? - шепнули из второго ряда. - То-то ты вопил, как будто тебя режут!

- Это была случайность! - нахмурился Дегер. - Он подло напал, когда я не ожидал! А если бы я был готов - надрал бы ему задницу!

- Если бы да кабы... болтун! - снова шепнул парень.

Покосившись, Адрус узнал Лебеля, стоявшего в двух шагах от него. Это он доставал Дегера своими высказываниями.

- Хмм... я вижу, у тебя какая-то личная вражда к тому парню, так? - снова усмехнулся мастер. - Может быть, ты хочешь показать всем, что дерешься лучше, чем твой... хмм... приятель?

- Попался! - торжествующе шепнул Лебель.

- Нет, мастер. Мне бы очень хотелось посмотреть, как ты накажешь самонадеянного болтуна, который говорит, что бойцы Школы ничего не стоят, что любой рост может оторвать им руки и ноги и выбросить на помойку!

- Лживая тварь! Трус! - шепнул Лебель, сокрушенно помотав головой. - Вот ведь гаденыш!

- Он так говорит? - удивился мастер. - На самом деле? Покажите мне этого великого бойца, что за чудо такое появилось в наших рядах?!

Строй расступился, парни отошли от Адруса, а он остался стоять на месте, бесстрастно глядя в лицо мастеру, остановившемуся напротив него. Щенку не было страшно. Что будет, то и будет! Если боги решили, что Адрус должен пожить подольше и отомстить за гибель родителей, значит, так и будет. Если погибнет - скорее увидится с мамой и отцом, что тоже совсем неплохо. Скорее - хорошо. Только жаль, что не выполнит обещанное... Кому обещанное? Да самому себе! Ведь мужчина должен держать слово - так говорил отец, а он никогда не бросал

слова на ветер.

- Так вот ты какой, Звереныш?

Мастер критически осмотрел мальчишку, отметил, что плечи у парня довольно крепки, сложен очень пропорционально. Длинные, эластичные мускулы не были крупными, но для бойца излишняя мясистость как раз не очень хороша. Скорость теряется. Крупные люди двигаются медленнее, чем худые и жилистые, потому среди Псов не бывает толстяков или громил. Лишние мускулы не благо, а проклятие – попробуй-ка, одолей подготовленного человека, обладающего смертоносными умениями, в которого притом невозможно попасть! Отметил мастер и взгляд мальчишки – внимательный, спокойный, как у зверя, определяющего силу предположительного противника. Взгляд бойца, но не мальчишки. Другой бы сейчас на его месте стал жаться, краснеть, бледнеть, волноваться, выдал бы свой страх – не движениями, так выражением лица, но этот... этот просто стоял и смотрел, и было ясно – он готов ко всему. И вернуться в строй, и умереть, если понадобится.

А пуще всего – убить. Это был прирожденный маленький убийца, мастер знал такой взгляд. Такой человек не бросает угроз на ветер, он просто молча убивает, не раздумывая ни мгновения.

Таким был мастер специальных умений, тайного изощренного убийства, тренирующий лазутчиков. Его побаивались даже преподаватели. Говорили, что он владеет магией – нехорошей, запретной, наносящей вред человеку. Поговаривали, что его время от времени используют, чтобы убирать злостных противников Императора – не всех можно отдать под суд по сфабрикованному или даже реальному обвинению – некоторые вельможи обладают влиянием, сравнимым с влиянием Императора, и если отрубить этому знатному дворянину голову – поднимутся многочисленные родственники, и будет война.

А вот если у такого человека внезапно остановится сердце, когда он проходит через толпу дворян, если он умрет от непонятной болезни – разве Император в этом виноват? Рука богов! И никак иначе. И никто не знает, что есть такой человек, который способен убить одним прикосновением в определенную точку тела, легким хлопком, от которого откажет печень или остановится сердце.

«Удар отсроченной смерти» – это не всем доступно. Это отрицается и замалчивается. И это знали немногие.

Мастер Хангос знал. Мастером Смерти был его родной брат Мангус, именно он занимался обучением группы лазутчиков-убийц. Тридцать с лишним лет назад они вместе попали в рабство, так же – с Северного материка. Брат оказался более способным, чем Хангос, и его обучили специальным искусствам, Хангоса – нет. Впрочем, он и не жалел – быть тайным убийцей, палачом никогда не было заветной мечтой этого человека. Его устраивало нынешнее положение вещей.

- Ты говорил, что обучение единоборствам в нашей Школе никуда не годится? – Мастер прищурился, будто выбирая точку на теле парня, в которую направит смертельную стрелу. – Говори, не бойся!

- Я и не боюсь, – пожал плечами Звереныш, и Хангос понял – точно, не боится!

- Так ты говорил такие слова?

- Нет.

- Почему же он так сказал?
- Потому что он лживое грязное животное! – отрезал Адрус, не глядя на недруга, покрасневшего, как вареный рак.
- Вот как? Скажи, а ты мог бы его победить? – рассеянно спросил мастер.
- Мог бы. И уже побеждал. Потому он весь изошел на дерьмо. Он ничтожество, и таким ничтожеством останется навсегда.
- Ты тварь! – не выдержал Дегер и тут же осекся под взглядом мастера. – А чего он?
- А ты чего? – усмехнулся Хангос. – Получается, ты мне лгал? Хмм... твои слова против его слов. Никто подтвердить не может. Говорит, что побьет тебя и, как я слышал, уже побил. Щека – его работа? Вижу – его. Вот что, парни... сейчас я проведу бой со Зверенышем, а вы посмотрите и потом расскажете, что видели, что это такое было. Адрус, можешь бить в полную силу. Но учти – я тоже не буду сдерживать силу ударов, так что могу попортить твою красивую мордашку.
- Ты тварь! – не выдержал Дегер и тут же осекся под взглядом мастера. – А чего он?
- А ты чего? – усмехнулся Хангос. – Получается, ты мне лгал? Хмм... твои слова против его слов. Никто подтвердить не может. Говорит, что побьет тебя и, как я слышал, уже побил. Щека – его работа? Вижу – его. Вот что, парни... сейчас я проведу бой со Зверенышем, а вы посмотрите и потом расскажете, что видели, что это такое было. Адрус, можешь бить в полную силу. Но учти – я тоже не буду сдерживать силу ударов, так что могу попортить твою красивую мордашку.
- Я бы ему еще и не так попортил! И не только мордашку! – прошипел Дегер и был окинут холодным, неприязненным взглядом мастера.
- Встань в строй! Если у тебя не хватило духа, чтобы с ним сразиться, тогда заткнись и не твякай. Впрочем, ты Щенок, только мнишь себя псом. Молчать, я сказал! Две плети по окончании занятия. Еще кто-нибудь откроет пасть без разрешения – тоже плетей! Звереныш – на площадку!
- Мастер легко повернулся, пружинистым шагом прошел к середине ровной прямоугольной площадки, посыпанной чистым песком, остановился и замер, поджидая противника. Потом принял какую-то странную позу, подняв руки и согнув их над головой. В строю кто-то хихикнул:
- Смешно! Глянь, как стоит!
- Дурак! Это боевая стойка! «Танцор» называется!
- Ты-то откуда знаешь? – прошипел тот же голос и получил ответ:
- Только ты небось и не знаешь, идиот! Смотреть надо на занятия, тогда и узнаешь! Тебе бы только пожрать!

Адрус уже не слышал этих разговоров. Он шел вперед, к мастеру, зная, что сейчас получит приличную трепку. Он не мог ее не получить, ведь Щенок ничего не знал, ничего не умел и побеждал только за счет своей ярости, а еще потому, что превращался в нелюдя, теряя

человеческие черты.

- Нападай! - мастер поманил Адруса пальцами, одобряюще кивнув головой. - Давай, давай!

Адрус неловко замахнулся и попытался ударить Хангоса, легко отразившего удар ладонью. Щенок попал в пустоту, потерял равновесие и едва не упал.

- Хмм... мда. Слабовато, - хмыкнул мастер. - Давай еще! Почаще, сериями бей, ногами, руками - как можешь! Ну, бей!

Адрус прыгал по площадке, пытался достать верткого, как змей, мастера, и никак не мог попасть! Тот уводил удары Щенка легкими, быстрыми, почти незаметными движениями, отступал, блокировал удары, и Адрус ничего не мог поделать! Совсем ничего!

Он сам удивился - почему не может достать? Почему не становится Зверенышем, для которого нет большего удовольствия, чем убийство? И тут же понял - мастер ничего ему не сделал. Не оскорбил, не ударил, не выразил желания убить. Он не стал врагом! А раз не стал врагом - зачем его убивать? А раз нет необходимости убивать - как стать зверем? Для чего?

- Да, ты быстр, - неожиданно сказал мастер. - Но не настолько быстр, чтобы на самом деле победить мастера боя. Потому странно, что о тебе говорят такие вещи!

- Ему надо разозлиться! - сдавленно крикнул Саргус и тут же сделал вид, что ничего не говорил, невинно опустив взгляд к земле.

- Ах, вот как! Понятно! - задумчиво кивнул мастер, легко уходя от очередного выпада вспотевшего равнодушного Адруса. - Нужно подразнить зверя, чтобы он выскочил из берлоги! Ну что же, так тому и быть!

Мастер сделал мгновенный выпад, погрузил в живот Щенку сложенную лодочкой руку, и когда тот выдохнул, согнулся, стал хватать воздух широко раскрытым ртом, покраснев как рак, - ладонью ударил Щенка по лицу - хлестко, сильно, выбивая слезы и сопли, разбивая губы в кровь!

- Жалкая тварь! Проклятый раб! Ты возомнил себя равным мастерам?! В грязь, червь, тут и лежи, тварь поганая! - Хангос поставил ногу на шею свалившегося на землю Адруса и с видимым наслаждением нажал, вдавливая лицо мальчишки в песок, размазывая его, как плевок по грязной мостовой. - Тут тебе и место, ничтожество! Рост проклятый! Гнида! Мерзкая вша!

Мастер на долю секунды забылся, увлеченный попирианием противника, и не сразу понял, как оказался в воздухе, взлетев, как подброшенный камень! Парень просто, без изысков и выкрутасов схватил его за ногу и рванул вверх с такой нечеловеческой силой, что Хангоса подбросило вверх, будто из катапульты!

Мастер приземлился на ноги, как дворовый кот, и едва уклонился от рычащего сгустка ненависти, рванувшегося к обидчику с мощью атакующего быка.

Парень не знал никаких приемов, не ведал стоек и переходов, не знал, как правильно подбить ногу или отвести удар - он просто шел убивать, и скорость была настолько велика, что Хангос едва успевал отбить его руки, тянущиеся к горлу врага, едва успевал отвести удары Звереныша, на губах которого выступила белая пена!

Мастер слегка опешил, осознав, насколько опасен этот странный паренек, и внезапно подумал о том, что если парень пройдет весь курс боевой подготовки, он будет одним из самых страшных убийц, которых когда-либо готовила Школа, если не самым страшным. И нужно благодарить Правила Школы, которые запрещают обучение, прежде чем учащиеся пройдут Ритуал! Страшно подумать, что было бы, если такой сильный боец неуправляем? Если бы он стал врагом Императора?

Мастер бил почти в полную силу – этих ударов хватило бы, чтобы сломать кость и порвать мышцы обычному человеку, но Звереныш все бился. Он не уклонялся от ударов, принимая их все без исключения, и мастеру казалось, что он бьет не в живого человека, а в столб для набивания кулаков, обтянутый слоями мешковины. Твердые, как дерево, мышцы не пробивались, став прочнее железного дерева.

Мастер так и не позволил Зверенышу добраться до своего тела. Он знал: позволь это сделать – и станешь трупом. Звереныш был одержим, одержим боем. Хангос знал в своей жизни таких людей и знал, насколько они смертоносны.

А еще он знал, что если Звереныш не сможет контролировать свою способность – долго не проживет. Нельзя без защиты, нельзя без умения – попади мастер хорошенько хотя бы один раз своим дробящим кирпичи ударом – и треснет, разлетится голова этого безумного парня. Одержимость хороша, но только против неподготовленных людей, чтобы нагнать на них жуть. Но если встретится такой мастер, как Хангос, – результат предопределен. Не говоря уж о его брате, мастере Смерти. Тот убил бы Адруса уже на первой минуте боя.

– Все! Стой! Именем Императора – стой! – приказал мастер, и Звереныш застыл, хлюпя кровью, текущей из разбитого носа. – Все, бой закончен!

– Я же говорил – он ничего не стоит, этот Звереныш! – раздался глумливый голос Дегера, и мастер Хангос возмущенно вскинул голову.

– Не смей! Ни один из вас не выстоял бы против него и тридцати ударов сердца! Он просто разорвал бы вас, как лепешку! Я видел такую скорость и силу всего несколько раз в жизни, потому заткните свои пасти, и чтобы я больше не слышал этой чуши! Иначе сейчас прикажу ему разделаться с любым из вас, вырвать вам кишки! И он сделает это, будьте уверены! А тебе, Дегер, – пять плетей! Чтобы придерживал язык. Звереныш, заниматься можешь? Как самочувствие?

– Могу. Нормально, – Адрус хлюпнул носом и сплюнул кровавую слюну.

– Хмм... ладно. После занятия зайдешь к лекарю, пусть поправит. Перейдем к занятию. Итак, я продемонстрировал, что есть умение против грубой силы...

Глава 7

– Опять эту гадость! Как ее выпью – меня потом трясет! Ну сколько можно?! Две недели уже пьем! – Лебель сморщился и с отвращением медленно выщедил коричневую горькую жидкость из маленькой кружки.

– А какого демона ты медленно пьешь? – фыркнул Саргус. – Ты залпом, рраз! И в желудке! И все!

- Ну, покажи. Как ты - залпом! Давай! - Лебель с интересом воззрился на приятеля, скривившего рожицу, потом хихикнул, когда того едва не вырвало после заливки мерзкой жидкости в глотку.

- Глянь, Звереныш выжрал и даже не поморщился! - вздохнул Лебель. - Эй, Адрус, похоже, тебе даже понравилось! Может, добавки попросишь?

Щенок неодобрительно покосился на соратника и начал обстоятельно заедать гадкую жидкость куском лепешки. Вкус снадобья был совершенно отвратителен, настолько, что с души воротило. Сладко-горький, с гнилостным привкусом. А еще - приходилось зажимать нос, потому что пахла жидкость не менее отвратительно, чем была на вкус. Ощущение, что ее черпнули из придорожной канавы, в которую помочился табун лошадей, не оставляло даже после лепешки.

Чтобы выпить, приходилось зажимать все чувства в кулак, не думать о том, что тебя сейчас стошнит и ты выдашь все выпитое великолепным фонтаном, под ругань и угрозы своих «добрых друзей».

Так случалось, и не раз, но ничем хорошим не заканчивалось. Виновника заставляли вытереть испачканное, а потом все равно заставляли выпить дозу мерзкого снадобья.

Избежать «лечения» не было никакой возможности - проклятые дежурные зорко следили за процессом, и горе тому, кто попытается ускользнуть от процедуры. Самое меньшее - десять плетей!

Адрус не был в числе «слабаков», фонтанирующих, как горячие источники горы Алунг. Слава Создателю - желудок с трудом, но принимал колдовское зелье.

Две недели их поили жидкостью, которую применяли во время Изменения. Каждый день слегка лихорадило, впрочем, после потогонки, которую устраивали на занятиях, лихорадка быстренько улетучивалась, не выдержав издевательств над организмом хозяина. А они были самые что ни на есть издевательские. Никогда еще парни не получали такой нагрузки, как в Школе. Те несколько дней, что они провели, бесцельно болтаясь по казарме, валяясь в постелях, вспоминались, как сладкий сон, как что-то такое, чего не может быть по определению. Теперь все изменилось. Спали Щенки всего шесть часов. Можно было поспать еще и днем, в обеденный часовой перерыв, но в этот час нужно было еще и пообедать, переодеться для тренировок, и только тогда...

В общем, на дневной сон оставалось минут двадцать, не больше. Многие, почти все, не упустили этих минут. В конце обеденного перерыва девять из десяти Щенков валялись в тени казармы на травке и храпели так, что пугали птиц, пристроивших гнезда на стенах из красного кирпича.

Каждый раз дежурным приходилось поднимать учеников пинками, плетью, палкой, криками и руганью, какую Адрус, будучи домашним ребенком, не слышал никогда в жизни.

Честно сказать, о некоторых извращениях в отношениях между мужчинами и женщинами, между мужчинами и мужчинами он ранее даже и не слышал. Теперь - просветился по полной. Имперская цивилизация «развивала» людей во всех отношениях, не только в науке и военном деле...

Итак, для сна шесть часов, все остальное - учеба и поддержание существования измученного тела. Четыре часа занятия с учителем письма и чтения, остальное на боевые искусства.

За две недели почти каждый из учащихся получил хоть один перелом конечностей или носа, ушибы же никто не считал. Все ходили в синяках, некоторые, особо неповоротливые, с ног до головы синие, будто их сутками били палками, как пыльный ковер.

Сила и скорость парней росли, а вот умение было еще не на высоте, потому крепкие ребята дубасили друг друга, пропуская массу ударов, каждый из которых мог стать смертельным.

Оба преподавателя – и рукопашного боя, и мастер оружия – прекрасно все это понимали. И знали, что скоро кто-то из учащихся погибнет, да не один, а возможно, несколько – как только сила Щенков поднимется до определенного уровня. А она росла с каждым днем...

Лекари всегда были наготове, но ради лечения одних только синяков учащихся в лекарскую не водили. Только для устранения серьезных ран, переломов, вывихов и ушибов, когда заплывший глаз мешает заниматься, или распухшая рука не позволяет использовать ее по назначению.

Адрус не спал в обеденный перерыв. Все свободные минуты он использовал, чтобы учиться. Переписывал тексты, которые дал учитель – писали школяры свинцовыми карандашами, – читал свитки, выданные каждому поименно (за порчу – двадцать-тридцать плетей, в зависимости от настроения учителя, такое уже бывало), снова писал и думал, думал, думал...

Ему вполне хватало шести часов сна, и он не понимал, почему другие ворчат. Свежий, всегда бодрый, нечувствительный к боли (как казалось со стороны) Звереныш вызывал зависть, уважение и ненависть у своих соратников.

Адрусу было плевать и на то, и на другое, и на третье. Звереныш поставил себе цель – стать самым лучшим, самым эффективным убийцей, каким можно стать в этой Школе. Выйти из Школы Псом, добраться до Императора, и уже тогда...

Что тогда – он пока не придумал. Но точно знал – Императору жить не следует. Как и его Империи. Когда-нибудь должно было случиться так, что в плоть Империи проникнет паразит, который убьет ее раз и навсегда. И Адрус хотел стать этим паразитом.

Уничтожить, отравить, разрушить мерзкое государство! Сделать так, чтобы этот народ уничтожил сам себя!

Как это сделать, Щенок пока не знал, но был уверен – узнает. И сама Империя сделает так, чтобы он добился результата.

Да, это было что-то вроде мании, болезненной, навязчивой идеи разрушения, но она помогла выжить Адрусу на корабле работоторговцев, помогала выживать в Школе и, наверное, поможет жить дальше. Так может, не все мании так уж и бесполезны?

Обучение военным искусствам было для него довольно простым. Адрус с лету схватывал знания, у него легко получалось все то, что ему показывал мастер боя, – с первого раза, без долгих проб и ошибок.

Да, получалось пока грязно, да, не все сложные удары и связки он делал совершенно без помарок, но достаточно было нескольких тренировок, и новый навык укладывался в голове аккуратным кирпичиком. Руки, ноги, все тело действовало уверенно, с каждым движением совершенствуя свое мастерство.

Да, получалось пока грязно, да, не все сложные удары и связки он делал совершенно без помарок, но достаточно было нескольких тренировок, и новый навык укладывался в голове

аккуратным кирпичиком. Руки, ноги, все тело действовало уверенно, с каждым движением совершенствуя свое мастерство.

Возможно, в этом помогало таинственное горькое снадобье, которое каждый день давали Щенкам, но, скорее всего, все вместе – снадобье, природная сила и координация Адруса, с яростной, фанатичной готовностью сделать все как надо. А еще то самое безумие, подчинившее организм Звереныша, перестроившее его так, что он превратился в совершенный, эффективный механизм для убийства, высвободив из глубин мозга резервы, которые природа и Создатель заложили в человека.

Со времен глубокой древности было известно, что иногда люди в состоянии душевного волнения, безумия совершали невероятные деяния, которые никогда бы не сделали, будучи обычным человеком.

Мать, освобождая свое дитя из-под колес извозчика, поднимала телегу, нагруженную тяжеленными бочками. Воин, в порыве боевого безумия, разбрасывал, уничтожал десятки воинов неприятеля, не чувствуя боли, усталости, страха, чтобы потом умереть воспетым в песнях сказителей и остаться в веках героем эпоса.

Безумие Звереныша было полезным, и лишь два обстоятельства заботили Адруса больше всего, заставляя думать об этом дни и ночи – как совсем не сойти с ума и как вызывать боевой режим усилием воли, не дожидаясь, когда противник пнет в зад или скажет обидные слова. С первым обстоятельством он ничего сделать не мог – против воли Создателя не попрешь, а вот над вторым работал днями напролет. Ему совершенно необходимо входить в боевой режим так же просто, как дышать.

Пока что Адрус этого добиться не смог. В боевом режиме он был лучше всех своих соперников-соратников в силе и скорости настолько, насколько превосходит их всех тренированный Пес, прослуживший в охране Императора десять лет, но в обычном состоянии – ничего особенного, просто крепкий парнишка с хорошей памятью, с лету усваивавший уроки. Мало ли таких? Каждый второй. По крайней мере, в Школе.

Понятно, что состав школяров был неоднородным. Находились и те, что пытались затратить как можно меньше усилий, те, кто, к примеру, останавливался и не повторял движения вместе со всеми тогда, когда на них не смотрел преподаватель. Работали на тренировочной площадке не в полную силу, ленились, хитрили – как и все люди, которых из-под палки заставили делать то, что они не особо хотели. И даже совсем не хотели. Кто с детства хочет стать бессердечным, безжалостным убийцей? Кто мечтает стать рабом, который убивает врагов хозяина, не спрашивая – за что тем такая напасть? Кто хочет с детства стать злобным цепным псом, работа которого заключается в том, чтобы рвать людей, не рассуждая, кто перед тобой – мужчина, женщина или ребенок? А ведь Щенков готовили именно к этому. Потому недобросовестное выполнение тренировок было своеобразным протестом, тихим бунтом.

Заканчивалось это дурно – одному из таких бунтарей как-то выдали двадцать плетей, превратив его спину в кровавую подушку. А пороть заставили приятеля этого самого парня – мастера подмечали, кто с кем дружит, используя любую возможность натравить друг на друга.

Другому на глазах у всех мастер деревянным тренировочным мечом перебил обе голени, и парень из потомственных рабов вопил на весь плац, перекрывая своим криком сигнальный горн. Впрочем, как и раньше, к ночи все травмированные и поротые были здоровы, и только больше, чем обычно, хотели есть и пить. Лечение магией использует ресурсы организма, съедая жир, жизненную энергию, и, чтобы ее восполнить, нужно хорошо питаться.

Вообще-то всего двух дней хватило, чтобы самые упертые поняли – от взгляда мастера не укроется ничего, и отлынивать от учебы себе дороже – это ведь не в родительском доме, где мама пожурит, отшлепает, и ты со спокойной совестью побежишь дальше, забыв обо всем происшедшем. Здесь ошибок не прощали. За каждую нужно было платить, иногда самой жизнью.

Про свое обещание сходить в храм и помолиться Создателю Адрус совершенно забыл. Да и когда идти, если все дни забиты до предела и больше предела? Когда за неделю всего полдня свободного времени?

Лишь на седьмой день недели все учащиеся могли отдыхать после обеда, занимаясь своими личными делами. Слава Создателю, после того, как Щенки прошли Ритуал, они были избавлены от стирки, уборки – все делали наемные работники. Нужно было лишь оставить грязное барахло в корзине возле постели, и волшебным образом через некоторое время вместо грязной одежды появлялась чистая – выглаженная и заштопанная.

Конечно, волшебства тут не было и в помине, все хозяйственные работы делались так, чтобы учащиеся не контактировали с обслуживающим персоналом, в то время, когда Щенков не было в казарме. Потому никто не видел – кто приносит одежду, кто подметает казарму и кто стирает пропотевшую на тренировках одежду. Да и зачем смотреть на этих людей? Кому они интересны, слуги? Чуть выше рабов...

В общем, на седьмой день недели, с обеда до отбоя, учащиеся были предоставлены сами себе. Хочешь – спи, хочешь – броди по территории Школы, везде, за исключением тех мест, куда Щенкам ходить запрещалось. Но их было немного – помещения для прислуги и еще кое-какие здания, вроде складов и административного корпуса.

Старшие, полупсы, могли в этот день посещать столицу – им выдавали денег, и под присмотром командиров парни могли сходить на рынок или в бордель, о чем мечтал каждый, если не считать Звереныша, – сумасшедший, одно слово!

Конечно, в город выходили не все, только достойные, те, кого отпустили командиры, но на третьем году обучения нерадивых учеников уже не оставалось. Они или становились ревностными учащимися, или умирали – Школа эффективно отсеивала или перевоспитывала всех, кто в нее попадал. Жестко, даже жестоко, но из обычных подростков здесь делали лучших убийц в мире.

Так говорили в Империи и так считали они сами. До тех пор пока не встречали соперников, равных себе по силам...

Ничего этого Адрус пока не знал. Старшие школяры с младшими не общались – не потому, что не хотели – это не приветствовалось системой обучения. Ни к чему новичкам знать то, чего знать пока не надо. Более того, за разговоры и контакты между старшими и младшими можно было угодить под плети, об этом предупредили в самом начале обучения. Первый же, кто задал вопрос – почему так? – получил пять плетей. Больше спрашивать никто не решился.

Новички быстро привыкли к тому, что задавать лишние вопросы себе дороже. Приказали – выполнил. Не выполнил – получи наказание. Хорошо выполнил – получи поощрение.

Новички быстро привыкли к тому, что задавать лишние вопросы себе дороже. Приказали – выполнил. Не выполнил – получи наказание. Хорошо выполнил – получи поощрение.

Пока что поощрением являлись всего лишь похвалы, но обставлялось это так, чтобы каждый

мечтал стоять перед строем и удостоиться благодарности мастера.

Адрус не раз получал похвалы, но каждый раз, когда стоял перед строем, замечал неприязненные и завистливые взгляды своих соратников. Многие из их Звена, и не только, искренне ненавидели Звереныша, и то обстоятельство, что его хвалят, лишь подливало масла в огонь.

Иногда Адрус начинал думать, что его хвалят даже не из-за особых успехов в занятиях – ничего особо выдающегося, на его взгляд, в них не было, а лишь для того, чтобы разжечь неприязнь в рядах школяров, заставить их ненавидеть более удачливого товарища. Зачем это делалось – он понять не мог, хотя много размышлял на эту тему, перед сном, обедая, и даже тогда, когда в очередной раз вместе со всей группой бежал вдоль стены Школы, держа на плечах здоровенный чурбан, отполированный руками сотен и сотен школяров, ушедших в историю Школы.

В конце концов, Адрус пришел к выводу, что учителям нужен объект поклонения и ненависти – те, кто поклоняется «герою», будут стремиться стать похожими на него, а значит, постараются поднять свой уровень как можно выше.

Те же, кто его ненавидит, мечтают набить морду, занять его место в иерархии небольшой стаи волчат, тоже будут поднимать свой уровень! А разве не это является задачей каждого учителя?

Вот только никто не спросил, каково это «образцу» – быть объектом поклонения и ненависти.

Адрус ни с кем не дружил. Он не испытывал тяги к установлению более близких отношений – вообще никакой. Это было странно, но укладывалось в рамки его безумия. Зачем безумцу, одержимому, друзья? Он сам по себе, он самодостаточен, ему не нужны другие, чтобы почувствовать себя сильнее. Он и сам сила!

Чутье Звереныша говорило: «Стоит тебе с кем-нибудь подружиться, и они используют это против тебя!» Тот, кто дружит, уязвим, ведь его слабое место – друзья. Звереныш не мог позволить себе быть слабым. В этом страшном мире ценят только силу и жестокость, так надо стать самым сильным и самым жестоким, чтобы победить других сильных и жестоких! После Ритуала, после того дня, когда новичков ломали, заставляя привыкнуть к мысли, что им придется убивать, делать это, не раздумывая, всех, на кого укажут, Щенки успокоились, повеселели, расслабились. За недели спокойной жизни забылись кровь, смерть, невзгоды. Но Звереныш знал, что это спокойствие обманчиво. Он именно знал, что люди, однажды устроившие страшную экзекуцию, продолжают свое дело, чтобы закрепить достигнутый результат. И это будет сделано не раз и не два, а много раз, пока каждый из учеников навсегда не усвоит эти уроки и превратится в неразмысляющего, бездумного, верного убийцу, совершенное оружие в руках Императора. И высшая степень подчинения – убивать по приказу Императора того, кто ближе всех на свете – отца, мать, друга.

Насчет родственников у Щенков было слабовато, а вот друзей тут, в Школе, уже хватало.

– Полупсы сегодня в город пойдут! – Лебель цыкнул сквозь зубы, проследив, как плевок пролетел рядом с полосатой мухой, зависшей возле лица Саргуса, развалившегося на траве. – Я бы тоже сходил!

– Эй, эй – ты чего расхаркался! – возмутился Саргус, вытаращив глаза. – Совсем обнаглел! Звереныш, тресни его по башке! Ты все равно сумасшедший, тебе ничего за это не будет!

– Не мешай. Он изучает историю Империи! – хмыкнул Лебель. – Он на нас плевал!

- Я вижу, что это ты на нас плюешь! - не унимался Саргус. - Вот все-таки дурной ты парень, Лебель, и глупый! Вот что бы ты делал в городе, если бы пошел туда?

- Купил бы чего-нибудь вкусенького на рынке. Потом бы в бордель пошел! А чего еще-то? Эй, Адрус, а ты бы что в городе делал? Пошел бы в бордель? Эй, Звереныш! Вот же статуи демонов, а? Ну чего ты молчишь все! Поговори с друзьями, неужто неохота с друзьями потолковать! Брось ты эту дрянь! Тьфу!

- Не трогай ты его... он не в себе. Пусть читает. Ну вот... согнал парня! Иэххх... Вот надо тебе было, а? В кои века он с нами решил посидеть!

- Мда... а я что? Я просто хотел поговорить... я что, гнал его? Слушай, ты же в одной с ним деревне жил, он что, всегда был ненормальным? Ну... я имею в виду, он всегда как-то отличался от остальных парней?

Саргус задумался, сорвал травинку и задумчиво покачал головой:

- Не-а... парень, как парень. Ни с кем особо не ругался, пару раз дрался, ну... так, немного, с соседским мальчишкой. Рыбачил с отцом. Ничего особенного! Семья, правда, у них немного странная... была. Убили их всех. Как и моих...

- И моих... - Лебель скривился, тяжело вздохнул. - Странно так все! Подумаю об Императоре, представлю себе его лицо, и... мне хочется сделать для него все на свете! У меня руки начинают трястись, как я его люблю! Ты знаешь, я и отца с матерью так не любил! Никогда! А ведь это отсюда приплыли рабовладельцы, это они сделали так, чтобы мы оказались здесь, убили моих родителей... а теперь как подумаю об этом, и мне кажется, что... не могу объяснить... как бы это лучше сказать... ну, что это для блага Империи, для блага Императора. И что это правильно! Ты представляешь?! ЭТО правильно?! Как так может быть?! Ну - как?

- У меня то же самое. И понимаю, что это магия, а сделать с собой ничего не могу. Прикажет - я себе глотку перережу! Точно это знаю, уверен. Магия, да!

- Я вот подумал как-то... пойду в город, когда меня отпустят, как полупсов, и... сбегу! А что? Убегу куда-нибудь подальше, небось не найдут! И знаешь, что было?! Я чуть сознание не потерял! У меня так голова заболела, меня затоснило, я чуть не сдох! Помнишь тогда, на тренировке - я еще по башке мечом получил?

- Помню. Я думал, ты просто зазевался...

- Какое там - зазевался! Мы как раз блок отрабатывали, от удара сверху, я и задумался, мол, сбегу, при первой возможности, обучусь всему и сбегу! И тут меня как мешком с мукой по башке - рраз! У тебя не было такого?

Саргус покосился на приятеля, помолчал, будто решаясь, и, воровато оглянувшись по сторонам, кивнул.

- Было. Честно сказать, я и сам подумал то же самое. И меня тоже стукнуло по голове! Я думал, это от того, что нас загоняли по полосе препятствий, вот. Перетрудился. Думал, это только у меня такое. Не хотел никому говорить - мало ли... страшно. Накажут. Или выгонят. Продадут на рынке - неизвестно, куда еще попадешь. В шахту какую-нибудь. Местные говорят - все точно, три-пять лет, и трупы. Долго под землей не живут. Вот. Как думаешь, почему это случается, как про побег подумаешь?

- Да ясно все, я теперь понял, - Лебель вздохнул. - Магия. Это сильнее цепей. Если мы сбежим, то нанесем ущерб Императору. А мы не можем ему навредить, не хотим. И вот когда мы хотим сбежать и одновременно любим Императора, не хотим сделать ему зло, тогда и получаем «мешком» по башке. В общем, о побеге не стоит и мечтать.

- Интересно, а если Император умрет? Да живет он вечно! Мы освободимся от цепи? Неужели им придется заново нас заколдовывать?

- Сомневаюсь. Точно не знаю, но учитель что-то говорил про это дело, помнишь? Мол, служим мы не человеку-императору, а Императору, символу Государства. Я тогда не понял, что это такое, но запомнил, думаю - потом спрошу. И забыл. А сейчас вспомнил. Хотел у Адруса спросить. Он хоть и сумасшедший, но умны-ы-ый! Как учитель. Ага.

- Ты чего его все достаешь? Он как-нибудь обидится, и так тебе врежет! Пожалеешь!

Лебель с улыбкой покачал головой:

- Не врежет. Я ведь любя! Он мне нравится, хоть и спятил. Обидно немного... я к нему всей душой, а он плевал на меня! Сам по себе! Ни с кем не дружит, ни с кем не ругается. Встал, ушел, и все. Себе на уме! Он не станет меня бить - знает ведь, что я за него. Он так-то хороший! Заметь - набрасывается, если только кто-то первый на него лезет, оскорбляет или бьет. А так никого не трогает, не обижает, а ведь мог бы.

- Слушай, чего к нам Звеньевой идет? Ох, не люблю я этого! Когда начальство тебя замечает - жди беды, точно!

- Где?! Точно! - Лебель проворно вскочил, пнув ногой Саргуса. - Лучше встань, а то докопается! Прошлый раз помнишь, чего было, когда Шевеш его не заметил? То-то же...

- Где Звереныш? - Звеньевой холодно и надменно осмотрел двух приятелей, будто подозревая в сокрытии Адруса, и повторил вопрос: - Спрашиваю, где Звереныш? Вы оглохли, что ли?

- Нет, Звеньевой! Нет, не оглохли! - в один голос ответили оба парня, и Лебель покачал головой. - Не знаем! Сидел тут, потом ушел! Он не любит с нами сидеть, все больше один!

- Где обычно сидит? Куда ходит?

- В разных местах... может, в казарму пошел? Я не видел.

- Не видел? - Звеньевой мрачно посмотрел на Лебеля, потом на Саргуса и неожиданно приказал. - Найти. Чтобы был здесь через триста ударов сердца. Не найдете - оба получите по пять плетей! Бегом! Отсчет начат!

Парни сорвались с места и помчались туда, куда ушел Адрус. Уже на бегу Саргус скорчил физиономию:

- Ты на хрена не сказал, куда пошел Адрус?! Зачем изображал, что не знаешь?! Вот щас нарвемся на плети, тогда узнаешь, как языком зря трепать!

- Я что, должен был предать его?! - тоже скривился Лебель. - Сам не знаю, зачем врал! Думал, может, он отстанет!

- Придурок! Ты хоть раз видел, чтобы они от нас отстали?! Беги теперь, болван! Быстрее!

Парни забежали за угол административного здания и с облегчением увидели Адруса, сидящего у стены, за кустом цветущего тамариса. Он будто спал, закрыв глаза, неподвижный, как статуя, но когда парни приблизились к нему на пять шагов, открыл глаза и уставился на гостей немигающим жестким взглядом:

- Чего вам?!

- Это... Звеньевой! Тебя требует! Скорее! Бежим, а то нам плетей дадут! И тебе! Нам сказали найти тебя! - выпалил Саргус и повернулся бежать. Не успел он сделать и двух шагов, как его обогнал Адрус. Через минуту все трое неслись по плацу, топая тяжелыми башмаками, как лошади копытами.

Звеньевой с легкой презрительной улыбкой смотрел на то, как к нему приближаются посланцы со Зверенышем, и думал о том, что если бы все проблемы решались так легко - мир был бы гораздо совершеннее! А еще он думал о том, что парни эти еще сырые, и что нужно не менее года, чтобы выбить из них дурь и заставить понять, что приказ командира - все равно, что приказ бога. И еще о том, что они должны понять - вранье наказуемо! То, что парни ввали, было видно с первого взгляда. Зачем - это другой вопрос. Пока не важный.

Щенок не удивился, что его вызвал Звеньевой. Он приучил себя не удивляться, ведь от этих людей и от этого мира можно ожидать что угодно, и если удивляться каждому событию - совсем сойдешь с ума. Он лишь молча смотрел на человека в черном, одного из тех людей, которые по непонятной прихоти богов распоряжаются его судьбой, и ждал, что тот скажет.

Звеньевой выслушал доклад Щенка о прибытии по приказу, выдержал паузу, долженствующую показать ничтожность его, Адруса, сущности, потом сказал, с оттенком надменности в гулком, привыкшем к командам, голосе:

- Приказ Вожака. Ты должен посетить храм Создателя и побеседовать с настоятелем. Исполнить сейчас!

Звеньевой повернулся и пошел прочь, будто забыв о стоящих навтыжку парнях, а те переглянулись, ошеломленные, непонимающие.

- И ради этого мы бегали?! Зверек, что за ерунда? Зачем тебе в храм?

- Видимо, Вожак заботится о моей душе, - невозмутимо заметил Адрус. - Когда я сдохну, моя душа должна отправиться в рай, а после отдыха в раю - в новое, хорошее тело! Как это сделать без договора с Создателем?

- Богохульник! - прыснул Саргус. - Договор с Создателем! И как ты будешь заключать этот договор? Он спустится к тебе на скамью?

- Узнаю, как схожу, - уголком рта улыбнулся Адрус и пошел туда, где за плацем вдали сиял на солнце золотой купол храма Создателя.

- Узнаю, как схожу-у! - передразнил Лебель. - Вот же парень, а? Я в прошлую зиму снежного мужика лепил, так тот был гораздо теплее, чем этот человек! Тьфу! Ты видел, он почти улыбнулся? Считай - он полчаса хохотал, валяясь по траве!

- Это... Леб... ты его поменьше доставай. У него отчего голова больная такая стала... он отца с матерью очень сильно любил. Папаша у него хороший был... а мать - знаешь, какая красавица?! По ней все мужики с ума сходили! Но боялись. Пришибет! Папашка воином

раньше был, здоровый – аж жуть! Бревно на плечо положит и идет с ним! А это бревно четверо мужиков еле-еле поднимают! Как его зануссы сумели одолеть – даже не понимаю!

– Чего там понимать? Бой, есть бой... ты же знаешь. Все бывает. А то, может, и спящего зарезали! Они же подлые, работорговцы! Когда-нибудь я убью того, кто нас сюда привез! Вот выйду из Школы и убью!

– Сомневаюсь, – печально помотал головой Саргус. – Эти твари живучи. Если он до сих пор жив, значит, не все так просто. Но вообще-то я бы тоже отрезал голову этой работорговой гадине!

* * *

Толстяк в испачканном краской длинном одеянии мазнул доску, полюбовался сделанным, с сожалением отложил кисть и деревянную пластинку, на которой смешивал краски. Вытер руки тряпкой, встал, немного помедлил и пошел к двери, за которой ему послышался звук колокольчика. В храм кто-то вошел, и надо посмотреть, кто именно. Украсть там нечего, да и некому воровать – воров в Школе просто уничтожали, как тараканов, так что особой необходимости следить за прихожанами не было. Но разве не должен настоятель храма, суть глас Создателя, поинтересоваться, зачем человек пришел к Богу? Узнать у того, нет ли у посетителя желания прикинуть к источнику мудрости в лице одного из тех, кто чист душой и весь направлен на поиски духовного смысла жизни?

Атрап Сетулькар как-то сказал эти слова Вожаку во время очередного чаепития, и тот расхохотался, что бывает весьма редко, на памяти Атрапа всего раза четыре или три. «Это ты-то источник мудрости?! Это ты-то чист душой?!» – повторял Вожак, хохоча, как сумасшедший, и затих только тогда, когда Атрап невозмутимо заявил, что среди «демонов» на территории Школы он, Атрап, наверное, единственное незапятнанное существо, не считая крыс, живущих под продовольственным складом.

В тот раз они с Вожаком едва не поругались. Впрочем, не в первый уже раз. Настоятель не раз думал о том, что же все-таки связывает его, миролюбивого, любящего жизнь человека, и Вожака, у которого руки по локоть в крови, который убил за свою жизнь столько людей, что из их черепов можно сложить памятник высотой с храм божий? Может, Атрап подсознательно хотел перевоспитать Вожака, сделать его добрее, терпимее по отношению к ученикам? Или ему с Вожаком просто интересно?

У Лагана острый ум, хорошее чувство юмора, а то, что он убийца, в этом ведь совсем не его вина, ведь так? Вина Император, проклятый мерзавец, убивший родителей, всю родню Атрапа...

Ни разу за двадцать лет Атрап не выдал даже намеком, что ненавидит Венценосного. Он тут же потерял бы место настоятеля школьного храма, а возможно, потерял бы и саму жизнь – любой Пес перегрыз бы горло за свое «божество», одетое в белый мундир, раскрашенный золотыми узорами.

После яркого света мастерской полутьма храма не позволила настоятелю сразу увидеть, кто пришел. Тем более что парнишка встал в правом углу зала, сделавшись незаметным, напоминая барельеф на старой храмовой стене – такой же неподвижный и холодный, будто был сделан из камня. Он не вздрогнул, когда распахнулась дверь за алтарем, и лишь внимательно следил за тем, как к нему подходит толстяк, ничем не напоминающий служителя храма. Ведь как должен выглядеть настоятель – богатые, вызолоченные одежды, диск Солнца-Создателя на

груди с блюдо размером! А тут невысокий толстячок с добродушным щекастым лицом, в грязном, заляпанном краской одеянии! Уж не слуга ли он?

- Привет! - Атрап постарался извлечь наиболее радушную улыбку из своего арсенала, и слегка поувял, когда та отскочила от холодного лица парня, как булыжник камнем от стены крепости. Но не пал духом. Негоже падать духом «Гласу Создателя»!

- Пойдем за мной, - толстяк поманил Адруса пухлым пальцем, и когда тот остался стоять на месте, нетерпеливо сказал, сморщив курносый нос. - Да не стой ты, пойдем! Я настоятель. Это ко мне тебя прислали. За мной!

Уже не оглядываясь на парня, Атрап пошел туда, где проводил большую часть своей жизни, в светлую, открытую солнцу мастерскую. Чтобы оборудовать это помещение, он вынужден был интриговать, улещивать, подкупать Управление Храмовых Дел, чтобы те выделили дополнительные деньги из Императорского фонда обеспечения воинских храмов.

Самым сложным делом было обосновать - зачем ему столько дорогого оконного стекла, и к чему храму дополнительные ремонтные работы. Пришлось пообещать часть выделенных денег отдать казначею фонда, иначе не видать бы ему финансирования.

Постоянное нытье, что денег в фонде нет, что Император снизил расходы на обеспечение, Атрап слышал на протяжении десятков лет, и каждый раз с огромным трудом выбивал из Управления те деньги, что ему были нужны. Хорошо хоть жалованье выдавали вовремя. А ведь многим задерживали, говоря: «Вам подают на храм прихожане, а вы еще и с нас требуете!» Может, для обычных храмов, в обычной воинской части, это было и справедливо, но что можно взять с учеников Школы, которые и денег-то никаких не имели, а если какие-то медяки и серебряшки у них заводились, то они несли их не в храм, а в бордель! И это справедливо - до Создателя еще далеко, грехи можно успеть замолить, а вот девку хочется всегда!

Атрап остановился перед станком, на котором было натянуто полотно. Оно изображало закат на море - корабли, бухта, солнце, садящееся за горизонт, блики последних лучей на темной воде, лодка, которая отвозит подгулявшую компанию матросов на судно, стоящее на рейде. Покой, умиротворение... Атрап любил море. Если бы не судьба - он жил бы сейчас на берегу моря, во дворце, сидел бы на террасе, обдуваемый соленым ветром, и рисовал, рисовал, рисовал...

- Как тебе картина? - неожиданно спросил настоятель. - Нравится? Что чувствуешь, глядя на нее? Покой? Тишину? Чувствуешь запах водорослей? Плеск волны? Что ты вообще чувствуешь?

Глаза паренька сузились, и на мгновение лицо дрогнуло, будто от боли. Он помолчал, потом медленно спросил:

- Это корабль рабовладельцев?

- Вот оно что... - сочувственно кивнул настоятель. - Он напомнил тебе о плохом. Нет, Адрус... ведь тебя так звать, да? Адрус? Так вот - это честный торговец, никакой не рабский корабль. Рабские больше, у них сильное вооружение, три мачты. А тут две мачты, и он не такой большой. Эти суда ходят вдоль побережья, перевозят товары, которые нужны городам. Ты ведь представляешь, как устроена Империя? Самые крупные города - вдоль побережья, как цепочки ожерелий. В центре горы - там рудники, плавильные мастерские, угольные, самоцветные и золотоносные шахты - в общем, все, что нужно городам. Вокруг гор - равнины, на них выращивают зерно, скот, пататы. Города же, как паразиты, жрут, пьют, собирают налоги, содержат армию, флот - все, как полагается. Вам уже рассказывали, да? Как все устроено? Ну

вот... Присядь сюда. Не стесняйся. Ты ведь не торопишься? Сегодня у тебя свободный вечер, почему бы не посвятить его общению с Создателем? Ну да, да, с Создателем, я ведь как-никак его голос! Проводя время со мной, ты проводишь его с Создателем. Итак, начнем с начала. – Атрап улыбнулся. – Глупо звучит, да? А с чего еще начинать-то? Есть хочешь? Да ладно, ладно – в таком возрасте всегда есть хочется! Особенно, когда тебя так гоняют, как ваши негодяи-командиры! Вот плюшки, сейчас я налью тебе горячего отвара травки, пей, ешь! Любишь сладкое? Нет? Я смотрю, ты молчун. Давай, пей... ну чего застыл? Тебе приказывать нужно? Чтобы пил? Эх, ребята, ребята... что в мире творится... когда это все закончится? Когда Создатель возьмет, да и сотрет род людской с этой проклятой земли?! Как думаешь? Когда?

– Никогда. – Лицо парнишки исказилось в гримасе боли, щека задергалась, и он побледнел, как мел. – Никогда! Потому что он бессилен! Он ничего не может! Или сам все это делает. Сам! Он! Зло!

– Вот оно как... – Атрап кивнул, будто подтверждая свои мысли, положил на стол пухлые руки, так до конца не отмытые от краски, прикрыл глаза. – Сильно тебя прижало, да. Ненавидишь весь мир?

– А за что его любить? – мрачно спросил Адрус, не притрагиваясь к угощению. – За что?

– Никогда. – Лицо парнишки исказилось в гримасе боли, щека задергалась, и он побледнел, как мел. – Никогда! Потому что он бессилен! Он ничего не может! Или сам все это делает. Сам! Он! Зло!

– Вот оно как... – Атрап кивнул, будто подтверждая свои мысли, положил на стол пухлые руки, так до конца не отмытые от краски, прикрыл глаза. – Сильно тебя прижало, да. Ненавидишь весь мир?

– А за что его любить? – мрачно спросил Адрус, не притрагиваясь к угощению. – За что?

– А Императора любишь? – неожиданно спросил настоятель, наблюдая за лицом парнишки. Оно вдруг окаменело, взгляд застыл, будто у зверя, скрадывающего добычу.

– Я люблю Императора! Я готов отдать за него жизнь! – голос Щенка был холодным и бесстрастным. И Атрап не услышал ни одной нотки радости предвкушения гибели за Императора.

– Врешь! – усмехнулся настоятель. – Я не знаю, как ты это сделал, но ты обошел Ритуал. Понимаешь, какая штука... я чувствую людей. Это мало кто знает, но тебе скажу – я маг, но слабый. Я могу лечить, но особым образом, так, как никому не нужно в этом мире. Я лечу головы людей. Их мозги. И чувствую, когда говорят неправду. Только не убивай меня, хорошо? Только тебе скажу – я ненавижу Императора так же, как его ненавидишь ты. Ты ведь ненавидишь его. Выдохни, ничего не случилось. Я скажу Вожаку, что с тобой все в порядке, не беспокойся.

– Зачем? – Адрус расслабился, в голове зазвенело, будто кто-то врезал по ней тренировочным деревянным мечом.

– Что – зачем? Зачем я это делаю для тебя? – серьезно спросил настоятель. – Потому, что ты ненавидишь Императора.

– А разве его здесь не любят?

- Кого - Императора? Не все любят. Много таких, что и не любят. Например - я. Многие, ох, многие не любят... Расскажешь, почему ты не любишь Венценосного? Вернее, почему ты его так ненавидишь?
- Из-за него погибли мои родители! - лицо Адруса снова исказилось, задергалась щека, левый глаз прищурился, будто его стянуло судорогой.
- Из-за него? - искренне удивился настоятель. - Поясни! При чем тут Император? Насколько я знаю, тебя захватил один из рабовладельцев. Император тут никакого участия не принимал.
- Принимал! Эта проклятая империя принимала! Это здесь по закону можно иметь рабов! Это здесь люди ничто, и можно делать с ними все, что угодно! Это при его согласии совершается все зло!
- Вот как... Создатель виноват... Император виноват... а люди, люди тоже виноваты?
- Да! А разве не виноваты?! Разве ты не знаешь, что здесь человек считается нищим, если у него нет раба?! Людей все устраивает, они ходят на рынок, покупают себе мальчиков, девочек, развлекаются, радуются жизни - это что, они не виноваты?! Люди заслуживают того Императора, который ими правит! Значит - он виноват! Значит, его нужно убрать!
- Ну, хорошо, вот убрал ты этого Императора. Убил его, например. И дальше что? Дальше?
- Ну... это... не знаю! - через силу сознался Адрус. - Не знаю. Пока не думал над этим. Потом подумую.
- Парень помолчал, потер запястьем лоб и вдруг спохватился:
- А ты почему его не любишь? Императора? Почему я должен тебе верить?
- А ты и не должен мне верить. Ты не должен верить никому, если хочешь достичь своей цели! - настоятель нахмурился и жестко добавил: - Почему ты так быстро сознался? Почему признался, что ненавидишь Императора? Ты ведь первый раз меня видишь! Почему ты мне поверил, глупый щенок?! Ты что, не понимаешь, что после твоего признания ты подлежишь уничтожению, как опасный зверь? Молчи! И не двигайся с места! Ты быстрый, но я успею тебя убить. Стоит мне только нажать вот на эту доску! И у тебя в затылке будет арбалетный болт! Опять поверил? Хе-хе... расслабься... шучу. Я только показал тебе, как это могло бы быть, если бы я работал на Вожака, на Императора. Но я не работаю на них. С Вожаком мы дружны много лет, но это ничего не значит. У него свои убеждения, у меня свои. Я не одобряю то, что происходит в Империи, но ничего не могу с этим поделать. Пока не могу. А ненавижу я Императора за то, что он уничтожил и моих родителей, лишил меня всего, что мне досталось бы от моей семьи - поместий, денег, всего того, что род Сетулькаров накопил за сотни лет!
- За что? Почему он их убил?
- Они участвовали в заговоре, хотели отстранить его от власти, вместе с другими заговорщиками поставить на трон своего Императора.
- Хорошего?
- Хорошего, - усмехнулся Атрап. Наивный мальчик, ну какой наивный! Хороший мальчик. Нужный мальчик.

- А есть такой на примете? - серьезно осведомился Адрус, и Атрап едва удержался, чтобы не улыбнуться.

- Найдем, какие проблемы?! - бодро заявил настоятель, незаметно переведя дух. Все шло как надо, все хорошо. Главное - не умер в самом начале разговора, а ведь мог! От смерти его отделяли десять пядей стола, и один миг. Атрап сомневался, что он смог бы справиться с тренированным убийцей, впавшим в боевое безумие. Он бы и в молодости с таким не справился, а уж сейчас, после сотни возов съеденных плюшек, бочонков выпитого вина, - никаких шансов. Само собой - никаких скрытых ловушек, тайных арбалетов и отравленных копий в стенах храма не было - в конце концов, это же храм, а не проклятый Императорский дворец, напичканный охранниками и смертоносными механизмами!

Настоятель и правда был магом. Слабым, но... больше ни у кого не было таких способностей, как у него. Никто лучше него не мог чувствовать настроение людей, их эмоции, ощущать присутствие человека. Даже Вожак до конца не знал, на что был способен его смешной толстый друг. Жрец Создателя, который умеет облегчать душевные страдания людей, - вот и все, что он должен был знать. Ни к чему тем, кто служит Императору не за страх, а за совесть, знать, что есть тот, кто может с ходу сказать - врут ему или нет. Ведь кто-то может подумать, что Императору очень даже пригодится такой человек, и тогда...

Да, возможно, в этом был свой шанс - подобраться к Императору на расстояние вытянутой руки и попытаться его убить. Но, во-первых, Атрап не имел способностей убийцы, и прежде, чем он перерезал бы глотку Императору, его, скорее всего, уже бы пристрелили - Псы не дремали. За отдушинами всегда дежурили стрелки, попадающие из лука и арбалета в муху за пятьдесят шагов. И кроме того, убийца Венценосного после гибели Императора не проживет и часа.

Много лет ждал, что в руки попадет вот такой паренек, будущий Пес, который сумеет обойти Ритуал, и которого он, Атрап, сможет раскрыть. Долгие годы он мечтал о мести и о том, что когда-нибудь поднимется и снова станет великим род Сетулькаров!

Последние годы надежды уже почти не осталось. И вдруг - вот оно! Звереныш, который сошел с ума! Если кто и мог обойти Ритуал, так только безумец, мозги которого действуют не так, как у нормального человека. Атрап перечитал на эту тему множество книг, свитков, разговаривал с магами. Шанс был невелик, иллюзорен, но он все-таки дождался! Наивный мальчишка-убийца, совершенное оружие в руках опытного бойца! И нужно отточить это оружие как следует, нужно сделать все, чтобы парень жил - по крайней мере до того момента, как будет уничтожена Императорская семья.

Последние годы надежды уже почти не осталось. И вдруг - вот оно! Звереныш, который сошел с ума! Если кто и мог обойти Ритуал, так только безумец, мозги которого действуют не так, как у нормального человека. Атрап перечитал на эту тему множество книг, свитков, разговаривал с магами. Шанс был невелик, иллюзорен, но он все-таки дождался! Наивный мальчишка-убийца, совершенное оружие в руках опытного бойца! И нужно отточить это оружие как следует, нужно сделать все, чтобы парень жил - по крайней мере до того момента, как будет уничтожена Императорская семья.

- Вот что, парень... - Атрап задумался, выбирая слова, поднял взгляд и встретился с синими глазами мальчишки. Тот был спокоен, как и всегда, но сейчас от Звереныша исходила волна приязни и покоя, будто встретил старого друга или брата...

Настоятелю стало немного не по себе - вправе ли он обманывать парнишку? Ведь само собой

разумеется, что после того, как тот убьет Императора, его придется уничтожить. Он слишком опасен сам по себе, а кроме того, сегодня он убил одного Императора, а завтра? Когда поймет, что в Империи ничего не изменилось? Что рабы так и остались основой имперского благополучия? Что эту Систему никак не сломать, а кроме того, никто и не собирался этого делать? Разве можно враз уничтожить то, что создавалось тысячелетиями? Да и надо ли...

Нет уж, рисковать нельзя. Мальчик должен умереть. Жаль, очень жаль! Но это ведь для благой цели! Новый Император договорится с Ангиром, прекратит войну, и на ней перестанут умирать люди. Не будет уходить столько денег на эту дурацкую бойню, и деньги можно направить на образование народа, на больницы, на храмы! Ради благого дела – разве это не стоит жизни одного глупого, наивного мальчика? Чужого, роста, даже не занусса? Необходимая жертва. И без этого нельзя.

Впрочем, до того благословенного дня, когда Императору перережут глотку, еще очень, очень далеко. Нужно сделать все, чтобы парнишка выжил, чтобы он не растворился в склоне горы за Школой, где под аккуратными столбиками лежат тысячи тех, кто не смог пройти через горнило этого страшного заведения.

Усмехнулся – Вожак так и считает, что Атрап все свободное время в городе посвящает поиску шлюх по борделям столицы! Нет – и это нужно, он же, в конце концов, мужчина! Но никто не знает о том, что настоятель школьного храма встречается с теми, кто остался после заговора, унесшего жизни его родителей, его братьев и сестер. С теми, кто готовит новый переворот. Медленно, шаг за шагом, со всеми возможными предосторожностями. Долгие годы они готовили заговор, ждали удобного случая, и вот... скоро он настанет. Звереныш! Подарок Создателя!

А хорошо бы звучало – Император Атрап Сетулькар! Атрап Первый!

Настоятель снова поднял глаза на мальчишку, улыбнулся и весело сказал:

– Я слышал, у тебя проблемы? Ты не можешь, когда хочешь, запустить свой боевой режим? Будем тебя лечить. Я тебе помогу. И не только в этом. Я сделаю все, чтобы ты добрался до Императора и отомстил ему!

– И рабовладельцам тоже! – горячо кивнул мальчишка. – Я вырву им сердце! Перережу глотки! Перелломаю все кости!

– Да хоть плюшками их закорми! – хохотнул Атрап. – Не возбраняется! Убьешь всех, кого захочешь!

И тут же посерьезнел, глаза его сделались колючими, как иглы:

– Только помни, если сдашь меня – умереть тебе страшной смертью! То, что я тебе тут наговорил, – от всего отойдешь, а с тебя с живого кожу сдерут! Тайная служба знает свою работу! Да и твои «друзья» из Псов не отличаются особой жалостью. Ни с кем не дружи, никому не говори ни слова, не доверяй! Запомни: те, кто прошел Ритуал, тебе враги! Это руки Императора! Его оружие! Они из тебя кишки вырвут, чтобы доставить ему удовольствие. Верь только мне и тому, на кого я укажу. Впрочем – ему тоже не верь. Только мне! Ну что же, попробуем полечиться? Будешь меня слушаться? Будешь мне верить?

– Буду, – кивнул Звереныш и облегченно вздохнул: теперь он не один. Теперь у него есть надежный друг, который всегда прикроет спину! Будем жить!

После первой встречи с настоятелем прошло несколько месяцев. Несколько месяцев боли, страданий, нечеловеческих нагрузок. Никто не спрашивал – хочешь ли ты, можешь ли ты сделать – делай! Или умри!

И умирали.

Пока только трое. Один был убит случайным ударом в переносицу – деревянный меч из твердого полированного дерева раздробил кость, и ее осколки вошли в мозг. Парнишку утащили, тренировка продолжилась дальше, как и всегда.

Не спасли. Поврежденный мозг – это слишком серьезно.

Другой свалился с бревна на полосе препятствий и умудрился вдребезги себе разбить голову.

Третий просто не проснулся утром. Что с ним стало – никто не понял, да и не дознавались. Даже позавидовали – ушел, отмучился, уже на небесах. Для остальных же все только начиналось.

Каждый седьмой день недели Адрус ходил в храм.

Атрап был интересным собеседником, Адрус услышал от него многое такое, что никогда бы не рассказали в Школе. О жизни Империи как она есть – без прикрас и без демонизации. О дворянских кланах, которые боролись за место возле трона, о купеческих кланах, которые дрались за место у кормушки, добывая особые права на торговлю, за разрешения на создание цехов, за договоры на поставку товаров к Императорскому двору и ко дворам крупных дворянских семейств. Армейские сплетни, храмовые сплетни о том, чем живет столица, в которую стекаются богатства со всей страны.

Настоятель рассказывал это в подробностях, красочно, весело. Для Адруса все было в диковинку. Имперская бурная жизнь – это совсем не то, к чему он привык в тихой приморской деревне.

Зачем Атрап рассказывал обо всем этом парню, от которого требовалось только одно – убить Императора? Возможно, он и сам не знал. Настоятелю нравилось делиться информацией с мальчишкой, который заглядывал ему в рот и буквально впитывал все слова, что говорил настоятель. Парень напоминал сухую губку, на которую падали капли воды. Более благодарного слушателя Атрап еще не встречал. И более преданного друга.

Но он ошибался. Его «ученик», его совершенное оружие, его находка – Адрус не верил толстяку. Вернее, не Адрус – Звереныш никому не верил. Он тихо сидел в голове Адруса и не подавал признаков жизни. Пусть пробуют его достать! Не выйдет! До поры до времени...

За эти месяцы раздвоение личности усилилось, оформилось, определилось. Теперь Адрус четко осознавал: внутри его тела два человека – собственно Адрус, мальчик из прибрежной деревни, и Звереныш – его противоположность, его темная сущность.

Адрус хотел дружить с людьми, хотелось верить людям, хотелось быть обычным мальчишкой, пусть даже обугленным смертью и невзгодами.

Адрус хотел дружить с людьми, хотелось верить людям, хотелось быть обычным

мальчишкой, пусть даже обугленным смертью и невзгодами.

Звереныш не верил никому. Он знал, что весь мир против него, весь мир хочет помешать ему выполнить задачу, весь мир хочет его убить. И нужно быть сильным, жестоким и осторожным.

Звереныш был сильнее Адруса. Он «выпускал» Адруса тогда, когда нужно было общаться с людьми, разговаривать с настоятелем, создавать видимость нормального человека. Хитрый Звереныш понимал, что если со стороны он будет выглядеть совсем безумным – никто и никогда не допустит его до Императора. А раз не допустит – значит, он не сможет того уничтожить. Как не сможет уничтожить всех, кто довел его до такой жизни.

Две личности Адруса-Звереныша со временем не только не сливались друг с другом, но все больше и больше разделялись, и через некоторое время Адрус стал замечать у себя привычку мысленно разговаривать сам с собой. Ведь единственный, кому мог доверять Звереныш, был Адрус, и единственный, кому мог доверять Адрус, – был Звереныш. Так с кем им еще говорить откровенно?

Обе личности имели общую память, но на основе тех же воспоминаний могли совершать противоположные действия. Зло, которое творили хозяева Адруса – над ним, над другими, мог вытерпеть лишь Звереныш. Учиться, контактировать с окружающими – это для Адруса.

Два «близнеца» в одном теле, две личности, одна из которых создана разумом человека, решившего не сдаваться смерти. Ведь выжить Адрус мог только так.

Атрап не смог понять двойственной сути Адруса, а тот, под контролем хитрого и недоверчивого Звереныша, не выдал всю информацию до конца. Да, Атрап чувствовал приязнь Адруса, но он чувствовал именно Адруса, но не Звереныша, отдавшего тело своему светлому «я».

Свои способности Атрап заметил еще в детстве, когда однажды после беготни, после догонялок, увидел над братом дымку, цветные сполохи, покрывающие того с ног до головы. Само собой, мальчишку это заинтересовало, он попытался узнать, что это значит, но был встречен недоуменным взглядом брата: «Какие краски? Какой свет? Ты спятил?» И парнишка прикусил язык – кому нравится, когда его обвиняют в том, что он сошел с ума? Все бы ничего, но... Атрап начал видеть это зрелище чаще, картинка становилась все четче, и однажды юноша решил – нужно выяснить все, что можно, все, что наука знает об этом свечении, и о способностях, которыми обладают те, кто видит это самое свечение.

И он прочитал все, что мог. Нашел всю доступную информацию, осторожно, стараясь не выдать себя, расспросил всех магов, которых знал.

К двадцати годам Атрап уже умел воздействовать на ауру человека. И делал это так осторожно, так мягко и тонко, что тот, кого он касался, не мог этого заподозрить.

Причуда судьбы, прихоть Создателя – человек с уникальными способностями, маг, который слышал эмоции людей, умел воздействовать на сознание, родился в семье потомственных дворян, никак не относящихся к научному сообществу и не желавших, чтобы в их семье появился лекарь. Да и лекарь-то он был не совсем обычный, или, вернее, совсем не обычный.

Да, Атрап мог излечивать болезни. Но, как оказалось, без заклинаний, снадобий, Атрап хоть и мог лечить людей, но... эффект от лечения был внешне очень слабым. Процесс продвигался медленно и не шел ни в какое сравнение с могучей работой заклинаний обычных магов вроде Дондокса.

Однако выяснилось некое обстоятельство – новоиспеченный маг мог делать то, чего не мог никто другой. И это была не только способность чувствовать эмоции собеседника. Атрап мог лечить душевные болезни, подправляя ауру касанием руки.

Как он это делал, как происходил процесс – не знал ни сам Атрап, ни те, кто писал умные книги по магии. Но факт оставался фактом – стоило ему коснуться ауры больного, как человек, который только что грыз руки, рычал, пускал пену в приступе безумия, успокаивался, и через несколько минут наступало просветление. А если подобные сеансы провести пять-шесть раз подряд – безумие уходило навсегда.

Атрап практиковал такое лечение, но редко, осторожно, обставляя его под лечение молитвой. Считалось – настоятель школьного храма настолько благочестив, что Создатель слышит его молитвы и вылечивает безумцев.

Впрочем, благочестие не мешало настоятелю брать за свою работу приличные деньги. А почему бы и нет? Если в дворянском семействе есть больной на голову наследник, они отдадут все, что попросишь, чтобы излечить родное чадо.

Увы – то ли больных наследников в дворянских семействах было не так уж и много, или безумие считалось у дворян нормальным явлением, но обращались к услугам Атрапа не так уж и часто, так что большого капитала он не сколотил.

Опять же – много денег уходило на себя, на удовольствия, отказываться от которых Атрап не хотел. Хорошее вино, вкусная еда, дорогие женщины – все это стоит много денег. И тем больше задолжал ему Император, лишивший Атрапа всего, что тому полагалось по праву наследования...

С некоторых пор Атрап не без основания подозревал – над ним довлеет проклятие его фамилии. Род Сетулькаров отметился в истории как один из тех, кто активно участвовал в «Весеннем заговоре», после которого казнили около пяти сотен заговорщиков, в числе которых были представители трех самых влиятельных семейств Империи. Кому хочется, чтобы его заподозрили в организации нового заговора, если примет в своем доме последнего из отпрысков семьи бунтовщиков? Атрап чудом уцелел после той резни, и только потому, что к тому времени принял сан священника. Вообще-то его готовили на должность главы Храмового Управления, но... не вышло.

Лечение Адруса проходило с точки зрения Атрапа довольно успешно. Те несколько сеансов, что провел настоятель, подправляя ауру, дали парню спокойствие, уравновешенность. Он теперь не дергался, как безумный, едва не впадая в припадочное состояние. Его лицо, на удивление красивое, чистое, похожее на лики посланцев Создателя, как их описывают в сказаниях и рисуют на стенах храмов, до лечения жило своей жизнью – одна половина лица время от времени подергивалась, кривилась, отчего лицо становилось страшным, безумным, глаз косил куда-то в сторону – сумасшедший, да и все тут! После лечения такого безобразия больше не было, парень стал гораздо общительнее, веселее, и настоятель провел с ним много приятных минут, разговаривая обо всем на свете.

Единственное, чего не смог добиться Атрап, – снять блок, который препятствовал Адрусу по его желанию впадать в боевое безумие. Как и раньше, это происходило только тогда, когда Адруса оскорбляли, обижали или нападали на него. Впрочем, и тут появился кое-какой прогресс – запустить процесс он не мог, а вот остановить – запросто. Теперь Адрус мог контролировать свое боевое безумие и не отвечать на оскорбление смертельным ударом. Это было очень хорошо, – если отвечать смертью на любое оскорбление, от кого бы оно ни

исходило, - зачем такой телохранитель? Или тайный агент... Зачем неуправляемый боец Корпусу Псов? Ведь он может убить любого человека, который скажет ему что-то неприязненное, оскорбительное, и всем известно - дворяне никогда не заботятся о чувствах тех, кто ниже их по рангу. Кто может быть ниже по рангу, чем раб? Или бывший раб. А Псы - бывшие рабы.

Время шло, и каждый день приближал к мечте - у Адруса она была своя, у Атрапа своя. У тех, кто вместе с Атрапом мечтал о свержении нынешнего императора, - своя. Как и у многих в этой стране. Мечтами жив человек...

* * *

- Сколько человек?

- Десять. По три из каждого звена. Из Третьего звена - четыре.

- Звереныш?

- И он. И вот что хочу сказать... - Третий замолчал, выбирая слова, Лаган терпеливо ждал. Потом усмехнулся, спросил:

- Хочешь сказать, что он сумасшедший, и потому его нельзя брать? Так на это дело как раз сумасшедший и нужен. Нормальные свихнутся, безумному все равно.

- Нет, Вожак, ты не понял. Что касается безумия - ты прав, на такой работе нужно быть немного свихнувшимся. Но дело не в этом. Кстати сказать, он стал гораздо более разумным. Мне доложили - Адрус регулярно ходит в храм, и, похоже, что общение с Создателем сделало его вменяемым. Почти вменяемым.

- Почему - почти? - неожиданно спросил Лаган, испытующе глядя в лицо Третьему.

- Не знаю... ощущение у меня такое. Ну вот, к примеру - вчера на тренировке с мечами мастер выставил его против Дегера. Помнишь, того, кому Звереныш щеку вырвал? Ну вот. Тот опять что-то сказал, и когда они начали бой - Адрус его едва не убил. А ведь парень крепче его, выше на полголовы! Сломал Дегеру три ребра, руку, ключицу. Почти оторвал ухо и если бы не остановили - забил бы до смерти.

- А мне докладывали, что он уже контролирует себя... - Лаган нахмурился и покачал головой. - Значит, еще не до конца. Выше, говоришь? Массивнее? В вечном бою это не главное. Главное - скорость, выносливость. А как это он сумел так сильно отделать парня? Когда успел? Мастер стоял и смотрел?

- Не успел мастер. Все так быстро произошло, что пока добежали - он разделал этого парня, как хотел.

- Что мастер говорит?

- Говорит - ощущение было, что Звереныш хотел напасть и на него, но пересилил себя.

- Уже неплохо. Значит, может все-таки себя контролировать! Прошло всего полгода, впереди еще два с лишним года обучения, так что...

- Вожак... наживем мы с ним проблем, я чувствую это. В телохранители его точно нельзя. И я

не уверен, что можно учить у мастера смерти. Ты представляешь, если человек, который не может контролировать себя, получит умения мастера смерти?

- Ты мне это говоришь? Ты считаешь меня идиотом?

- Прости, Вожак... уверен, что ты все это уже продумал. Прости.

- Продумал. Завтра Отбор, и они покажут все, что умеют.

- А что с этими, что я отобрал?

- А мы посмотрим. Если они войдут в число десяти первых... все равно им проходить через Отбор. Если они так хороши, как ты говоришь, - значит выживут.

* * *

- Построение! Построение! Построение!

Труба пела, выводила рулады, Щенки неохотно вставали со скамьи, шли к выходу, густым потоком вытекая на площадку плаца, где уже стояли Вожак, командир Третьей стаи, Звеньевые, мастера боя. Все были молчаливо-торжественны, и Щенки настороженно примолкли, глядя на своих командиров. Давненько не было так, чтобы в одном месте собрался почти весь командный состав Стаи, да еще и сам Вожак. А еще - оба мастера боя с помощниками.

Щенки быстро и привычно построились, замерли, поедая глазами начальство. А оно не спешило осчастливить приказом - о чем-то тихо беседовало, не обращая внимания на учеников. Потом Вожак кивнул, Третий повернулся к Стае, окинув взглядом стройные ряды парней.

За полгода трудно сделать из простых парнишек настоящих бойцов - если только не применять магию и не быть бессердечным, как... Пес. Трудно, но можно.

Перед командиром Стаи стояли уже не те мальчишки-рабы, которых недавно купили на рынке. Теперь это были воины, но они сами еще не осознавали своей силы и умений. Всего полгода, но теперь с ними справятся не все солдаты регулярной армии Империи. Если бы на поединок выставили одного из этих парней и против него вышел бы кто-то из обычных имперских гвардейцев, - Третий поставил бы на своего Щенка. Скорость и сила Щенков увеличилась настолько, что обычному человеку это было бы просто непостижимо - любой из парней сейчас смог бы мечом отбить пущенную в него стрелу, а некоторые - поймать ее рукой.

Любой непосвященный спросил бы, а что будут делать эти парни еще два с половиной года? Что они будут изучать? Зачем учиться еще, если сейчас Щенки настолько сильны?

Первые шесть месяцев уходили на то, чтобы сформировать тело будущего Пса. Дать ему первичную подготовку. Развить реакцию, силу, умение владеть базовым комплексом рукопашного боя и фехтования. Если каждый день, в любую погоду, по десять-пятнадцать часов в день задавать человеку запредельные нагрузки, подкрепляя это специальными снадобьями - через полгода можно получить тот результат, который хочешь.

Но настало время, когда нужно выбирать. И этот выбор предстояло сделать сейчас.

- Щенки! Сегодня в вашей жизни один из самых важных дней. Сегодня будет ясно, чего вы

стоите! Объявляю Отбор! Сегодня после обеда вы продемонстрируете все, чему научились за полгода. Ваши мастера и командиры будут смотреть за тем, как вы себя ведете, как бьетесь, как вы умеете думать. Все против всех! Останется один! Бой будет идти до тех пор, пока боец стоит на ногах! Добивать нельзя! Больше десяти ударов сердца пролежал на земле – выбыл!

Третий помолчал, перевел дыхание, продолжил:

- Мы отберем лучших. Они будут заниматься отдельно от всех. Чем будут заниматься – это не ваше дело. Бой будет проходить на большой площадке. Оружие – тренировочные мечи. Деревянные. Правил нет!

Третий снова замолчал, сделав паузу, видимо, для усиления эффекта, и, придав голосу пафосности, закончил:

- Шенки! Сегодня не все доживут до конца дня! Бейтесь так, как вас научили ваши мастера, ведь от этого зависят ваша жизнь и судьба! – Он угрожающе понизил голос. – А если мы заметим, что кто-то специально лег на землю, чтобы выйти из боя, – наказание будет жестоким. Предупреждаю заранее. Теперь – отдых до обеда. Готовьтесь. Если есть желание – помолитесь Создателю. Сегодня вы точно можете с ним встретиться.

* * *

- Адрус... Эй, Адрус! Ты спишь?

- Ты думаешь, когда так орут в ухо, можно спать? Чего тебе, Лебель?

- Адрус, что думаешь насчет сегодняшнего?

- А что я должен думать?

- Вот ты... чурбан бесчувственный! Мы тут с ума сходим все! Поубивают ведь!

- Кто поубивает? Не чуди. Им не надо нас убивать. Им нужно, чтобы мы показали себя. Зачем столько месяцев нас учить, чтобы мы поубивали друг друга на Отборе?

- Твой друг уже подговаривает своих придурков завалить тебя в первую очередь! Ты понимаешь, что это значит?

- Адрус... Эй, Адрус! Ты спишь?

- Ты думаешь, когда так орут в ухо, можно спать? Чего тебе, Лебель?

- Адрус, что думаешь насчет сегодняшнего?

- А что я должен думать?

- Вот ты... чурбан бесчувственный! Мы тут с ума сходим все! Поубивают ведь!

- Кто поубивает? Не чуди. Им не надо нас убивать. Им нужно, чтобы мы показали себя. Зачем столько месяцев нас учить, чтобы мы поубивали друг друга на Отборе?

- Твой друг уже подговаривает своих придурков завалить тебя в первую очередь! Ты понимаешь, что это значит?

- А что должно значить? Дадут мне пирожков? Или варенья?

- Вот раньше ты вообще не мог шутить! А теперь если и шутишь, то по-дурацки! Лучше бы сейчас не шутил! Какие могут быть шутки, когда после обеда мы будем друг другу мозги вышибать?! Я должен вышибить мозги Саргусу! А ты - мне! Или наоборот! Ты понимаешь это или нет?!

- Чего тут не понимать... надо будет - вышибу. Всем. И тебе в том числе. Ты сомневался?

- Вот гад все-таки ты, Звереныш! Вот подкрадусь и вышибу тебе твой безумный мозг!

- А сможешь?

- Не знаю. Но постараюсь! Слышал, что Третий сказал про то, что нельзя ложиться, чтобы выйти из боя? И что остается делать? Послушай, дурак, тебя все постараются завалить! Все, без исключения! А когда с тобой разберутся, тогда уже между собой начнут драку! Ты самый опасный! Тебя надо уложить!

- Что предлагаешь?

- Объединиться. Я, Саргус, ты, еще пара наших ребят! Когда завалим всех остальных - тогда подеремся между собой. Но так, чтобы выглядело по правде! Чтобы эти демоны не просекли! Побьешь нас слегка, останешься героем, и все! Просто!

- Просто... Ты понимаешь, что они сейчас делают то же самое? Дегер хочет сделать то же самое.

- Да что нам Дегер, когда есть ты, Зверюга? Ты всех завалишь, а мы тебе спину прикроем! Ну что скажешь?

- В общем-то, дельно... я должен все обдумать. Пойду, схожу в храм, помолюсь. Вдруг сегодня последний мой день... и содохну. Так надо заранее с Создателем договориться насчет рая.

- К толстяку, что ли, пойдешь? Что у тебя с ним? Дегер говорит, ты с ним... Эй, да я так просто! Ты чего?! Ну и рожа у тебя... как демон выглянул. Напугал!

- Не собирай мерзких сплетен. И не болтай того, чего не надо. Язык вырву! Зачем я хожу к настоятелю - мое дело, не ваше. Еще услышу, кто будет гадости говорить, - нос сломаю!

Адрус скользнул со своей кровати, уселся на нижнюю, свободную, не глядя на молчаливого Лебеля, зашнуровал ботинки и зашагал между рядами кроватей к выходу.

Когда проходил мимо группы парней, в центре которой сидел Дегер, услышал вслед:

- Эй, Звереныш! Сегодня мы с тобой наконец-то разберемся! Животное! Стой! Спросить хочу! Эй!

Адрус остановился, медленно повернулся и пошел к парням, которые, ухмыляясь, следили за тем, как он подходил. Подошел, остановился, тяжело посмотрел в глаза Дегеру:

- Говори.

- Ты готов к смерти, Звереныш? - голос Дегера был вкрадчивым, даже ласковым, никакой угрозы, никакого глумления - просто один товарищ осведомляется у своего приятеля, хочет ли

тот... ну, к примеру - поужинать.

- Я всегда готов к смерти, - Адрус сказал это спокойно, и на его лице не дрогнула ни одна жилка. - А вы готовы? Ты, Дегер? А ты, Шорос? Ты - Экрос? Ты? И ты? Готовы?

С лиц парней исчезли глумливые улыбки, будто их стерли половой тряпкой. Потупились, пряча глаза, а кое-кто тихо отошел в сторону, чтобы не попасться на глаза Зверенышу - так, на всякий случай. Мало ли... запомнит, что он сидел вместе с Дегером, и вышибет мозги, не дожидаясь Отбора. Ну его... к демонам! Безумец! Что с него взять?

Адрус резко повернулся и пошел прочь, не обращая внимания на оцепеневших парней, а Дегер, опомнившись, бросил вслед:

- Сдохнешь! Мы еще встретимся!

И когда Адрус проигнорировал его слова, исчезнув за дверью, набросился с руганью на соратников:

- А вы чего такие морды соорзили?! Вы его боитесь?! Он такой же, как и мы! Пырнешь его - кровь течет! Врежешь по башке - она расколется! Придурки, языки в зад засунули?! Я же видел, вы чуть под себя не наделали! Скоты! Труссы!

- А сам-то? - широкоплечий парнишка с глазами навывкат скорчил гримасу и отвернулся. - Ты-то чего молчал? Мы-то понятно чего побоялись - он безумец, это все знают! Он как взглянет - кровь в жилах стынет, но ты-то чего? Раз такой герой!

- Нечего бояться! - ушел от ответа Дегер. - Валишь его надо! Вот что, парни, есть шанс от него избавиться раз и навсегда. И такой возможности больше не будет! Если навалимся на него все скопом - он не сможет устоять! Только не надо бояться! Слушайте меня, поступим вот как...

* * *

Адрус пересек огромный плац, посмотрел, как тренируются Первая и Вторая Стаи, в очередной раз слегка удивился - те же упражнения, которые выполняют и Щенки, те же самые приемы повторяются раз за разом... Только получается красивее, видно, что все это повторено тысячи раз.

Лучники красиво садят стрелу за стрелой в мишени, арбалетчики деловито натягивают тетиву специальными крючками - все, как обычно, привычная картина.

Чуть подальше Полупсы скачут на лошадях, меняя направление, сшибаясь в схватке, звеня мечами - у них мечи уже металлические, не как у Щенков. Кони вороные, блестят на солнце - красиво! Запах лошадиного пота доносится и сюда - жарко, солнцепек, даже кони вспотели. Завораживающее зрелище - мускулистые, жилистые парни в седлах, мощные, прекрасные кони с перекатывающимися под блестящей черной кожей могучими мышцами.

Но Адрусу не до красоты, не до зрелищ. Он идет дальше, туда, где каждый день из Щенков выжимали пот, кровь и саму жизнь - на Большую полосу препятствий.

Поле - триста шагов длиной и триста шириной - ямы, канавы, бревна - качающиеся и неподвижные, вода, песок, щебень.

Столбы, по которым нужно перебежать ров, в котором торчат палки - тупые, но если упадешь,

перелом обеспечен. Концы бревен не очень широкие, чтобы допрыгнуть до следующего и удержаться на нем, нужно сильно постараться. С этого гадкого приспособления успел упасть каждый Щенок Стаи, и не раз. Адрус свалился всего два раза.

Множество вертикальных деревянных щитов-стен, на которые можно запрыгнуть, только подтянувшись на руках, а допрыгнуть до верха очень непросто. Особенно если на тебе два меча на перевязи, перед этим сделал двадцать кругов с чурбаком на спине, а потом десять раз пробежался по Малой полосе препятствий.

Сегодня этот «город» станет для кого-то последним, что он видел в своей жизни.

Адрус не строил иллюзий. Он уже достаточно повидал в этом проклятом мире, достаточно разобрался в боевых искусствах, чтобы понимать – сегодня может случиться все, что угодно. Может, Адрус тоже не переживет этого боя.

Сегодня этот «город» станет для кого-то последним, что он видел в своей жизни.

Адрус не строил иллюзий. Он уже достаточно повидал в этом проклятом мире, достаточно разобрался в боевых искусствах, чтобы понимать – сегодня может случиться все, что угодно. Может, Адрус тоже не переживет этого боя.

А еще он понял – в одиночку не выжить. Нужно составить план и задействовать свой «отряд».

Обойдя поле сбоку, Адрус взобрался на трибуну, возвышающуюся над полем, – оттуда за передвижениями учеников обычно следили мастера. Сел на широкую скамью, стал рассчитывать варианты развития боя. Через полчаса напряженных размышлений выработал примерный план, посидел еще немного, утрясая мысли, пружинисто встал и решительно пошел туда, где блестел купол храма. Нужно было кое-что выяснить у настоятеля.

Атрап, как и всегда, был в своей мастерской – перепачканный, довольный, мурлыкающий какую-то похабную песенку, до которых он был великий охотник. Его даже возбуждало, что эту похабщину он напевает в храме Создателя.

На недоуменный вопрос Адруса Атрап как-то с хохотом заявил, что раз является Гласом Создателя, то лучше знает, какие песни надо петь в храмах. И он не видит ничего плохого в женщинах и постельных утехах, а те, кто видит в этом плохое, – суть извращенцы, и к ним лучше не поворачиваться задом...

Своего «духовного ученика» настоятель встретил радостным возгласом, но когда узнал, по какой причине тот решил навестить наставника в неурочное время, увял и, наскоро вытерев руки тряпкой, уселся за стол, глубоко задумавшись, напоминая своими впечатляющими формами статую Создателя, раздувшуюся, как тесто от дрожжей.

– Да, это опасная штука! – кивнул Атрап, потирая пухлую щеку рукой, украшенной перстнем настоятеля с изображением солнечного диска на красном камне. – Обычно на Большой Драке... так частенько называют Отбор, гибнут один-два человека из десятка. Много калечатся. Я вообще считаю, что это дурацкое развлечение давно нужно запретить! Неужели мастера сами не знают, кто из их учеников лучший, а кто худший?

– Почему ты мне никогда не говорил о Большой Драке и почему это развлечение? Кому развлечение?

– Ну вот сказал я тебе, и что это изменило? Ну что? Что ты можешь сделать? Только

переживать... А что касается развлечения... Приедет Император. Приедут приближенные. Они будут делать ставки - на тебя, на твоих противников. Кто и когда это придумал - я не знаю. Испокон веков Щенки через полгода обучения проходят через Большую Драку, и... все. Все. Кто-то когда-то сделал, Императору понравилось, и с тех пор все идет, как идет. Это не последнее испытание, которое ты пройдешь. Будет еще кровь, будет смерть, но... пока вот оно - Большая Драка. Ты должен выжить. Я сейчас подумаю, чем тебе можно помочь...

Атрап снова замер и сидел так минут десять, глядя в пространство. Затем пожал плечами и тяжело вздохнул:

- Ничего не приходит в голову. Ни-че-го! Боевой режим у тебя включится, когда на тебя нападут, так что в этом отношении все нормально... главное, не подпускай со спины, чтобы не ударили в затылок, а всех остальных ты забьешь. Я разговаривал с Лаганом, он очень высокого мнения о твоих способностях. Говорит, что если кто имеет больше шансов пережить Драку, так это ты. Так что не переживай, у тебя все получится. Главное, случись что - не вставай с земли, изобрази, что ты не можешь этого сделать. Встанешь - получишь по башке и снова ляжешь.

- Нас предупредили, чтобы мы не обманывали. Иначе будет плохо.

- Да, да... нужно быть осторожным! - Атрап сокрушенно покачал головой. - Очень, очень строго с этим делом. Может закончиться дурно! Ты вот что - особо не усердствуй, постарайся подставить себя под удар, но так, чтобы не смертельно. Пусть ногу сломают, а ты и валяйся! Тебя же все равно вылечат! Пойми, тебе выгоднее остаться в телохранителях! Тебе не нужно в лазутчики! Было бы хорошо, если тебя возьмут в лучники, которые дежурят над залом приемов. Ты смог бы всадить в Императора стрелу, и никто не остановит! Но в лучники берут самых слабых бойцов. Конечно, вряд ли тебя сделают лучником, но... кто знает, может, и получится?

Собеседники посидели, помолчали - каждый думал о своем. Разные люди, разного возраста, воспитания. Цель одна - убить главного в стране человека.

Тишину нарушил Адрус. Он внимательно посмотрел в глаза настоятелю, помедлил, не решаясь спросить, потом все-таки задал вопрос:

- Атрап, я все время тебя хочу спросить... а почему ты поверил, что я ненавижу Императора? Тебе не приходило в голову, что я могу быть подослан к тебе, чтобы раскрыть ваш заговор?

- Приходило. С самого начала приходило. Однако я чувствую, когда мне врут. И кстати сказать, ты это чувствуешь тоже. Не магией, нет, но ты чувствуешь, я знаю. У тебя чутье зверя. А звери знают, когда кто-то затаил против них зло! Я же ведь тебе желаю только добра. И когда я тебе сказал, что ненавижу Императора, ты поверил! Почему? Покопайся в себе - почему? Ты ведь помнишь первый наш разговор, у тебя исключительная память - мне уже донесли об этом. Так почему ты мне поверил? Рассуждай логически, как я тебя учил!

- Ты мне сказал, что я обошел Ритуал, и сказал, что ненавидишь Императора. Если бы я на самом деле прошел Ритуал и был бы засланным, шпионом, я попытался бы тебя убить или сдать власти, но, скорее всего - убить. Передо мной враг Императора - что еще я мог бы сделать, если был бы верным подданным Венценосного? Но я сознался в том, что ненавижу Императора и действительно не прошел Ритуал. Почему я это сделал? Я не понимаю. Я ведь до сих пор никому не верил, только тебе!

- Просто я вызываю у тебя доверие! - широко улыбнулся Атрап и подумал: «А еще скажи спасибо моему Дару! Когда ты шел, я коснулся твоей ауры и сделал так, чтобы ты мне поверил!

Маленький такой толчок, но если бы ты знал, сколько сил, сколько умения нужно для того, чтобы так сделать! И больше никто, никто, кроме меня, этого не умеет! Заставить людей делать то, что тебе нужно, – без мерзкого зелья, без зверства, без idiotских Ритуалов – это могут не все! Вернее, больше никто! И так должно быть, а не это дикарство с драками и убийствами людей! Ничего, когда я стану Императором... все изменится! Нет – без убийств не обойтись, хороший садовник всегда пропалывает свой огород, но я не буду делать это так тупо, не будут убивать ради развлечения, я буду править умно, как ученый, художник, а не как этот тупой сластолюбец, волей судьбы забравшийся на трон! Верь мне, мальчик, верь! Я так долго ждал этого шанса, так долго! И я знал, что ты меня не сдашь, когда раскрылся перед тобой. Ты неглупый и знаешь, что как только скажешь, каким образом ты узнал о моей ненависти к Императору – тебя уничтожат. А я от всего отойду. Все так непросто. Ты – тридцать седьмой! Сколько же я тебя ждал... Сколько было проб и ошибок. Но не зря я забрался в этот глухой угол, в эту Школу!»

– Постарайся в обед не есть слишком много – лучше воевать на голодный желудок. Береги затылок. И не жалея никого! Бей. Друзья, враги – бей! Наповал! Не жалея! Я очень переживаю за тебя, мой мальчик! Ты мне как сын! И я возлагаю на тебя большие надежды, Адрус! Пожалуйста, выживи, хорошо?

– Хорошо. – Губы парнишки сложились в несмелую улыбку, было видно, что он давно забыл – как это, улыбаться.

Адрус отхлебнул из красивой фарфоровой чашки с золотыми узорами и поверх нее снова взглянул на Атрапа – задумчиво, внимательно, будто всматривался во что-то в душе настоятеля. Тот невольно поежился – взгляд мальчишки пронизывал. Адрус будто услышал то, что сейчас сказал настоятель, и обдумывает, что бы такое сотворить с другом-предателем.

Но через несколько мгновений это ощущение прошло, и Атрап облегченно вздохнул – все идет как надо, все идет хорошо. Он потянулся за плюшкой, «нечаянно» коснулся Адруса и, вытянув из его ауры нить-контакт, стал аккуратно накачивать ауру энергией, оздоравливая, поддерживая организм, запуская ускоренную систему восстановления. Теперь примерно на сутки или чуть больше Адрус будет меньше уставать, его раны и ушибы затянутся немного быстрее, а если сравнивать с обычным человеком – гораздо быстрее. Ничем это особо не поможет, но когда на весах лежит так много, даже маленькая капля может перевесить нужную чашу. Пусть будет. Не помешает.

* * *

Звереныш чувствовал фальшь. Не мог не чувствовать. Честно сказать, каждого, кто вдруг ни с того, ни с сего выказывал к нему приязнь и расположение, Звереныш воспринимал как хитрого зверя, собирающегося ударить в спину. И никак не мог понять – почему же он все-таки открылся этому человеку. Это было как толчок – р-раз! И сообразил.

Адрус много раз думал над случившимся и до сих пор не пришел ни к какому выводу, за исключением одного, самого вероятного – он и в самом деле безумец, раз так поступил. Безумцы непредсказуемы. Он, Адрус, непредсказуем.

С одной стороны, это печальное обстоятельство, с другой – помогает выжить. Враги не знают, как Звереныш может поступить, бояться, а значит, половина дела сделана. Половина победы добыта. По крайней мере, так хотелось думать.

* * *

- Надеть перевязи! К бою готовсь! После сигнала расходитесь по площадке, следующий сигнал - атака.

Третий помолчал и опять взревел, перекрывая шум ветра с вершины горы, галдеж придворных, устроившихся на трибунах, и ржание лошадей, которых успокаивали конюхи.

- Щенки! Не посрамите Школу! На вас смотрит Император! Это по его повелению устроен Отбор! Вы бьетесь ради Императора! Ради него вы доказываете, что чего-то стоите! Посмотрите на трибуну и поклонитесь вашему Императору! На колени!

Весь строй дружно пал ниц, парни ударили головой в землю, потом поднялись и посмотрели на свое божество в белом, раззолоченном мундире.

Человек лет пятидесяти, сухощавый, темнолицый, что было особенно заметно по контрасту с белым мундиром, улыбался, ласково помахивая рукой своим верным Псам, Полупсам, Недопескам и Щенкам, собравшимся почтить традиции.

Дворяне рядом с Императором шумели, кричали: «Славься! Императору долгих лет жизни! Живи вечно, Победитель!» - а он все стоял, помахивая гладкой рукой, украшенной императорским перстнем с огромным алмазом, сверкающим под лучами, как маленькое солнце.

- Я сейчас кончу! - просипел Лебель, задыхаясь, пожирая глазами «божество». - О Создатель! Я люблю Императора! Я за него жизнь отдам! Им-пе-ра-тор! Им-пе-ра-тор! Им-пе-ра-тор!

Кулаки Щенков, Полупсов и Недопесков глухо стучат по земле, и она грозно рокочет:

- Им-пе-ра-тор! Им-пе-ра-тор! Им-пе-ра-тор!

Если сейчас кто-нибудь скажет, что не любит Императора - его порвут, растерзают на маленькие кусочки!

Парни плачут, заливаются слезами, рыдают в порыве благоговейного восторга, завывают, как собаки, которые увидели своего хозяина после долгого отсутствия! Им хочется бежать, обхватить ноги этого прекрасного существа и лизать их, целовать... умереть ради Императора, оросив землю своей кровью!

Восторг! Счастье! Мечта! Все под ноги Ему! Все ради Него! Вся жизнь за Него!

Ааааа! Ааааа! Ааааа!

- О Создатель! - прошептал Император, глядя, как парни перед ним бьются в экстазе, едва не падая в обморок. - Если бы можно было так со всей Империей! Как бы счастлив я был! Как были бы счастливы все мои подданные! Ни заговоров, ни злобы - только любовь, всепоглощающая любовь! Любовь ко мне!

- Вот только подданных было бы в два раза меньше, - усмехнулся Командир Корпуса Псов, стоящий рядом. - Не забывайте, ваше Императорское Величество, выживает каждый второй, и это что касается здоровых, крепких парней. У женщин отход гораздо выше, не говоря уж о взрослых мужчинах. С ума сходят. Умирают.

- Я знаю, - вздохнул Император и, садясь на свое место, расслабленно махнул белой перчаткой. - Жаль, очень жаль. Начинайте. Ты на кого советуешь поставить, Вожак?

- Я бы поставил вон на того... видите, Ваше Величество, парнишка - золотоволосый. Советую поставить на него.

- Этот?! - Император недоверчиво помотал головой. - Да он смазливый, как слуга моей дочери! Тот вечно ноет, когда получает подзатыльник, а получает их каждый день! Вечно что-нибудь теряет или разбивает! Она набирает себе слуг из таких идиотов, что диву даешься. Ощущение, что их выращивали в одном и том же курятнике, этих петушков. Ей лишь бы был красив, как с храмовой фрески, а то, что он дурак, - никакой роли не играет. Тьфу!

- Ваше Величество, вы ведь мне доверяете? Поставьте на него - не ошибетесь. Это самый опасный человек среди Щенков. И как бы не во всей Школе!

- Мда? Ну... хорошо. Поверю тебе. Эй, Ландгран, я ставлю тысячу ардам вон на того парня с золотыми волосами! Бьемся об заклад?

- Ваше Величество, я ставлю на... вон того, со шрамом на щеке. Мне кажется, он покрупнее и посильнее. Принимаю ставку. Эй, Куоклис, достань вексель на тысячу ардам! Ваше Величество?

- Ты не доверяешь своему Императору?! Ну, каков негодяй, а? Казначей, выложи на стол тысячу ардам! Ставим на победителя. Еще кто-то есть? Господа, вы чего медлите?

- Ваше Величество всегда выигрывает! - молодой человек с золотистой лентой на мундире, означающей принадлежность к императорской родне, смущенно отвел взгляд. - С вами играть - деньги терять! Нет, я не берусь! Хотя... если только на количество?

- Давай на количество! - ничуть не удивился Император. - Итак, ставлю на то, что через двадцать минут останется... двадцать человек.

- Двадцать пять! - азартно крикнул молодой человек и сделал знак казначею. - Кто еще, господа?

- Давай на количество! - ничуть не удивился Император. - Итак, ставлю на то, что через двадцать минут останется... двадцать человек.

- Двадцать пять! - азартно крикнул молодой человек и сделал знак казначею. - Кто еще, господа?

- Тридцать! - человек в сиреновом мундире с золотой нашивкой на плече хлопнул по столу векселем на тысячу золотых. - Ставлю на тридцать человек!

- Двадцать три!

- Двадцать семь!

- Тридцать пять!

Векселя сыпались на стол, как сухие листья после летней жары на булыжную мостовую. Через минуту на столе лежали векселя на такую сумму, что на эти деньги можно было бы построить небольшой городок или снарядить целый полк тяжелых латников. Тот, чья цифра окажется ближе к истине, заберет все. Если таких будет больше - выигрыш делится на всех. Таков закон! Сумма ставки не меньше первой, заданной Императором, - тоже закон.

Если есть в мире что-то такое же притягательное, как власть, деньги и женщины, так это – Игра!

Впрочем, власть – это тоже Игра. И деньги – Игра. И даже женщины. Весь мир – Игра! А когда во время Игры умирают – она вдвойне притягательна.

При условии, если умрешь не ты...

* * *

– За мной! Быстро! Сюда! За щит!

Адрус и четверо из его команды бегом пронесли через весь полигон и укрылись за вертикальным щитом, который изображал стену дома. Сооружение из крепких досок над канавой с тухлой зеленоватой водой, менять которую никто не собирался, только доливали, когда она испарялась под лучами жаркого солнца. Воняло здесь, как у сортира, в канаве водились какие-то водяные насекомые. Если в нее свалился – без души никак, иначе даже стоять рядом противно. Похоже, что эта штука должна была изображать крепостной ров.

– В канаву! Прыгай!

– Ты охренел?! – Лебель ошеломленно покрутил головой. – В эту вонищу?!

– Быстро, дурак! – Адрус толкнул его ногой в зад, и тот полетел вниз, икнув от неожиданности. – Все прыгайте, идиоты! Быстро! Пока нас не заметили! Из воды не высовываться – только лицо! Ну?!

Парни попрыгали в канаву, с ходу погрузившись с головой, следом прыгнул Адрус, тоже нырнув в мерзко пахнущую жижу. Вообще-то он давно и не без основания подозревал, что в эту канаву сливают дерьмо из выгребной ямы. Подтверждение этого вывода плавало сейчас прямо возле правого уха...

– Сюда, под щит! Да давайте же, идиоты! Давайте! Отсюда нас не видно – никому! Ни мастерам, ни с трибун!

– Аааа! Голова! Точно! – понял Лебель. – А я-то... точно, не видно! Мы в яме и под щитом! Пока они друг друга долбят, мы и отсидимся!

– Молчи! Всем молчать! Ждем! Если жить хотите. Я скажу, когда вылезать!

Дуууу... ду-дуууу!

Труба прозвучала неожиданно громко, будто прямо над головой. Парни замерли, тяжело втягивая в себя отравленный испарениями воздух – нижний брус щита почти касался воды. Брус был толстым, в пол-обхвата, и те, кто под ним спрятались, снаружи были совсем не видны.

Топ-топ-топ...

Крик! Стон!

Удары – звонкие – дерево о дерево. Глухие – будто выбивали ковер.

Хруст!

Опять стон. Снова: топ-топ-топ...

Плюх!

Вонючая волна захлестывает рты, забивает нос, парни едва сдерживают рвотные порывы. Чье-то тело медленно подплывает к Адрусу, тычется разбитой головой в щеку. От головы расплывается красное облако, и к запаху нечистот добавляется запах крови – сладкий, терпкий, поднимающий волну воспоминаний. Было уже – и кровь, и вонь, и смерть. И все снова... нет конца Злу!

Звереныш не обращал внимания на труп и только с ненавистью покосился на Саргуса, которого вырвало прямо перед собой. Парень давился, выплевывая из себя обед, тараща глаза и виновато глядя на Адруса. Тот медленно поднимает руку и... едва удерживает ее от удара. А ведь одно короткое движение, и парень затихнет навсегда! И не выдаст ни Звереныша и ни остальных. Слабым не место в этом мире!

Будто напугавшись смертельной угрозы, организм Саргуса утихомирился, и в грязной луже снова тишь, гладь и лишь сопение носов нарушало благодное молчание.

Крики и шум на поле начали стихать, лишь кое-где все еще раздается стук деревянных мечей да яростные выкрики бойцов.

Прикинул – осталось самое большее три группы. Высидеть еще немного. Пока рано!

- Пора! – хрипло выдал Лебель. – Звер, пора!

- Сидеть, вашу мать! – яростно рыкнул Звереныш. Лебель от испуга зажмурился – ему показалось, что глаза Звереныша засветились красным светом.

«Демон, ну чистый демон!» – мелькнуло в его голове.

Минута, две... три... пять... десять... Стук мечей затих совсем. Осталась одна группа? Решают, кто с кем будет драться? Сидеть! Терпеть!

Топ-топ-топ-топ!

- Где он! Кто его видел?! – раздался голос Дегера, и тут же виноватые голоса Шороса и Экроса.

- Дег, не видать! Может, валяется где-нибудь? Пришибли?

- Я вас сам пришибу! Идиоты! Искать! Мне он нужен – живой или мертвый! Лучше – мертвый! Туда пошли, в угол, там больше всего шуму было! Скорее всего – там!

Топ-топ-топ-топ!

- Пора! – Звереныш оттолкнул плавающий труп, уцепился руками за край ямы и выметнул тело наверх. Присел, прислушиваясь... стоя на четвереньках, как настоящий зверь, оглянулся. – Быстро за мной, с боков, прикрывайте спину! Строимся клином! Бить всех подряд, не раздумывать! Бегом!

Мелькают столбы, щиты – везде бесчувственные, стонущие, шевелящиеся и неподвижные парни. Приходится перепрыгивать, скользя в лужах крови. Здесь – явный труп, голова продавлена так, что сквозь пролом виден желто-красный мозг. Удар сзади, справа – из засады? Дальше, дальше! Кто-то попытался схватить за штанину, кто-то из раненых. Удар мечом! Хруст,

стон, дальше, дальше!

Из боковых проходов время от времени выскакивали бойцы, спрятавшиеся до поры, бросались на Звереныша, но он не обращал на них внимания, оставляя разборки с ними своей группе прикрытия. Его цель – Дегер и компания. Они наиболее опасны.

Пятеро парней в кружке – стоят неподвижно, будто застыли. Потом медленно-медленно начали поворачиваться к Зверенышу – слишком медленно! Время вообще стало каким-то тягучим, как сладкая патока!

В руках уже мечи, их рукояти не скользят, даже будучи испачканы зеленой скользкой жижей. Когда успел вытащить из перевязи? Сам не заметил – без участия мозга, так, как учили – р-раз! И мечи сами прыгают в руки!

С ходу – нырок! Уход от удара и одновременно укол в живот!

В реальном бою меч вылез бы из спины, но сейчас противник просто резко выдыхает и сгибается крючком, чтобы получить другим мечом по затылку.

Тум!

Парень валится на землю, как срубленное дерево.

Справа кто-то бьется с Шоросом, вроде как Лебель, но это не важно, важен вон тот, что отскочил за своих парней и ждет, когда те уложат противника. Или сами лягут под ударами.

Тум!

Парень валится на землю, как срубленное дерево.

Справа кто-то бьется с Шоросом, вроде как Лебель, но это не важно, важен вон тот, что отскочил за своих парней и ждет, когда те уложат противника. Или сами лягут под ударами.

Рывок вперед – разбитая голень Экроса, короткий удар в горло, и приспешник Дегера хрипит, падая на песок, залитый кровью и зеленой вонючей дрянью, стекающей с одежды бойцов.

Дегер вдруг бросается бежать. Бегал он всегда быстро, тем более что Звереныша задержал Шорос – две секунды ушли на то, чтобы его свалить – все-таки Шорос не кухонный раб, а настоящий боец и тоже успел нанести пару ударов, но... у него не получилось. Зверь – есть зверь, и не человеку с ним бороться. Но, вообще, Шорос силен. Если бы не Звереныш – Лебелю пришлось бы туго! Крепкий парень.

Бегом, бегом! За Дегером! Не уйдешь, тварь! Смерть тебе!

По лестнице, наверх!

Столбы – вот оно, проклятие Щенков! Вот оно, мерзкое приспособление, унесшее жизнь двух парней и стоившее Зверенышу сломанных ребер!

– Ну, теперь что? – Дегер усмехнулся, застыв на столбике, как диковинная птица. – Как достанешь?

– Но ведь и ты меня не достанешь!

- Это мы еще посмотрим! Что, в канаве отсиживался? Там тебе и место, грязная помоечная тварь! Жаль, что мы тебя не нашли! Жаль! Ты бы там и остался, в канаве, поганый червяк! Не скользят ботиночки-то? Хе-хе-хе... Ну-ка, проверим!

Выпад! Еще! Еще!

Отбил клинок и едва удержался на столбе - ноги скользили, будто по намыленному! Проклятая канавная слизь! Ботинки пропитались ею сверху донизу, в них хлюпало, кожа стала тяжелой, рыхлой.

- Отлично! Продолжим! - Дегер сделал несколько выпадов так быстро, что Звереныш едва успевал отбивать, сосредоточившись лишь на том, чтобы не упасть вниз. Отполированный торец бревна скользил, разбухшие ботинки мотались на ногах, и биться было невероятно трудно.

- Давай, давай, поганец! Давай, рабская тварь!

Дегер радостно ржал, наращивая темп и стараясь пробить защиту Звереныша. Уколы, секущие удары... одно неосторожное движение, один резкий финт, и...

Откуда-то снизу летит продолговатый, вращающийся в воздухе предмет, и тяжелый меч железного дерева врезается в бок Зверенышу с такой силой, что он теряет равновесие и едва не падает вниз, зашипев от боли в разбитом боку. Напряженные, твердые, как сталь, мышцы гасят энергию удара, сберегая кости ребер, но удар все-таки был слишком силен, чтобы не вывести из равновесия.

Доля секунды, Звереныш удерживается на столбе, но... получает жесточайший удар в другой бок - уже от Дегера.

Поскользнулся, вскинув ноги, со всего размаху упал на столб, едва не сломав позвоночник. В глазах потемнело от боли - вероятно, сломаны ребра. Сквозь туман в глазах - меч Дегера опускается на голову - медленно-медленно, будто зависнув в воздухе. Времени вполне хватает, чтобы перехватить клинок ладонью и рвануть что есть сил, продолжив движение меча вниз!

Падение!

Секунда, и оба противника врезались в торчащие на дне палки, на мгновение потеряв сознание от удара!

Звереныш ударился грудью, бедром и животом.

Дегер отделался легче - он умудрился попасть боком между рядов в палок, и лишь ушиб голень, выдержавшую при столкновении со столбиком и не сломавшуюся.

Мечи оба противника так и не выпустили из рук, и когда встали на ноги, тут же осыпали друг друга градом ударов - молниеносных, сильных, беспощадных.

Дегер был очень неплох в бою на мечах. По технике он наравне с Адрусом, но имеет более длинные руки, а значит, у него преимущество.

Вот только дерется с ним не Адрус, а Звереныш - умелый, быстрый, хитрый. Теперь он стоит не на столбе, боясь повернуться и сделать лишнее движение, а на земле, крепко стоит, даже слишком крепко - заклинившись между деревьяшками.

После первых пяти ударов темп настолько ускорился, что непосвященный человек не смог бы заметить, какой именно удар поверг Дегера наземь. Только что он стоял на ногах, и вот уже заваливается назад, с разбитой вдребезги челюстью и перебитым горлом, пуская изо рта кровавые пузыри.

Звереныш откуда-то знал, что Дегер мертв, – от парня не пахло жизнью. Тело парня еще подергивалось, в тщетных попытках удержать улетающую душу, но было уже поздно. Сейчас вряд ли смогли бы помочь даже маги-лекари.

С того момента, как два сцепившихся противника рухнули в яму, прошло секунд десять, не больше, и вот уже один из них мертв, а второй карабкается из ямы, оглядываясь по сторонам.

Мелькнула тень, Звереныш перекатился, встал на ноги, зарывав от ярости.

– Прости, Звер, но теперь каждый сам за себя! – Лебель сделал молниеносный выпад, целясь в горло противника, Звереныш мгновенно парировал и ткнул концом меча в пах «приятелю». Тот рухнул на колени, и тогда Звереныш рубанул по шее, в последний момент изменив решение убить.

Лебель рухнул на землю без сознания, а Звереныш оглянулся, готовясь к новой атаке. Но атаки не было. Никого не было. Кроме бесчувственных, раненых и мертвых.

Туууу-ту-туууу!

В сознание ворвался голос трубы, и Адрус ясно понял – все закончилось! Все! Закончилось! И он опять жив! К добру ли?

Выпустив из рук меча, бессильно сел на землю, опершись вытянутыми руками, свесив голову назад. Его трясло от физической и нервной перегрузки, казалось, нет ни одной клеточки тела, которая не была бы изранена. Похоже, что сломано одно или несколько ребер – то ли при падении, то ли от ударов. И тут же подумалось – если бы меча были настоящими, скорее всего, он бы не выжил. Хорошо, что они деревянные. Вот только Дегеру это все равно не помогло.

* * *

– Ваше Величество! Вы, как всегда, выиграли! С вами хоть не играй! – молодой человек сокрушенно покачал головой и отошел на свое место под радостный смех Императора.

Венценосный любил выигрывать, хотя что ему были эти тысячи золотых? Пшик! Ерунда! Это для простолюдина огромное богатство, а для Императора великого Занусса, можно сказать, – карманные деньги. Одно только содержание армии отнимает столько средств, что... лучше об этом и не вспоминать, не портить себе настроение.

– Да, Вожак, порадовал ты меня зрелищем! Сегодня не обычная тупая рубка – хотя и это всегда забавно – целое представление! Чего стоит этот парень, который отсиделся где-то в грязной норе! Прикажи подвести его ко мне, я награжу хитреца!

– Уже, Ваше Величество, он ждет!

– Ну, веди! – Император благосклонно кивнул головой и, протянув руку назад, к слуге, приказал: – Поддай мне кошель.

– Серебро, золото, Ваше Величество?

- Хмм... дай пару десятков арм. Я думаю, для паренька этого будет достаточно.

Слуга сунул в руку Императора кожаный мешочек, властитель взвесил его на руке и довольно кивнул. Да, достаточно. Слишком баловать слуг не нужно, но и не отметить хорошего слугу – это грех. За хорошую работу нужно поощрять, за плохую, за предательство – жестоко карать. Так всегда говорил отец, а он никогда не ошибался! Великий был император и великий мудрец.

По ступеням затопали ноги, и через несколько секунд Император с интересом воззрился на того, кто сегодня вызвал его восторг. Грязный, вонючий, волосы залеплены каким-то зеленым илом – парнишка невообразимым образом был все-таки красив. Голубые, ясные глаза смотрели пристально, будто выбирая цель, лицо без малейших признаков растительности. Учащимся давали специальное снадобье, которым те мазали лицо, уничтожая усы и бороду – если те, конечно, начали пробиваться. У Псов не было принято ни усов, ни бороды – в отличие от обычных солдат и дворцовой гвардии.

На вид парню лет шестнадцать, может, чуть больше. Псы всегда выглядят моложе своих лет из-за Изменения, которое над ними провели в юности, как раз в возрасте, в котором находился этот парнишка.

Император вдруг вспомнил этого парня – еще на Ритуале заметил смазливенького паренька и решил, что долго тот в Школе не проживет. И была мысль забрать парня – в прислугу. Приятно, когда тебя окружают красивые люди, а не уроды. Когда смотришь на уродов, сам становишься уродливым. Император следил за своей внешностью и любил красивое. Император, как и солнце, должен ослеплять лучами своей красоты! Не зря же поэты сравнивают Венценосного с прекрасным солнечным диском!

Император встал, подошел к коленопреклоненному парню и ласково потрепал того по голове. Потом отдернул руку, сморщился, взяв со стола кружевной платочек, тщательно вытер руки, испачканные зеленой слизью. От руки стало дурно пахнуть, настроение императора испортилось. Парнишка уже не казался таким симпатичным. И вообще – какой-то раб не должен быть красивее Императора!

- Я награждаю тебя! – быстро сказал Император, забыв о том, что хотел произнести проникновенную речь, которую подхватят придворные и разнесут по всей столице. – Ты выиграл Отбор, получи свою награду!

Император кинул кожаный кошель, и парень мгновенно выхватил его из воздуха таким незаметным движением, что Император невольно восхитился, хотя не раз видел, как Псы на лету разрубают шмеля или стрекозу одним из своих коротких, бритвенно острых мечей. Эти парни очень, очень быстры.

- Уведите! – махнул Венценосный и тут же добавил: – Эй, дайте мне бутылку с крепким вином! Мне нужно протереть руки...

Император уже не смотрел на победителя, забыв о нем, как о комедианте, ушедшем за сцену. Теперь его гораздо больше интересовала молоденькая девушка, которая весь день сосредоточенно строила ему глазки, похоже, рассчитывая на более близкое знакомство с Венценосным.

Девушка была очень миленькой, лет пятнадцати, не больше. Похоже, что девку нарочно выставили вперед, чтобы Император заинтересовался соблазнительной фигуркой прелестницы. Все знали, что он любитель молоденьких девочек, а также – их умных родителей. Ведь всем известно – Его Величество не оставляет милостью родственников своих фавориток.

Последнюю из них он прогнал неделю назад – Азарда слишком уж много о себе возомнила, позволяла такие высказывания, что и за половину подобных речей следовало отрубить голову.

Даже если он не был бы Императором – какого демона нужно распространяться направо и налево о некоторых интимных слабостях своего партнера? В конце концов – это касается только его и партнерши! Пусть скажет спасибо, что только высекли и отправили в изгнание на север материка, все могло кончиться для нее гораздо хуже. Девушка была хороша в постели, жалко лишать тело головы, пусть и такой глупой, как у нее. Ох, ее тело... до сих пор кровь приливает при воспоминании о нем!

Император подозвал слугу, и через несколько секунд тот уже спешил к избраннице Великого с недвусмысленным приказом.

* * *

Звереныш шел по ступеням, и его трясло от возбуждения, ненависти, страха. Он был так близко от того, кого должен убить! Один рывок! Один захват! И шея мерзкого человека треснула бы, как сухой хворост!

Только не факт, что успел бы. Двое Псов сзади, двое по бокам от Императора. Сомнут вмиг. Можно было бы, конечно, рискнуть, но... зачем? Как быть тогда с владельцем рабовладельческого корабля? И с тем воином, что убил его мать? А ведь есть еще и надсмотрщики, которые избивали рабов! Их тоже нужно убить! Если он умрет сейчас – кто тогда убьет всех этих тварей? Рано, пока рано. Императора следует оставить «на сладкое», когда будет сделано все, что задумал.

Все впереди, все впереди... всему свое время.

Глава 9

– Настоятель! Проходи, проходи... комната тебя ждет! Тебя ждут! – полная женщина в цветастом платке, накинутом на плечи, состроила радостную улыбку, и Атрап внутренне поморщился. Когда он смотрел на эту бабу, ему казалось, что она не совсем живая – плод рук безумного пекаря, скатавшего подобие человека из сдобного теста. Вот только пахла она не сдобой, а чем-то кислым, и запах кислотности не перебивали даже южные благовония, отличавшиеся особо сладким запахом. Получалось даже хуже – смесь сладкого запаха притираний, пота и кислотности давала такой аромат, что в это жаркое, полуденное время неподготовленного человека он мог сшибить с ног не хуже, чем дубинка охранника борделя, угрюмой глыбой замершего у стены, за спиной хозяйки.

Атрап недовольно кивнул, стараясь дышать нечасто и неглубоко, потащился по лестнице вверх, топая по ступеням, покрытым вытертым ковром. Этот ковер видал свои лучшие дни, его молодость давно прошла, но он все еще держался, прижатый к ступеням медными креплениями. Вид ковра всегда приводил Атрапа в уныние – он напоминал настоятелю о том, что и он, Атрап, уже совсем не молод, и так же истоптан судьбой, как это произведение рук южных ремесленников.

Сегодня мысли настоятеля были заняты совсем иным, и ему было не до ковра. Поднявшись по лестнице, Атрап прошел мимо комнат, пустых по причине дневного времени, и уткнулся в дверь, возле которой скучал неприметный человек в одежде слуги – серой, украшенной маленьким гербом в знак принадлежности к одному из самых могущественных домов Империи.

Человек внимательно осмотрел настоятеля с ног до головы, будто убеждаясь, что это на самом деле он, а не кто-то под его личиной, кивнул головой и без стука открыл дверь, пригласив гостя коротким недвусмысленным жестом.

Атрап проскользнул мимо слуги, который был совсем не слугой, а главой охраны вельможи, очень опасным и неприятным человеком (как и его хозяин), шагнул за порог, чтобы оказаться в комнате, богато отделанной розовой и бежевой тканью, украшенной резной лепниной с изображениями различных поз и моментов совокупления мужчин и женщин. Впрочем - не только мужчин и женщин.

Атрап проскользнул мимо слуги, который был совсем не слугой, а главой охраны вельможи, очень опасным и неприятным человеком (как и его хозяин), шагнул за порог, чтобы оказаться в комнате, богато отделанной розовой и бежевой тканью, украшенной резной лепниной с изображениями различных поз и моментов совокупления мужчин и женщин. Впрочем - не только мужчин и женщин.

Здесь была и огромная кровать, и медная ванна, начищенная до золотого блеска, и стол светлого дерева, за которым можно было уместить отряд шлюх и столько же клиентов, таких как тот, что сидел сейчас в кресле и задумчиво пил вино из драгоценного хрустального бокала.

Человек за столом повернулся на шаги Атрапа, слегка поднял брови, что должно было выражать неизмеримое удивление. Затем, недоверчиво покачав головой, осведомился резким, даже слегка скрипучим голосом:

- Наконец-то! Я уж думал, ты никогда не появишься! Что заставило тебя назначить встречу в неурочный час, вызвать меня, оторвать от важных дел? Это должно быть что-то особенное, если ты осмелился отнять у меня столько времени! Присядь к столу, налей вина... Но вначале все-таки расскажи, что же тебя заставило нарушить все наши правила?

- Господин Ландгран, это очень важно! - Атрап сел в кресло наискосок от вельможи и замер, собираясь с мыслями.

- Знаю, знаю, что важно! - раздраженно бросил собеседник. - Ты не такой дурак, чтобы вытаскивать меня из дома ради ничтожной цели! Я некогда нажал на все рычаги, чтобы убереечь тебя от казни, пристроить тебя в Школу на теплое местечко. Все эти годы ты помогал мне, координировал работу, но еще ни разу не было, чтобы ты сам требовал личной встречи! Так давай, докладывай, не тяни время! Есть что-то от наших союзников? Что-то такое, что помешает нам в наших планах?

- Нет, господин. Все идет по плану, но... план нужно менять, - решил Атрап. - Я предлагаю отложить восстание самое меньшее на два года.

- Да ты спятил?! - искренне удивился вельможа, потрянув седой головой. - У нас все почти готово! Осталось три месяца, и мы будем готовы полностью! И ты мне говоришь о том, что нужно отложить на два года?! Сумасшедший!

- Господин, у нас появился шанс подобраться к Императору, - твердо заявил Атрап, глядя в расширившиеся от изумления глаза Ландграна. - Есть шанс уничтожить этого человека, но сделать такое можно будет только через два года, не раньше.

- Не может быть! Каким образом? Мы перепробовали все, что могли! Все его слуги, вся охрана под заклятием верности, ты же знаешь! Знаешь это лучше меня, работая в Школе! Как?! Говори!

- Один из учеников Школы пылает ненавистью к Императору и хочет его убить. И самое главное - может убить. Но произойдет это только после обучения. Возможно - не два года, может, и раньше, но все равно нужно время. Я контролирую парня. Он обошел заклятие верности! Ритуал!

- Кто он? Имя! - выдохнул вельможа, но Атрап сощурил глаза и покачал головой:

- Нет. И у стен есть уши. Зачем тебе это, господин? В назначенный час он уничтожит Императора и его дочь, останется лишь короновать нового, и не надо никаких восстаний, никакой войны - просто занять его место, и все. Псы будут подчиняться новому Императору. Как и гвардия. Как и все в Империи.

- Просто! - фыркнул вельможа, недоверчиво глядя на Атрапа. - Все не так просто. Нужен священник Создателя, который коронует нового Императора. Верный священник, который потом станет... Ну, это понятно! А еще нужно подобраться к трону, взять корону Императора... Если то, что ты сказал, - правда, то это многое меняет. Ты даешь гарантию, что все так, как сказано? Что есть человек, способный добраться до Императора и лишить его жизни? Принести корону?

- Да. Гарантирую! - Атрап постарался выглядеть как можно более уверенным и деловитым. - Гарантирую, что мой человек доберется до Императора и добудет корону!

Вельможа задумался, прикрыв глаза, будто уснул. Посидев так минут пять, снова уставился на священника и медленно кивнул:

- Хорошо. Я извещу наших друзей и поговорю с ними на эту тему. Думаю, мы отложим восстание. Но учти - ты отвечаешь головой! Если обманул, если у тебя был какой-то иной план... ну - ты понимаешь!

«Еще бы я не понимал, идиот! И да - у меня есть другой план! Безмозглые напыщенные скоты! Ну ничего, я вам еще припомню - и спесь, и хамство, и... все, что я терпел эти годы! Я хочу добра, а вы творите только зло! Вы не понимаете красоты! Вам только власть! А мне власть не нужна, мне нужна красота! Покой! И я буду лучшим Императором в истории! А вам пора на помойку, старые тупые пердуны!»

- Да, понимаю, господин! Я не подведу, господин!

- Хорошо. Иди. А я пока задержусь. Мне нужно еще кое-что обдумать, позаниматься делами...

«Знаю я твои дела, тварь старая! Твои дела зовутся Жежела Гладкая и Анрута Бархатная! Будешь ползать по полу в ошейнике и удовлетворять вонючим языком двух грязных шлюх, проклятый извращенец! Никогда не понимал этого развлечения: человек, который обладает такой властью и хочет получить еще большую, - наслаждается, когда его унижают две грязные шлюхи! Кстати, о шлюхах - нужно сходить, разрядиться. Нервы уже не в порядке...»

- Да, господин! Я жду известий! Всего хорошего, господин!

Атрап вышел из комнаты и быстро пошел по коридору к лестнице. Мимо толстой хозяйки с ее противной ухмылкой, мимо извозчиков, зазывающе машущих рукой, скорее - к морю! Туда, где стоит такой невзрачный на вид домик, в котором ждут хорошего клиента, радуются ему и даже... позволяют в долг. Увы, сегодня он не особо при деньгах, по крайней мере, для такого дорогого заведения, но идти в дешевое - себя не уважать! Ничего, ничего... скоро все женщины будут его! Все будет его! Только вот надо правильно провести эту партию, не

потерять раньше времени главную фигуру... впрочем - похоже, что боги за него! Все так хорошо получается, что и поверить трудно!

* * *

- Встать! Построиться! Доложиться, по порядку!

- Шорос! Зебер! Хагус! Адрус!.. Бетран! Расчет закончен, здесь десять Щенков, мастер!

- Принято.

Человек в неприметной одежде, похожий на купца, или на приказчика в лавке, или на трактирщика, или на ремесленника... на всех, кто живет в этой стране, тех, кто создает богатство Империи, незаметно, тихо уходя в историю, не оставляя в ней никакого следа - ни великими деяниями, ни громкими победами. Обычный человек, на которого два раза подряд не взглянешь без того, чтобы зевнуть и отвернуться в сторону.

Настоящий, опасный, смертельный, незаметный, как подкрадывающаяся чума, - убийца. Мастер Смерти Мангус.

Мастер обошел строй парней, каждому заглянул в лицо, в глаза, будто выискивая что-то особое, что надеялся увидеть в этих парнях, высушенных тяжелыми тренировками, как дерево южным ветром. Казалось - тронь этих мальчишек, и они зазвенят, как стальные клинки. Жесткие, недетские лица, обтянутые обветренной кожей, а главное - взгляд. Такой взгляд бывает у людей, которые видели все и вся и готовы ко всему, а главное - убивать и умирать. Как и положено воину.

Остановившись перед Адрусом, мастер смотрел в его лицо дольше, чем на кого-то другого. Что его привлекло? Известно только ему. Но он стоял и смотрел секунд десять, не меньше, разглядывая, будто неведомую зверушку. Постояв, ничего не сказал, пошел дальше.

Закончив осмотр, сел на табурет, закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди.

- Что, небось, думаете - куда попали? - человек, как две капли воды похожий на мастера боя Хангоса, усмехнулся, совершенно так же, как тот, - уголком рта, отчего лицо приобрело какое-то очень ехидное, злое выражение. Близнецы, что поделаешь? Немудрено...

- Мое имя Мангус, Мастер Мангус. Я буду учить вас тому, чему не учат никого в Империи, кроме таких, как вы, - верных Императору до последней капли крови. Мы набираем Мастеров смерти не каждый год, Мастера не нужны в таком количестве, как обычные Псы, и Мастера смерти не умирают так часто, как обычные телохранители или воины. Мастера смерти трудно убить, потому что нельзя убить Смерть...

Мангус помолчал, вскинул взгляд на учеников и добавил, слегка смягчив тон:

- Нам с вами предстоит быть рядом ближайšie полтора-два года. Раз в три года мы набираем группу Мастеров смерти, и я веду ее до выпуска, вернее - до того момента, когда решу, что ученик готов к работе. Это может наступить и через год, и через два, и даже через полгода, но такое бывает редко. Обучение серьезное и требует много времени и усердия.

Мастер на пару секунд замолк, а потом добавил:

- Сейчас и потом, во время обучения, вы можете задавать вопросы, можете спрашивать меня

обо всем на свете – я отвечу. Если это не государственная тайна. И вот еще что: все, что здесь происходит, все то, чему вы научитесь, услышите, узнаете, – тайна. Вы не должны открывать ее никому. За ослушание – наказание, вплоть до смерти, в зависимости от тяжести содеянного. Вы будете жить отдельно от всех – в своей казарме. Заниматься по особому распорядку – в том числе и в ночное время. Вы получили начальную подготовку, но с этого дня все изменится. Забудьте то, чему вас учили, теперь вы начнете с нуля. Итак, повторяю, задавайте вопросы! Кто первый? Ну – вот ты!

- Щенок Шорос, мастер! Эээ... это самое...

- Учись выражать свои мысли четко, без ээээ-ыыыы-беее! – ухмыльнулся Мангус. – Идиотов будем убирать. И, скорее всего, насовсем!

Мастер четким движением показал на своем горле, как это – насовсем, и так неприятно улыбнулся, что всем стало ясно – да, может! Никаких сомнений!

- Да, мастер! – побледнел Шорос. – Я просто пока не знаю, о чем следует спросить в первую очередь, потому и запнулся! Прости, мастер!

- Ладно... пусть будет так, – снова ухмыльнулся Мангус. – Итак, что в первую очередь спрашивают? Что вы должны спросить?

- Кто такие Мастера смерти и что они делают для Императора! – спокойно, бесстрастно спросил Адрус, не выходя из строя. – Щенок Адрус, мастер!

- Адрус, Адрус... – Мангус задумчиво посмотрел на Звереныша и кивнул, подтверждая свои мысли. – Ты знаешь, что я был против включения тебя в эту группу? Хочешь спросить – почему?

- Почему, мастер? – так же бесстрастно осведомился Звереныш.

- Да, я знаю, что ты победитель Отбора – кто же этого не знает? Знаю о тебе все, что можно знать – как и обо всех, кто тут есть. Но... ты слишком заметный. Слишком! Ты смотрел на себя в зеркало?

- Когда-то смотрел, мастер. Не помню когда.

- То-то же... ты слишком смазлив, слишком золотоволос, слишком голубоглаз! Ты какое-то ходячее произведение искусства, а не человек! Мастер смерти должен быть незаметным, как таракан, как муравей, как... в общем – тебя заметит любой, и любой тут же вспомнит тебя, когда придет время. Понимаешь? Нет – ты не понимаешь. Поймешь, потом, но будет поздно. Тебе нужно быть в телохранителях Императора или принцессы, а ты тут, в группе Мастеров смерти! Чуть! Бред!

- Мастер, я совсем не против, чтобы меня оставили в общей группе. У меня нет ни малейшего желания кого-то убивать и учиться искусству убийства. Если это возможно, я хотел бы покинуть группу.

- А кто тебя спрашивает, чего ты хотел бы! – нахмурился мастер. – Впрочем, как и меня. Ты будешь в этой группе до тех пор, пока я не решу, что ты закончил обучение, или пока ты не погибнешь во время обучения – случайно или намеренно – если откажешься выполнять то, что тебе приказывают командиры. Не все доживут до конца обучения, это ясно. Но те, кто выживет, – будут... хмм... в общем, убить вас будет трудно. Благодарю богов, что вы прошли

Ритуал, иначе... Ну да ладно. Итак, ты задал вопрос, Звереныш, что такое Мастера смерти. Отвечаю: это палачи. Да, да – палачи! Мы служим Императору, незаметно, не видно, тихо. У императора есть враги, которых ему нужно устранить. И сделать это официальным образом нельзя – будет слишком много проблем. Вы – его оружие. Вы его карающий меч. Понимаете? Ваша задача – проникнуть туда, куда никто, кроме вас, проникнуть не может, и устранить указанного вам человека. Мастера смерти были всегда, и будут всегда.

– Мастер Мангус, а кого и зачем мы должны убивать? За что? – Адрус смотрел прямо перед собой, как его учили, но боковым зрением видел, как насторожилось, затвердело лицо мастера.

– Запомни, мальчик, и вы все запомните. Вы в последний раз задали этот вопрос! Следующий раз последует наказание, и жестокое! Никогда, никогда вы не должны спрашивать, за что и зачем вы должны убить! Только имя жертвы – вот все, что вы должны знать. Имя и сроки – если понадобится. И больше ничего.

– А если это будет ребенок? Или женщина?

– Я же сказал – только имя жертвы, и больше ничего! Приказ – имя – смерть! Или умрете вы. И не важно, цель – мужчина, женщина или ребенок. Если вам приказали их убрать, значит, этот приказ исходит от Императора, значит, это государственное дело необычайной важности. Понятно?

– Понятно, мастер! – Адрус не шевельнул ни одним мускулом, застыв, как статуя.

– Это хорошо, что понятно. Умные вопросы ты задаешь, паренек, и... опасные. Очень опасные. – Мастер встал со стула, подошел к Адрусу и, взяв его за подбородок, впился взглядом в его глаза. – Ну что же, посмотрим, как ты себя покажешь. Посмотрим...

Мангус отошел к окну, встал спиной к ученикам и замер, глядя на пустой двор. Эта площадка находилась на закрытой территории, в Школе, за административным корпусом, там, куда Щенкам ходить запрещалось строго-настрога. Теперь будущие Мастера смерти поняли почему. Постояв, Мангус резко обернулся.

– Вы изучите приготовление ядов, узнаете, как ими пользоваться. Научитесь готовить противоядие – тот, кто работает с ядами, должен уметь приготовить противоядие. Хотя бы для себя. Кроме обычных тренировок с мечом, ножом и луком, вы будете заниматься с таким оружием, какого вы не видели никогда. Научитесь дышать под водой, лазить по стенам и еще многому из того, что необходимо Мастеру смерти для его работы. Теперь вам придется совсем туго. Раньше это были не занятия, а так... ерунда. Спать придется мало, работать много. Увижу, кто пытается увильнуть от занятий... в общем, не советую. Это будет страшно, и вы запомните наказание на всю жизнь. Уясните, если еще не уяснили. Вы должны исполнять приказ так, как вам сказали! Любой приказ! Без обсуждения! Без вопросов! Без сожаления и сомнений! За все нарушения – суть преступления – наказание жесточайшее, вплоть до смерти. Вы работаете на Императора! Не выполняя приказ командира, идете против Императора! А значит – кара! Еще вопросы есть?

– Вы изучите приготовление ядов, узнаете, как ими пользоваться. Научитесь готовить противоядие – тот, кто работает с ядами, должен уметь приготовить противоядие. Хотя бы для себя. Кроме обычных тренировок с мечом, ножом и луком, вы будете заниматься с таким оружием, какого вы не видели никогда. Научитесь дышать под водой, лазить по стенам и еще многому из того, что необходимо Мастеру смерти для его работы. Теперь вам придется совсем туго. Раньше это были не занятия, а так... ерунда. Спать придется мало, работать много.

Увижу, кто пытается увильнуть от занятий... в общем, не советую. Это будет страшно, и вы запомните наказание на всю жизнь. Уясните, если еще не уяснили. Вы должны исполнять приказ так, как вам сказали! Любой приказ! Без обсуждения! Без вопросов! Без сожаления и сомнений! За все нарушения – суть преступления – наказание жесточайшее, вплоть до смерти. Вы работаете на Императора! Не выполняя приказ командира, идете против Императора! А значит – кара! Еще вопросы есть?

- Какие же вопросы, когда за любой вопрос – кара! – мрачно заметил Саргус, стоявший сразу за Лебелем. Вся «команда» Адруса, с которой он выиграл Отбор, была здесь.

- Не придуривайся, – Мангус внимательно посмотрел на Саргуса, будто запоминая в лицо. – Я говорил про то, что нельзя задавать вопросы о причине отданных приказов. Что касается обучения, вопросов на тему: «Как лучше выполнить задание» – есть правильные вопросы, и обязательные. Если что-то не понимаете, что-то не получается – спросите. Вам расскажут и покажут. Вместе со мной вас будут учить два моих помощника – вы увидите их позже – и мастер снадобий. Его вы увидите сейчас, когда пройдете в лабораторию – вон та дверь.

- Мастер, а нам так и будут давать обеденное снадобье? – не выдержал Лебель, скривившись, будто в рот попало что-то тухлое.

- Что, не любите? – усмехнулся Мангус. – Противный вкус, да... знаю. Будут. И не в обед, а еще утром и вечером. Снадобье нужно вам для укрепления тела, для изменения его в нужном направлении, а также для укрепления духа. Кроме того – мы попытаемся достать из вашей головы магические способности. Мастер смерти, который обладает магией, ценится стократно! Но, честно сказать, – это редкость. Такие мастера появляются один раз в столетие. Если бы кто-то из вас обладал магией – мы бы знали это еще тогда, когда вас продавали на аукционе. Есть способы выяснить – обладает ли человек магическими способностями или нет. Вы ими не обладаете.

- Так зачем тогда пить эту гадость, если мы не обладаем магией?! – не унимался Лебель. – Меня каждый раз, как пью, с нее плевать тянет!

- Так надо, – ухмыльнулся Мангус. – Чтобы жизнь вам сладкой не казалась. Все, разговоры закончены, шагайте в лабораторию – начинается ваша новая жизнь! Да ладно, бодрее, Щенки! Вы теперь не Щенки, да и не Полупсы. Вы – Подмастерья! Вы вне общей системы! Вы – личные палачи Императора! Гордитесь!

- Как я горжусь тем, что я палач. Аж в штаны чуть не наделал, – тихо шепнул Лебель. – Всю жизнь мечтал кого-нибудь убивать! Особенно женщин и детей!

- А еще – вы будете получать жалованье в несколько раз больше, чем обычные Псы, – вздохнул Мангус и, отвернувшись, махнул рукой. – Вперед! Потом все узнаете и поймете... если сможете.

* * *

- Отлично! Ааааа! Я счастлив!

- Чему ты счастлив, болван? Нашел счастье, тоже мне!

- А разве не счастье? Все могло закончиться гораздо хуже! Нас бы продали какому-нибудь уроду, он бы сотворил с нами что-нибудь гадкое! А теперь? Кормят – как богачей! Ешь – что хочешь, вкуснятину! Живем – всего десять человек в комнате, а не сто пятьдесят! Сортир

отдельный, душ – разве не хорошо? Нет, что ни говори, а все-таки замечательно!

– Говоришь, могли сотворить с нами гадкое? А ты забыл, что за это мы должны убивать людей? Мужчин, женщин, детей... это тебе как? Ничего в твоей душе не шевелится? Сердце не щемит? А если бы нас послали убить твою мать? Отца?

– Леб, мы же для Императора это делаем! Вернее, будем делать! Для Империи! Для блага нашего Императора! Ты же знаешь...

– Для Императора, да. Но кто сказал, что мы должны этому радоваться? Мы не можем не выполнить приказ Императора, но... я не объясню тебе, если ты не понимаешь. Палач может понимать, что делает правильную работу, но при этом ему не нравится то, что он делает. Меня радует мысль о том, что я делаю это для Императора, но мне не нравится сама работа. Понимаешь?

– Бред все. Леб, ты как завернешь, так я просто с ума схожу – так голову заморочишь, аж уши вянут! Тьфу! Верно, Ад? Эй! Спит уже! Вот ведь счастливый! Чуть минута свободная – он спать! Не переживает, не волнуется! Аж завидно!

– Спать надо, болтуны! – Адрус недовольно зыркнул на соратников, чьи темные фигуры выделялись на фоне белой стены, и снова закрыл глаза. – На рассвете вставать, а вы не спите! Будете завтра, как тухлые рыбы!

– Не переживай... напоят нас пакостью, будем скакать, как олени! – хмыкнул Лебель. – Если бы не эта гадость, мы давно бы подошли! А ты что думаешь по поводу нашей работы? Или ты опять со всем согласен?

– Меня все устраивает.

– Его все устраивает! И убийства детей и женщин?

– Ты чего меня достаешь? Тебе что, кто-то уже приказал это делать? Отвали! И ложись спать, не нарывайся! Прикажут – убью кого угодно! И тебя тоже! Так что заткнись и спи!

– Уснешь тут! – Лебель улегся на постель и, отвернувшись от Адруса, тихо пробормотал: – Палач! Я – палач! Поздравляю, Леб, ты...

Адрус не спал. Он лежал, глядя в потолок, и думал о том, как же ему все-таки добиться своей цели. Теперь, когда его выбрали в эту группу, он отдалился от заветного желания – так казалось на первый взгляд. Ведь, будучи убийцей, Адрус не будет постоянно стоять за плечом Императора!

С другой стороны – а кто мешает обучиться мерзкому искусству убийства и, когда выйдет на волю, сделать то, что задумал? Почему бы не подождать?

Вот только насторожили слова мастера о том, что Адрус ему не нравится. В чем дело? В чем причина такого отношения? И чем это он, Адрус, так заметен? Парень, как парень! Чего Мангус докопался? Хотя... главное – это то, почему он невзлюбил Адруса, мало ли что бывает – ну нос его не понравился, или глаза не такие, нет, совсем не в этом суть дела. Как мастер поступит в будущем – вот в чем проблема. Если решит уничтожить ученика, сделать так, чтобы тот умер, – особого труда не составит. Вот только зачем ему это? Смысл какой? Выгоды не принесет... зачем это мастеру? Может, что-то чувствует, подозревает?

За судьбой Адруса точно следят, потому так просто у мастера эта пакость не выйдет, Мангус должен это понимать. Нет, не получится у него ничего. Не получится, если только Адрус сам не допустит ошибки. А он ее не допустит! Он не имеет права! Не дождетесь, твари!

За судьбой Адруса точно следят, потому так просто у мастера эта пакость не выйдет, Мангус должен это понимать. Нет, не получится у него ничего. Не получится, если только Адрус сам не допустит ошибки. А он ее не допустит! Он не имеет права! Не дождетесь, твари!

Успокоившись, Адрус закрыл глаза и через минуту уже спал.

Звереныш не спал. Он прислушивался к звукам в комнате, отслеживая все, что могло представлять опасность.

Звереныш никогда не спал. Пока не выполнено то, для чего он родился, Звереныш не уснет! Не уйдет! Не умрет!

Враги, кругом враги! Даже тут! Зачем Лебель расспрашивал его об отношении к приказам Императора? Сам? Или кто-то заставил спросить? Подозревают? Нет - если бы подозревали, никто и никогда не оставил бы его в группе убийц. Тогда зачем?

Может, стоит убить Лебеля? Можно, только что это даст? Лебель всего лишь оружие против него, Звереныша. Шпион. Лазутчик. А ведь так легко подойти к постели Лебеля, схватить за голову, крутнуть! И все! Никто не найдет убийцу! Можно сделать все тихо и чисто... оставив след на постели Шороса. И тогда подумают на него. И так ему и надо - до сих пор крысится из-за смерти своего друга Дегера. И его бы стоит убить. А что - двоих одним ударом. Этому башку свернуть, на другого перевести удар! Отлично, как настоящий убийца, Мастер смерти!

А может, Лебель не лазутчик? Просто дурак? Наивный парнишка, не умеющий придержать язык? Все может быть. Только от этого не легче. Нужно быть настороже! Как и всегда... Пока пусть живет. От мертвого будет больше проблем, чем от живого.

* * *

- Терпи! Терпи!

- Аааа... мать... Сломается!

- Не ломается. Терпи, сказал! Неженка! Баба! А вот так лучше?! Получи! Получи!

- Нет. Так хуже. Прости, мастер! - Саргус закусил губу, чтобы не разрыдаться от боли, от обиды, от ярости, но продолжил упорно выламывать свои ноги, развивая гибкость суставов. Получалось у него все это не очень хорошо - гибкость совсем не как у девушки и не как у ребенка. Но мастер был безжалостен.

Каждый день подмастерья тренировались, истязая свои тела, вырабатывая гибкость, принаравливаясь к жестоким требованиям. Выхода не было. Чуть замешкался - удар плетью! Замедлил движения - удар палкой!

Мастер был настоящим чудовищем. То, что подмастерья испытали до зачисления в эту группу, не шло ни в какое сравнение с нынешними истязаниями.

За те восемь с лишним месяцев, что парни занимались под руководством Мангуса, радости они не испытали. Боль, усталость - одуряющая, усыпляющая, валящая с ног. День за днем, ночь за

ночью.

Ежедневно их пичкали какими-то снадобьями, и не три раза в день, а чаще – еще и перед сном, на ночь, на рассвете, за завтраком и обедом.

Кроме снадобий, применялась и магия – с учениками регулярно занимался Дондокс. После сеансов лечения исчезали ушибы, растворялась усталость, и можно было снова и снова, раз за разом повторять те упражнения, что давал Мастер смерти.

А их было неисчислимое множество! Приемы рукопашного боя – такие приемы, в которых каждый удар, каждое движение смертельно. Если не знать защиты.

Подлые, смертельные удары, удары с отсрочкой смерти, с учетом движения лун и солнца, удары, убивающие внутренние органы, когда человек медленно умирает, и все потом думают, что он скончался от естественных причин.

Оказалось, можно ткнуть пальцем в определенную точку, и человек скончается через несколько дней, как если бы он заразился черной лихорадкой.

Можно хлопнуть ладонью в определенное место – зная как, с какой силой и в какое время суток – и человек скончается, если только его не очистят снадобьями и магией.

Это искусство само по себе было магией, магией черной, страшной, грязной, которая не нужна хорошему человеку, а дана миру в наказание, для того, чтобы человек истребил себе подобных, очистил мир от людей – главного Зла в мире.

По крайней мере, так думалось Адрусу. Хороший человек не мог придумать это страшное искусство, только злой, больной на голову, ненавидящий весь мир. И только злой, гадкий человек мог заставить людей применять полученные под палкой смертельные знания. Император! Негодяй из негодяев! И его приспешники.

Приемы фехтования – стальные мечи, затупленные, но опасные. Раны – рубленые, колотые. Мечи, хоть и тупые, рубили, резали, протыкали – кровоподтеки и раны не покидали тела подмастерьев. Как сказал мастер – так надо, чтобы боялись, чтобы знали: ранение может быть смертельным. Время деревянных мечей прошло.

Ножи – обычные и метательные. Для обычных свои приемы, такие же подлые, как приемы рукопашного боя. Для метательных ножей – свое умение. Теперь каждый из учеников мог легко засадить метательный нож в горло или в глаз противнику на расстоянии десятка шагов. А некоторые – в том числе и Адрус – гораздо дальше. Отравленные ножи, в канавке которых могут быть любые яды – от безобидного парализующего, после которого поболит голова, до смертельного, разлагающего плоть, превращающего людей в гниющих живых мертвецов, не подозревающих, что они уже фактически мертвы.

Звездочки – небольшие, трех-, четырех-, пятиконечные. Опасное оружие! Сами по себе не очень опасны – ну разве завалишь здорового бойца, закрытого кольчугой или пластинчатым доспехом такой вот звездой? Ну, попадешь ты в щель между доспехами, и что? Больно, неприятно, не смертельно и опасно... для метателя. Рассерженный человек, в которого воткнулась такая звезда, набросится с удвоенной силой и накажет обидчика!

Так можно было бы подумать, но это ошибка. Кончики звездочек мазались парализующим смертельным ядом, изготовленным Мастером смерти из обычных снадобий, которые можно купить в любой лавке травника. Смешать в определенных пропорциях, выпарить, загустить и...

вот тебе и яд! После такого ранения человек умирал уже через несколько часов – если не вмешается сильный маг-лекарь, но даже в этом случае половина отравленных умирает.

Духовые трубки! Адское изобретение. Небольшие отравленные стрелки летят не так далеко, но совершенно бесшумно и невероятно точно! Как и в тренировке с метательными ножами и звездами, нужно воспользоваться этим оружием двадцать тысяч раз. И ты будешь попадать туда, куда тебе нужно. Столько раз, сколько тебе нужно.

Опять же – хорошо мотивирует к тренировкам исполосованная плетью спина, с которой капает кровь. Волей-неволей ты будешь выполнять упражнения столько раз, сколько надо, и больше того. Даже если этого не хочешь.

Специальное оружие. Как оказалось, каждый из Мастеров смерти имеет свой костюм, в потайных карманах которого имеется тайное оружие и приспособления для выживания.

И чего там только нет! Отравляющий порошок, который ослепляет человека, трубка, чтобы дышать, сидя под водой, снадобья для приготовления ядов, противоядий, бодрящих, парализующих средств! Например, «Звериная лапа», с помощью которой можно как лазить по стенам, так и убивать людей. Стальные лезвия-крючки легко разрывают даже толстую кожу доспеха, чего уж там говорить о человеческой плоти.

Пластинка на запястье отражает удар меча, выбивая его из рук противника, «звериная лапа» разрушает его плоть. Если не убьет сразу, то калеккой сделает точно.

Луки, арбалеты – каких только тут не было! От обычных, охотничьих, простых, которые можно сделать самому, до сложных, могучих, составленных из кусков рога, с обратным изгибом, прошивающих стальную пластину, будто бумажную. И нужно было стрелять из них так точно, будто ты стоишь неподвижно, на твердой земле, а не скачешь в седле коня, управляя им одними коленями.

Да, подмастерьев учили и этому. Скакать на лошади так, чтобы всадник сросся с ним, образовал единое целое – смертоносное целое, это многие, многие часы тренировок. Каждый из парней умудрился свалиться не раз и не два – на полном скаку, рискуя потерять жизнь. Но никто не разбился насмерть.

Адруса слегка удивило это обстоятельство – почему нет тех, кто свернул себе шею или безвозвратно покалечился, а потом он понял – это результат тренировок, еще – изменений, которые претерпели тела бойцов. Действительно, мастера смерти убить очень трудно, именно потому, что он подготовлен к любым неожиданностям. Он умеет падать. Как кошка, всегда встающая на лапы. Обычный человек в таких условиях точно разбился, но только не Мастера смерти. И не подмастерье после восьми месяцев обучения и приема магических снадобий.

С закрытой территории подмастерья почти не выходили. Только для того, чтобы позаниматься с лошадьми, да в седьмой день – чтобы посетить храм Создателя или просто поболтать по территории и пообщаться с товарищами. Человек – стадное существо, без общения не может – наставники знали это наверняка. Потому и давали подмастерьям возможность общаться со своими бывшими товарищами. Почему бывшими? Для таких слов есть основания...

Полдня отдыха, пролетавшие так быстро, что воспоминаний о них не оставалось никаких. Честно сказать – большинство подмастерьев в эти полдня просто спали, отлеживались, зная, что этой же ночью, возможно, их заставят бегать, прыгать, метать и ползать, так что выспаться совсем не удастся.

Так было не раз и не два – десятки, сотни раз, когда теряешь сознание от усталости и недосыпа, когда только вонючее, горькое снадобье придает тебе силы и дает возможность делать то, что от тебя требуют.

Их учили красть – так же тихо, так же незаметно, как это делают рыночные воры, срезающие кошелек у зазевавшегося купца. Только здесь вместо купца был соратник, мастер или фигура человека, увешанная колокольчиками. Стоило задеть хоть один такой колокольчик – удар плетью. Стоило попасться «товарищу» – удар плетью. «Товарищ» не сумел заметить вора, дал себя обокрасть – удар плетью.

Плеть, плеть, плеть! За все – плеть! За малейшие нарушения, за лишние слова, просто за то, что не так встал, не так пошевелился! Черная, гибкая, с металлическим шариком, вплетенным в кожаный хлыст! Кто ее придумал?! Какая мерзкая, гнусная тварь? Учили вскрывать замки специальными отмычками, инструментами. Открывать запертые двери огненной смесью, кислотой, магическим амулетом. Для парней, которые жили в селениях, где не запирали двери и самого понятия «замок» не существовало, – это было очень сложно.

Наказания, наказания, наказания...

Через полгода они могли вскрыть любой замок – в полной темноте, на ощупь, войти в дверь так, что не скрипнет ни дверная петля, ни половица. Оказалось, что ходить по полу тоже искусство – не топая, не поскрипывая, тихо, как привидение.

Магия! Магические амулеты! Их было много, их нужно было заряжать у магов, уметь пользоваться, но... магия – штука неверная, легко распадающаяся под воздействием антимагических заклинаний, а потому нужно менять свою внешность не только с помощью магических амулетов, но и своими силами: краски, одежда, походка.

Мужчины, женщины, нищие и купцы, богачи и крестьяне, шлюхи и воины – десятки лиц, десятки ролей, которые исполнили подмастерья, пока не научились менять свою внешность с умением лесного малана, принимающего цвет и вид того предмета, на котором они сидят.

Теперь Адрус понял, почему Мангус был недоволен внешностью своего ученика. Адрус действительно излишне бросался в глаза. Ему следовало быть ни высоким, ни низким, ни толстым, ни худым, с серыми, невыразительными глазами, волосами мышинного цвета, с физиономией невзрачного крестьянского ублюдка, волей случая попавшего в людное селение.

Адрус был полной противоположностью этого персонажа. За то время, что он находился в рабстве, Адрус вырос на полголовы, плечи его развернулись еще больше. Он был похож не на Мастера смерти, а на танцора-акробата из бродячей труппы комедиантов, героя-любownika, который в свободное от представлений время подрабатывает, обслуживая одиноких и не очень дам, способных заплатить за услуги звонкой монетой. Это, хихикая, сообщил ему Атрап, сидя за столом во время очередного чаепития.

Не все, что хочется, исполняется сразу, это Адрус уяснил давно, потому оставалось только ждать и надеяться на то, что когда-нибудь ему представится случай добраться до Императора. А он обязательно представится, этот случай, Адрус в этом был уверен. Только вот задача усложнилась – нужно, оказывается, не только добраться и убить Венценосного, но еще исхитриться забрать его корону – как оказалось, эта корона имеет большое значение, так как является не только и не столько украшением, а еще и знаком императорской власти. Без нее никто не сможет стать властителем империи – по крайней мере, до тех пор, пока не изготовят новый экземпляр короны. Только надев корону, можно сесть на трон для коронации, и

вообще – сесть на него, потому что усилиями имперских магов сделано так, что тот, кто приземлит свою задницу на это изукрашенное позолотой кресло, тут же умрет, убитый смертельным заклинанием.

Оказывается, корона служила чем-то вроде ключа, позволяющего усидеть на императорском престоле. Надел корону – сел на трон – короновал священник – стал Императором. И только так.

Откуда пошли такие правила – никто не знал. Из глубины веков, само собой. В Империи много чего осталось от предков – иногда мудрого, иногда невероятно глупого, такого, например, как запрет разжигать костер и жарить мясо в храме Создателя, или же запрет беременным женщинам скакать галопом по улицам столицы, сидя в седле лошади по-мужски.

Как сказал Атрап: «Интересно было бы посмотреть на того придурка, который жарил мясо на костре, разведенном в храме Создателя, а еще пуще – на идиотку с животом до носа, которая мчится по улицам столицы верхом, нахлестывая свою безумную лошадь! Это надо быть настолько ненормальными, что такое странно даже для столичных жителей, отличающихся особо безумным нравом, время от времени подталкивающим этих людей к беспорядкам и смуте».

И о короне, и о коронации ему рассказал Атрап – само собой, под строжайшим секретом. Эти сведения были не для простого народа.

А еще он сказал, что когда Адрус убьет Императора, все Псы лишатся своей привязанности к Империи, до тех пор, пока не будет избран новый Император – и все повторится заново. После коронации Псы будут служить новому императору так же, как служили прежнему.

Что-то в словах настоятеля Зверенышу не нравилось. Он долго думал над услышанным и, в конце концов, пришел к выводу – все не так просто. Неужели все телохранители, все Псы будут спокойно стоять на месте после того, как он убьет Венценосного? Да, связь должна распасться, но как бойцы, нацеленные на поклонение своему живому божеству, отреагируют на его смерть? Атрап на вопрос Адруса сказал, что они, конечно, попытаются убить убийцу, но стоит выйти из их видимости, тот станет им неинтересен. Сомнительное утверждение. Но ничего не остается, кроме как поверить...

Адрус приходил к Атрапу каждый седьмой день, регулярно, не пропуская ни одного дня. В принципе – куда еще ему было идти? Что делать? Спать, как его соратники, валявшиеся на кроватях и храпевшие, как ездовые лошади?

Нет, задача Звереныша была совсем другой. И он не мог себе позволить тупое безделье. Настоятель давал информацию, и она была очень ценна. Потому каждый седьмой день он шел в храм. Под ухмылки «товарищей», которых удивляла такая истовая набожность.

Адрус уже знал многое из того, что хотел знать, – имя рабовладельца, организовавшего набег, имя воина, убившего отца и мать, имя его командира, надзирателей – всех, на кого должен был пасть гнев Звереныша. Всех, кто должен был умереть.

Имена ему дал Атрап. Настоятель, как оказалось, обладал многочисленными связями в столице, и не только в верхах, у вельмож – он знал многих купцов, торговцев, моряков и даже судебных следователей, расследующих уголовные и политические преступления.

Так шли дни, недели, месяцы, сливающиеся в одно целое, в поток, несущий Адруса-Звереныша вдаль, к его судьбе. И то, что она будет яркой и не очень длинной, – Адрус не сомневался.

Сегодня утром мастер объявил, что после обеда подмастерьев повезут в столицу, на тренировку. Какую тренировку – он не сказал, и по взгляду было видно – спрашивать себе дороже. Придет время – сам все расскажет. Так что никто на этот счет особенно не переживал. Научились не задавать лишних вопросов. Вернее, научили не задавать.

Предобеденная тренировка закончилась буднично, как и всегда – кого-то похвалили, кого-то поругали. Обычно ругали Саргуса и еще одного парня, которые никак не могли заставить свое тело двигаться с нужной скоростью и гибкостью, хвалили обычно Шороса и Лебеля, показывающих лучшие результаты.

Лучшие – если не считать Адруса. Но его Мангус обходил похвалой, невзлюбив с самого начала занятий. Впрочем – на любовь или нелюбовь Мастера смерти Зверенышу было плевать.

И он не сомневался, что когда-нибудь убьет Мангуса. Когда наберется сил, конечно.

Сейчас мастер был ему не по зубам. Мангус как-то продемонстрировал свои способности, легко разбросав всю кучу парней, которым приказал навалиться на себя всей толпой и попробовать сбить с ног. Не смогли. Впрочем – это было в самом начале обучения, и кроме того – Звереныш не брал тело под контроль, предоставив Адрусу заниматься всеми этими глупостями. Время Мангуса еще не пришло, так что пусть себе учит... на свою голову.

Прозвенел колокольчик к обеду, и подмастерья потянулись в столовую, сглатывая слюни и урча пустыми животами. Парни вначале удивлялись, почему они так много едят, но Мангус рассказал, что такой безумный аппетит у них потому, что подмастерья принимают колдовские зелья, ускоряющие процессы в организме. Бойцы, принявшие эти средства, быстрее двигаются, быстрее запоминают, быстрее наращивают силу и заживляют раны. Да, они платят за это своей жизненной энергией, но и ее восполняют колдовским зельем, другим – в котором есть все, чтобы восстановить запас сил.

Сегодня на обед были огромные куски мяса с овощами, густая бобовая похлебка и горячие лепешки со сладким вареньем. Мангус пояснил, что сладкое нужно для хорошей работы мозга, ведь если мозг не будет работать как следует, эффективность Мастера смерти будет гораздо ниже, а этого допускать нельзя. Мало владеть сотнями способов убийства людей, к объекту нужно незаметно подобраться, а после убийства так же незаметно исчезнуть, и для этого нужна умная голова, не такая, как у простого Пса, гордо разъезжающего на вороном коне.

Стоит заметить, что Мангус с неудовольствием и даже презрением отзывался о тех Псах, что не были Мастерами смерти. Причину этого Адрус выяснил случайно, когда мастер однажды проговорился, что Псы недолюбливают убийц вроде Мангуса, считая это занятие грязным и не достойным воина. Что, впрочем, довольно странно, если вспомнить, какому испытанию подвергаются все Щенки после Ритуала. И что человек, который раскромсал на части своего товарища, не должен задирать нос перед такими же, как он, только лишь потому, что они не разъезжают в красивой одежде на красивых конях, а выполняют волю Императора – тихо, без шума и помпы.

В этом Адрус был совершенно согласен с Мангусом, сам он считал Псов, и не только Псов, своими врагами, с которыми ему, возможно, когда-то придется вступить в бой.

Тот, кто за Императора, – против него, Адруса. Это ясно. Дружить с ними нельзя, только слегка пригласить, что-то вроде временного союза, пока не начнется то, что Адрус должен сделать.

Итак, по окончании обеда подмастерьев загрузили в два фургона, крытых плотной тканью, и

повезли – неизвестно куда, неизвестно зачем. В сопровождающих был сам мастер Мангус и два его помощника – Хевер и Детрес, ничем не отличающиеся от своего командира, кроме возраста. Эти двое были немного моложе. А так – звери зверьми, работающие плетью не хуже, чем сам мастер, умеющий одним ударом расплосовать кожу до самого мяса. И, кстати сказать, не позволявший лечить рану до конца дня. «Чтобы запомнили покрепче и больше так не поступали», – говорил Мангус, навесив на лицо свою обычную кривую ухмылку.

Фургоны медленно, важно выплыли из ворот Школы и поплыли по длинной дороге, сопровождаемые тремя всадниками в полном вооружении Псов.

Фургоны медленно, важно выплыли из ворот Школы и поплыли по длинной дороге, сопровождаемые тремя всадниками в полном вооружении Псов.

Мастера смерти сидели в фургоне, рядом со своими подмастерьями. Адрус понял, почему они в фургонах, а не в седлах, – не хотели показывать свои физиономии народу.

На облучках фургонов возчики, молчаливые, что казалось – им вырезали языки.

Молчали и подмастерья, хотя и были возбуждены, будто отправлялись на свидание с девушкой.

Первый раз, первый выход за стену Школы – что это будет? Никто не знал.

Глава 10

– Вы уверены, что нужно было так ускорять обучение? Ведь обычно вы учили Мастеров смерти не менее двух лет! – Император испытующе посмотрел на Вожака, на командира корпуса Псов, перевел взгляд в лицо начальника Секретной службы и покачал головой. – Прошло меньше года, а вы уже представляете мне этих парней, как готовых Мастеров смерти?

– Не совсем так, ваше императорское величество... да, мы ускорили их обучение, применяя специальные снадобья и магию. Это первый подобный выпуск, пробный. Отлично показали себя мастер Дондокс и его помощники – снадобья готовились в нужном количестве и такие, какие надо. Эти парни должны превзойти всех мастеров, что мы видели ранее. После необходимой подготовки, конечно. Они уже мастера, но чтобы достичь совершенства, им нужно заниматься еще год или два года, это уже ясно. Те, кто доживет, будут просто монстрами!

– Монстрами, – усмехнулся Император, поглядывая на дочь, которая сидела в окружении стайки компаньонов, дочерей глав дружественных домов. Принцесса печальна, под глазами темные круги – немудрено, после того, как над ней поработал придворный маг-лекарь!

«Ну это же надо дойти до такой глупости – забеременеть от слуги?! Проклятый ангелочек с золотыми волосами! Мерзкая тварь! Насекомое! Теперь его тело плывет к морю – безголовое, само собой. Мастер смерти сработал быстро и качественно, как и всегда. Глупая девчонка! Думает, парня отправили на юг, в дальнее поместье, небось, надеется с ним когда-нибудь увидеться, идиотка! Ничего, когда-нибудь спасибо скажет! Нужно выдать ее замуж, иначе снова придется вытравливать плод. Девочка давно развилась в женщину, кровь кипит... Понятно, что хочется мужской ласки – на то она и женщина! Но чтобы вот так?! Зачать от безродного идиота?!»

То, что он идиот, – ясно было с самого начала, только совершеннейший идиот будет думать, что

если он овладел женщиной, излил в нее свое семя – это пройдет просто так, без последствий! А если эта женщина еще и принцесса... ну на что он надеялся? Что его будут содержать, потому что он отец внука Императора? Смешно! Легче спустить его в канализацию! Вместе с мерзким плодом их незаконного соития...

Может, не стоило ее тащить с собой? Впрочем – она всегда любила зрелища... это семейное. Особенно кровавые зрелища. Нужно же чем-то отвлечь! Переживает... Нет, надо что-то с ней делать. Вот только что? Как оградить от любителей запрыгнуть в ее постель? Нужно будет хорошенько подумать на этот счет...»

– ...потому и принято такое решение, Ваше Величество! – закончил рассказ Вожак, поглядывая на задумчивого Императора. Похоже, что он и не слышал того, что ему говорил Вожак.

– Да, да, замечательно, Лаган! – кивнул Венценосный и спросил, встрепенувшись, как хищная птица, завидевшая жирную полевую мышь: – Откуда эти приговоренные? Кто такие? Где городской судья? Ах вот ты где. Доложи.

Сухой высокий человек в черной мантии встал со своего кресла, церемонно поклонился в пояс, протянул руку назад и принял от секретаря свиток, на котором стояла красная печать судебной канцелярии.

– Мне зачитать весь список, Ваше Величество? – почтительно осведомился судья, вглядываясь в безмятежное лицо властителя судеб человеческих.

– Нет! – поморщился Император. – Достаточно просто сказать на словах, не хватало мне рыться в именах ваших насильников, убийц и бунтовщиков! Просто скажи, за что осуждены и кто они.

– Хорошо, Ваше Величество! Всего – пятьдесят человек. Из них тридцать – уголовные преступники, двадцать – мятежники из Эгоса. Помните этот бунт, когда не хотели платить налоги и убили налогового сборщика? Вот! Это они!

– Так когда это было? Год назад! И все это время шло судебное следствие? – нахмурился Император. – Почему так долго?

– Ну... они у нас не одни, Ваше Величество. – Судья склонился в поклоне, пожав плечами. – Народ разбаловался, преступников много. Пока дошла очередь до них, пока разобрались, кто зачинщик, кто шел на поводу у негодяев – время и пролетело! Дознание – штука непростая. Опять же – дожидались вашего решения. Может, вы решили бы их помиловать!

– За такое миловать нельзя! – Император стиснул зубы, и на его холеных щеках прокатились желваки. – Нельзя нападать на государственных служащих! Даже если они были слегка неправы! Выполни требования, потом подавай жалобу! Эти люди заслуживают смерти! Если не поддерживать строгий порядок в государстве, оно развалится, сгорит в огне бунтов! Только железной рукой можно держать эту чернь в повиновении, только так!

Император поправил корону, покосившуюся на сторону, и огромный красный бриллиант-амулет сверкнул в лучах послеполюденного солнца, будто глаз хищного зверя.

Судья согнулся еще ниже, хотя куда уж больше – еще чуть-чуть и его лоб уткнется в каменный пол, вытертый за многие века тысячами и тысячами тех, кто когда-то обитал в этом дворце. Императорском дворце.

Зданию было не менее пятисот лет, а возможно, и больше. Даже драгоценные зеркала, перед

которыми сидела не очень многочисленная компания, были сделаны сотни лет назад. Прозрачные с одной стороны стекла были заколдованы древним магом-стеклодувом Арогисом, унесшим секрет с собой в могилу. Теперь уже никто не знал заклинания, которое могло укреплять стекло почти до твердости стали и делать так, чтобы зеркало могло менять проницаемость в зависимости от желания Императора. Достаточно прикоснуться к стеклу камнем королевского перстня, и оно делалось прозрачным с обеих сторон, снова коснуться – стекло с наружной стороны делалось зеркальным, оставаясь прозрачным из комнаты, где сидел Венценосный.

Злые языки поговаривали, что эти две комнаты были созданы древними властителями для того, чтобы подглядывать за парочками. Конечно, это все было злым наветом и клеветой... наверное. Но это и не важно. Кому какое дело, для чего были созданы эти две комнаты и чем в них занимались раньше. Теперь одна – она была выше другой – служила чем-то вроде зрительного зала, вторая – ареной... эшафотом.

Да, именно эшафотом. Здесь казнили тех, кто был осужден имперским судом – если, конечно, не нужно было сделать это прилюдно, на площади, при стечении народа.

Да, именно эшафотом. Здесь казнили тех, кто был осужден имперским судом – если, конечно, не нужно было сделать это прилюдно, на площади, при стечении народа.

Впрочем, публичные мероприятия в последние годы случались редко. Секретная служба не рекомендовала Императору часто появляться перед чернью – имелась информация о том, что готовится заговор, и можно ожидать покушения на венценосную особу.

Конечно, Император не был доволен – ни известием о готовящемся бунте, ни тем обстоятельством, что Секретная служба смогла узнать о том, что заговор готовится, но так и не нашла тех, кто его готовит. Говорили, что тот, кто сообщил о заговоре, исчез. По крайней мере, по словам начальника Секретной службы.

– Кто остальные? Ну... те. Тридцать человек?

– Негодяи, Ваше Величество! Убийцы, грабители, насильники, даже мародеры есть – пятеро солдат с границы, напали на местного купца, изнасиловали его жену, дочь, убили, ограбили. Попались патрулю на месте преступления. Начальник патруля оказался братом убитого и решил навестить того дома, так их и поймали. Немного не успел. Заслуживают смерти.

– Да уж... заслуживают! – Император свел брови и помотал головой. – Впрочем, не больше, чем бунтовщики! Те опаснее грабителей, убийц и насильников! После бунтов ущерб бывает таков, что это не сравнимо с гибелью какого-то там купца! Мда... Сядь на место.

Император небрежно махнул рукой, на которой сверкал перстень с таким же, как на короне, камнем, откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, обдумывая происходящее. Ему вдруг стало скучно, и представление уже не казалось таким заманчивым. Император любил кровавые игры, они его возбуждали, но... почему-то не сегодня. Возможно, так подействовало то, что произошло с дочерью? Она неделю рыдала, действовала на нервы, только сегодня слегка успокоилась, но физиономия была такой кислой, что это отбивало все удовольствие.

Задумался – может, отложить казнь? И тут же решил – нет. Пусть будет. Только растягивать ни к чему, пусть поделят преступников поровну и выпустят всех сразу. Один Мастер смерти – пять преступников. По жребию. Или как Лаган скажет – все равно. Смогут победить – пойдут в рудники. Не смогут – судьба их будет легче, ведь отправленные в подземелья медленно гниют заживо. Как обычно. Идиоты каждый раз надеются, что раз они живы, то смогут уйти от

справедливого возмездия! Сбегут или попадут под помилование... глупые скоты!

- Можно начинать! - махнул Император и жестом подозвал к себе принцессу. - Дочь, сядь ближе, отсюда лучше видно! И хватит, хватит дуться! От твоей физиономии вино скисает! Выпей для настроения! Сейчас начнется веселье - не пожалеешь!

Император вздохнул - ну какое, к демонам, настроение? Впору самому рубить головы осужденным - ярость кипит, и раздражение бьет в виски, разламывая голову! Хочется врезать по прекрасной (в папу!) физиономии дочурки, сбить с нее эту кислую маску!

- Налей мне вина!

Слуга быстро плеснул красной, терпкой, пахучей жидкости в синий хрустальный бокал, часть выплеснулась на белую скатерть, украшенную причудливыми кружевами. Пятно растеклось и стало похожим на кровь. Император вдруг ткнул пальцем в середину пятна, потер, поднес руку к лицу и понюхал, с наслаждением вдыхая терпкий запах. Вино и кровь - они так похожи, так красивы! И только они могут веселить сердце мужчины! Они, да еще женщины, и... власть! Власть над жизнью и смертью людей, и нет больше наслаждения, чем оборвать эту самую жизнь! Или знать, что всегда, в любой момент можешь ее оборвать... Это гораздо интереснее.

От предвкушения, а может, от выпитого бокала вина настроение поднялось. Император потер лоб - боль не возвращалась, и он окончательно успокоился. Когда в комнату за стеклом вошли будущие Мастера смерти, пристально всмотрелся в их лица, помедлив с полминуты, встал, подошел к прозрачной перегородке и коснулся перстнем стекла, тут же заискрившегося, заигравшего радужными всполохами. Теперь мастера могли видеть свое божество.

Подмастерья упали на колени, завидев Императора, возвышавшегося над ними, будто статуя на постаменте. Он постоял, наслаждаясь эффектом, и негромким голосом неспешно и важно начал:

- Мои верные слуги! Вам предстоит в очередной раз доказать свою верность Императору! Вы должны уничтожить тех, кого приведут в эту комнату. Людей, которые осуждены Императорским судом, людей, которые угрожают существованию Империи, тех, кто совершил страшные преступления, искупить которые можно только смертью! Они будут вооружены - Император милостив и дает им шанс остаться в живых. Если они смогут победить вас - я их помилую. Если нет... Вы должны убить каждого, не оставляя в живых никого. Это и кара врагам Империи, и ваш экзамен на готовность к работе, важной работе, которая очень нужна вашему Императору. Надеюсь, вы меня не подведете, Мастера смерти!

- Не подведем, Император! - единым горлом выдохнули подмастерья, согнулись, упершись лбами в пол, замерли, показывая Императору свои согбенные спины, как знак того, что они доверяют хозяину безраздельно.

Император еще постоял, наслаждаясь властью над самыми опасными людьми в Империи, потом снова махнул рукой.

- В добрый путь! Создатель с вами!

Стеклянная стена потухла, став зеркальной, непроницаемой, и в комнату к подмастерьям вошел Мангус - серьезный, как никогда.

- Ученики! Вам оказали доверие! Если вы его не оправдаете - умрете. Каждый из вас должен казнить пять человек. Их заведут в эту комнату, и вы будете их убивать. Так, как умеете. Они

будут вооружены, вы – нет. Можете делать все, что хотите, но эти люди должны умереть. Если они убьют вас – им даруется жизнь. Это милость Императора. Это их надежда, и биться за нее они будут насмерть. Вопросы есть?

– Кто первый? – Лебель мрачно взглянул на мастера, покосился на зеркало стены и нервно закусил губу.

– Это уже я решу, – так же мрачно ответил Мангус и, глянув в лицо Лебеля, усмехнулся. – Вот ты и будешь первым. Останься, все остальные за мной!

Подмастерья вышли из комнаты, оставив Лебеля стоять в одиночестве посреди комнаты. Никто не оглянулся, никто не сказал ободряющего слова – и так все ясно. Палачи – значит палачи. Пора привыкать. В любом случае – это не кто-то из товарищей. Не зря в самом начале их заставили кромсать тех, с кем они рядом ели, пили, спали, возможно, дружили. После этого любые чужие люди просто мишени. Тем более что осужденные вооружены и могут ответить. Если могут. А если нет – тем лучше. Еще меньше проблем.

Адрус шел в конце строя и думал о том, почему ему кажется, что Мангус что-то задумал? Почему он так ненавидит своего ученика? Когда мастер говорил, он не смотрел на Адруса, но Звереныш чувствовал – слова о наказании, о смерти тот говорил именно для него.

Адрус шел в конце строя и думал о том, почему ему кажется, что Мангус что-то задумал? Почему он так ненавидит своего ученика? Когда мастер говорил, он не смотрел на Адруса, но Звереныш чувствовал – слова о наказании, о смерти тот говорил именно для него.

Их вывели в коридор, провели по нему около пятидесяти шагов и оставили в комнате, где вокруг длинного дубового стола стояли скамьи.

Адрус вдруг подумал – сколько будущих Мастеров смерти прошло через эту комнату? Сколько убийц, сколько будущих покойников? Возможно, не все сегодня выживут после экзамена.

Кстати сказать, чего-то такого Звереныш и ожидал, какой-то подлости. А что еще можно ждать от этих людей? Добра? Добро они делают только для того, чтобы прикрыть свое зло! И больше ни для чего.

– Я чуть не описался! – с восторгом заявил Саргус, наливая в кружку из кувшина, покрытого каплями воды. – Когда вижу Императора, меня трясет от блаженства! Будто с женщиной побывал!

– А ты бывал с женщиной? – презрительно осведомился Шорос, глядя в стену, будто надеясь увидеть на ней картинки из своего будущего. – Тогда не болтай ерунды! И не пачкай имя Императора грязными сравнениями! Иначе я тебе башку разобью!

– Да я любя! – растерялся Саргус. – Ничего плохого не хотел сказать!

– Вот и не говори... ублюдок ростовский! – презрительно скривился Шорос и сплюнул под ноги Саргусу, едва не попав ему на ботинок. – Жалкая бледнолицая скотина! Надеюсь, что тебе сегодня оторвут башку!

– Шор, ты чего взбеленился? – растерянно пролепетал Саргус, оглядываясь на Звереныша, будто надеясь найти в нем поддержку. – Все мы любим Императора! Никто не хочет его оскорбить!

- Хочешь, тварь! Хочешь! Вы чужаки! Вам наш Император поперек горла, гниды! Я порву вас за него, гниды северные!

- Заткни хайло, тварь! - Звереныша затрясло от ненависти, и он до боли сжал пальцы в кулаки. - Еще одно слово, и я...

- Что?! Что «ты» - гнида?! - Шорос вскочил с места и, развернувшись, пружинисто подошел к Адрусу. - Думаешь, завалил Дегера, значит, Создателя за яйца держишь? Подстилка настоятелева! Как ты его удовлетворяешь, расскажи! Как вы это делаете? Он такой толстый, что ты, наверное, и член-то у него полчаса найти не можешь, да?! Или находишь?

Звереныш взвился с места и тут же заблокировал удар Шороса, направленный в горло. Ответная атака отражена - Шорос попытался взять его в захват, но тут же взвился вверх, выброшенный, как из катапульты. Звереныш использовал энергию нападения противника и запустил противника в воздух так, как учил Мангус.

Шорос приземлился на ноги, на стол, не сбив ни одной кружки или кувшина, и оттуда попытался достать Адруса ударом в висок, но... тут же с грохотом завалился на спину.

Веселье прекратил помощник Мангуса, ворвавшийся в комнату и мгновенно отвесивший удары направо и налево:

- Твари! Ни на минуту оставить нельзя, идиоты! Никакой дисциплины! Если останетесь живы - десять плетей каждому! Без лечения!

- Что происходит? - Мангус вошел следом за помощником, глаза его метали молнии, в руке плеть. - Кто начал?

- Шорос! Шорос начал! - торопливо пояснил Саргус, глядя на черную, извивающуюся как змея плеть в руках Мастера смерти. - Его не трогали, но он набросился на Адруса! Адрус не виноват, он только защищался!

- Обоим по десять плетей, - отрезал Мангус. - Нашли время и место! Ничего, скоро из вас выбьют всю дурь. Может, и с жизнью. Сели, заткнулись! А пока - вот вам, сверх обещанного, подарок, так сказать!

Плеть взвилась - раз, два, три... спину ожгло болью, но Звереныш сдержался - рано! Рано! Еще рано! Наступит день, когда ты будешь валяться дохлый, и эта плеть будет торчать у тебя в глотке! Или в заднице!

- Сидеть и ждать! - приказал мастер, подходя к двери. - Порядок! Молчание! Глупые твари...

* * *

В комнате все было слышно - так, будто бойцы стояли рядом и говорили над ухом. Император всегда удивлялся - с каким мастерством нужно было строить комнаты, чтобы неведомыми ходами звук передавался сюда без каких-либо потерь в громкости! Ощущение было такое, что звук даже усиливался, проходя неведомыми дорогами в толще камня - видимо, через отверстия под потолком, коих было великое множество. Казалось, что стену над стеклом изгрызли крысы, проделав в ней свои ходы.

А может, здесь поработала магия? Все может быть. Ходили легенды, что нынешняя магия - жалкие остатки великой магии древних, погибших в бесконечных войнах за власть над миром.

Вырождается магия, потому так мало осталось сильных магов, способных к великому колдовству.

Мастер смерти сказал свою речь, подмастерья вышли, оставив в комнате высокого, русоволосого парня с обветренным на солнце лицом. На нем отражались все эмоции, которые испытывал парень: волнение, отголоски страха, нетерпение, предвкушение, будто это было развлечение, а он – не убийца, заботливо выращенный жестокими учителями, а ребенок, собирающийся поиграть со взрослыми дядьками в их веселую игру.

Почти детское лицо, голубые глаза, пухлые губы – глуповатый, простой парень из деревни, который не видел ничего, кроме грядок пататов. Раб, воспитанный на плантации добрыми хозяевами, или один из тех ублюдков, что родились от связи свободной и постельного раба.

Скоро в Империи не останется чистокровных зануссов! Их место займут полукровки! – с усмешкой подумалось Императору, но тут же он замер, забыв о своих размышлениях. Началось!

Дверь в комнату открылась, в нее один за другим вошли пятеро. Это были трое мужчин и две женщины. Мужчины – от тридцати до сорока лет, женщины довольно молодые, двадцать с небольшим, может, даже моложе – возраст скрадывался плохим состоянием – изможденные, со спутанными, грязными волосами, в засаленных, местами разорванных платьях. Но даже в таком состоянии было видно – когда-то эти люди были вполне ухожены. Платья из недешевой ткани, да и лица не как у крестьян, не поднимающих глаз от грядки. Скорее всего, купеческие дочери. Что их толкнуло на бунт? Зачем надо было убивать императорского служащего? Только Создателю известно. Да самому покойному, давно съеденному червями.

Все пятеро держали в руках мечи и кинжалы. Женщины тоже, хотя и не вполне уверенно. Руки мужчин не дрожали, и было видно, что они умеют управляться с клинками – купеческая жизнь не такая сладкая, как можно подумать непосвященному человеку – грабители, пираты, пьяные или безумные солдафоны – купец всегда должен быть готов к неожиданностям, ведь они могут стоить не только денег, но и самой жизни.

Женщины купеческого сословия не отставали от мужчин – в их семьях все с малолетства владели оружием. Если мужчины отправились за товаром, кто остается в лавке? Кто защитит дом? Не рабы же...

Женщины купеческого сословия не отставали от мужчин – в их семьях все с малолетства владели оружием. Если мужчины отправились за товаром, кто остается в лавке? Кто защитит дом? Не рабы же...

Первым шел высокий мужчина с изможденным лицом и крепкими, клешнястыми руками, перевитыми крупными синими жилами. Он слегка прихрамывал – то ли после пыток на следствии, то ли из-за полученного когда-то ранения. Однако двигался мужчина уверенно, ловко, внимательно наблюдая за парнем, стоявшим посреди комнаты в независимой позе. Убийца стоял, чуть отставив правую ногу вперед и заложив большие пальцы рук за пояс, будто находился не на арене, а где-то на окраине деревни, поджидая запоздавшую подружку.

– Обходим его со всех сторон! Будьте осторожны! Этот парень не так прост, как кажется! – скомандовал высокий. – Бейте наверняка и не попадите по своим! Милая, будь осторожна, пожалуйста!

Одна из девушек, та, что повыше, с разодранным на боку платьем, из которого высовывалась вся в расчесах, но довольно красивая нога, коротко кивнула, показывая, что поняла команду.

Император усмехнулся – похоже, жена или любовница. Тем интереснее! За свою подругу мужчина будет драться до последнего!

– Красивая! – выдохнула принцесса, склонившись вперед, к плечу отца. Император оглянулся – дочь порозовела, глаза ее сияли, она, как и ее отец, любила кровавые зрелища.

Усмехнулся – хорошо! Развлекется, забудет своего золотоволосого, соблаздившего особу королевской крови! Поделом подонку! Вначале ему вырезали член, потом язык, потом нос, уши, пальцы... Когда остругали, как пень – отрезали голову, предварительно выколол глаза. Все, как повелел разъяренный монарх. В доказательство – принесли эти отрезанные части, как подарок любимому Императору. А когда посмотрел – выкинули их на помойку. Крысам. Один из мастеров смерти, незаметный, тихий человек, похожий на всех убийц, которые служили Венценосным. Мастер своего дела!

Осужденные окружили парня со всех сторон и стали медленно приближаться, держа мечи наготове. Когда подошли на расстояние прыжка, высокий с криком «Бей!» – рванулся вперед и опустил меч на голову мастера. Рядом с Императором кто-то охнул – то ли принцесса, то ли ее компаньонки, и он тихо, сквозь зубы выругался, как солдат гвардейской стражи, сам не замечая того – зрелище было великолепным!

Мастер стоял неподвижно, пока меч не начал опускаться на его голову, потом каким-то образом извернулся, и клинок, пройдя мимо цели, обрушился на плечо одного из нападавших, начисто смахнув руку.

Хлестанула кровь, одна из женщин громко завизжала, и за ее криком не был слышен хруст переломленных позвонков – убийца, который успел зайти за спину высокому мужчине, крутнул ему голову, и жертва уже падала на пол, закатив глаза, обмякнув, как тряпичный мешок.

Человек с отрубленной рукой еще не успел истечь кровью, когда Мастер смерти, подхвативший меч убитого, сделал выпад и всадил клинок ему в низ живота, распоров так, что оттуда кольцами начали выпадать фиолетовые внутренности.

Короткий замах – голова третьего мужчины покатила по полу. Женщины застыли, глядя на мертвых мужчин, и тогда мастер подошел и в два коротких удара срубил головы, так быстро, что жертвы, скорее всего, не успели даже понять, что настал их последний миг.

Однорукий еще подергивался в последних судорогах, и тогда «деревенский парень» подошел и ткнул мечом в сердце, оказав последнюю услугу, даровав быструю смерть.

Оставив меч торчать в теле убитого, мастер смерти подошел к двери, открыл ее и вышел, оставив за собой пять трупов, лужи крови и части тел приговоренных.

Прошло около минуты, дверь открылась, в нее вбежали люди в рабских ошейниках, которые сложили трупы, отсеченные головы и руку на носилки, которые затем так же быстро вынесли из комнаты. Лужи крови засыпали свежим песком из принесенных с собой ведер, оружие подобрали, подмели, и скоро комната приобрела прежний вид – если не считать кровавых потеков и брызг на стенах. Их пока никто не отмывал – все равно снова перепачкают, только время терять. Все потом!

– Великолепно! Это было великолепно! – выдохнула дочь. – Почему ты раньше не брал меня с собой на такое представление! Все один, да один! Какой парень! Какой мужчина! Ты видел, как он с ними расправился, видел?! Девочки, видели?

- Видели! - хихикнула одна из них, прелестная семнадцатилетняя Жезза, красавица, которую хотелось тискать и тискать, целовать и целовать - мечта любого мужчины!

Император сделал зарубку на память - нужно поближе познакомиться с этой красоткой! Что-то, но дочь умеет подбирать в свое окружение красивых девушек! Вкус у нее безупречен. Поговаривают, что она не прочь переспать и с женщинами... кстати сказать, почему бы ей не ограничиться компаньонками? Ну зачем надо было связываться со слугой? Дура!

- Я так возбудилась! - вдруг брякнула Жезза, облизнув губы красным язычком. - Это так волнительно, Ваше Величество! Это прекрасно! Спасибо, что пригласили нас на представление! Ваше высочество, вы правы, действительно великолепно! И парень был великолепен - конечно, не красивее нашего Императора - красивее его величества нет никого на свете! Но хорош, да!

Решив, что Жезза в ближайшее время обязательно окажется в его постели, Император сосредоточился на том, что происходило на арене.

А там появился новый персонаж - паренек среднего роста, неприметный, ничем не выделяющийся, даже ростом. Обычный парень - подмастерье сапожника или пекаря. Мазнешь взглядом и забудешь навсегда. И это хорошо для Мастера смерти. Настоящего мастера.

Когда на арену вышли осужденные, парнишка встрепенулся и снова замер: среди четырех мужчин была совсем девчонка - лет двенадцати, не больше. Полуголая, в разодранном платье, она неумело держала нож, прижимаясь к огромному, как бык, мужчине со здоровенным мечом в руках.

Трое других мужчин были крепкими, кряжистыми, как матросы купеческого корабля, или пираты - коими они, собственно, и являлись. Их прихватили в портовой харчевне - узнал один из купцов, чудом спасшийся с ограбленного корабля. Он и сообщил в стражу. Пиратов - троих из всех, что гуляли в таверне, повязали, благо что они нажрались так, что не могли не то что отбиваться от стражников - стоять на ногах. Теперь эти люди должны были расплатиться за свои преступления, а еще - за пьянство, которое, как известно, до добра не доводит.

Мечи они держали не то что уверенно - те в их руках шевелились, как языки змей, определяющих местонахождение жертвы. Короткие мечи в другой руке наготове, описывают в воздухе сложные фигуры, будто пишут на невидимой учебной доске.

Молча, без команд, троица начала охватывать парня полукольцом, и на секунду Император решил - этому «мастеру» конец. Было видно - тот побледнел, как если бы собирался упасть в обморок, будто нежная девушка, увидевшая кровь на уколоте иголкой пальце.

Мужчины бросились вперед, рассекая воздух мечами, засверкали клинки, добираясь до нежной плоти паренька! Секунда! Две! Три!

Как он выжил в этом стальном вихре - непонятно. Но только через три секунды все нападавшие лежали на полу - один ничком, второй на боку, зажав кровоточащее лицо, третий на спине, откинув голову так, что было ясно: он мертвее некуда - затылок был прижат к позвоночнику.

Раненый отнял руки от лица, Император с ужасом и восторгом увидел, что глаза мужчины свисают из глазниц на ниточках-тяжах. Парень умудрился ослепить противника за долю секунды так, что тот ничего не смог поделать, хотя и был раза в два массивнее, чем этот тощий юнец.

Парню тоже досталось – рукав рубахи распорот, левая рука свисает плетью и на пол часто капают красные капли, набираясь в приличную по размерам лужу.

Лаган позади Императора цыкнул зубом:

- Плохо! Нечисто! Саргус, демонов сын! Прикажу его высечь... если выживет.

- Не нужно, уважаемый Вожак. Парень отличный боец, эти разбойники совсем не профаны в воинском деле, это же ясно. Удивительно, как он еще остался жив?

- Пока жив. С таким ранением шансы его падают, – заметил командир Псов. – Он истекает кровью. Если не закончит бой быстро – тут и ляжет. Помните, пять лет назад – тогда трое выжили.

- Еще бы не помнить, – усмехнулся Император. – Они раскромсали вашего мастера, как повар оленину!

- Это были гвардейцы, – поморщился Вожак. – Опытные, умелые... и сытые. Потому – невелика честь!

- Ну да, ну да... – усмехнулся Император и снова замер, впившись руками в колени. Он был счастлив – ведь это прекрасно! Жизнь, смерть, власть – все слилось воедино, все выплеснулось на эту арену!

Парень медленно подходил к замершей паре – мужчина стоял неподвижно, глядя на приближающуюся смерть, девчонка застыла за спиной своего защитника, закрыв глаза, сжав пальцы в кулачки. Кинжал она уронила, защищаться ей было нечем. Впрочем – что может сделать молоденькая девчонка против обученного убийцы? Только плакать навзрыд – что она сейчас и делала.

- Что за девчонка? – вполголоса спросил Император, не отрываясь от зрелища. – Почему ее просто не продали с аукциона? Зачем портить товар? У нас не так много красивых рабынь, чтобы растрачивать их понапрасну!

- Это мое распоряжение, Ваше Величество! – вполголоса ответил Лаган. – Это необходимо для обучения. Подмастерья должны принять истину, что их цели могут быть не только взрослыми воинами, но и подростками, и даже детьми. Бойцы должны превратиться в бездумных исполнительных зверей, бесконечно преданных вашему величеству. Иначе не будут максимально эффективны.

- Тебе виднее, мой верный Вожак! – вздохнул Император, разглядывая довольно-таки соблазнительную девчонку. – Жаль, что такая красotka пропадает зря! Я бы не прочь был наставить ее на путь истинный... она почти созрела!

- Ваше Величество! Я готова к наставлениям! И я давно созрела! – откликнулась Жезза, и тут же вскрикнула, получив щипок от принцессы. – Ой! Ваше Высочество – больно!

- А ты сиди. И не напрашивайся запрыгнуть в постель к Императору! Ты моя компаньонка, или – его?! Папа, зачем ты соблазняешь моих девушек?!

- Извини, дочь... так получается, – ухмыльнулся Император. – Ты не отвлекайся, сейчас будет самое интересное! Смотри, что делается! Жезза – мы с тобой позже обсудим... зайди ко мне после ужина.

- Конечно, Ваше Величество... ой! Ну, Ваше Высочество! Ой! Больно же!

Мужчина на арене оттолкнул девочку к двери и стал перемещаться по арене, ускользая от Саргуса, который пытался его догнать. Явно хотел дождаться, когда тот ослабнет от потери крови, и уже тогда заняться им вплотную.

Саргус никак не мог сблизиться на опасное для того расстояние - гигант каким-то образом успевал убежать от противника, двигаясь мягко, как огромный зверь, крадущийся через джунгли.

Саргус был бледен, как мел, движения его замедлились, а кровь так и стекала по руке, орошая песок чередой густых вишневых капель.

И тут он изменил тактику. Бросившись к девочке, Саргус схватил ее, прижал к горлу меч, готовясь перерезать горло.

- Иди сюда! Ну! Бейся! - прохрипел он, не замечая, что острый, как бритва, меч прошел сквозь кожу девчонки и по ее незрелой, видневшейся в прорехи платья груди потек тонкий красный ручеек.

- Не трогай ее! - пробасил гигант. - Буду биться! Иди сюда!

Мужчина взмахнул огромным мечом, и тем, кто смотрел за представлением в комнате, показалось, что ветер от клинка коснулся их лиц. Конечно, это было иллюзией, но Император невольно потер подбородок, который пощекотал этот порыв смертельного ветра.

Саргус оставил девочку, вышел вперед и был награжден вихрем молниеносных ударов, каждый из которых мог рассечь напополам и не такого тощего парня, как он.

Зазвенела сталь - Мастер смерти неожиданно ловко отбил все удары, его скорость была очень высока, как будто не он только что, пошатываясь, пытался догнать ускользающего противника. Видимо, собрался с силами и выложился, как будто это был последний бой в его жизни. Что, впрочем, так и было.

Две, три, четыре секунды - Саргус отпрыгнул назад, к двери, а гигант застыл на месте, пытаясь зажать рукой широкую, булькающую и пузырящуюся рану на горле. Постояв, мужчина медленно осел на колени, потом рухнул ничком, подняв облачко мелкого сухого песка, тут же снова опустившегося на свое место.

- Папа! Папочка! Аaaa! Аaaa! Па-поч-каaaa!

Девчонка заголосила, зарыдала, завывала - безнадежно, страшно, разрывая сердце, забыв обо всем, кроме мертвого отца, из-под которого выплывала струя темно-красной жидкости, пропитывающей разбросанный ногами бойцов песок.

Саргус подошел к девочке сбоку, ткнул клинком между ног, немного выше коленей и что-то сказал, хрипло, неразборчиво - что именно, Император не смог расслышать. Брызнула кровь. Ее было много, девчонка буквально фонтанировала кровью.

Постояла несколько секунд, затем глаза ее закатились, и девочка рухнула на пол, больше не подавая признаков жизни.

- Что он сказал?! - возбужденно спросила принцесса, оборачиваясь к Вожаку. - Ты слышал, что

он сказал? А что сделал? Куда он ей ткнул? Неужели... туда?!

- Он сказал: «Прости, если можешь!», Ваше Высочество... Ткнул - куда? Он вскрыл ей бедренную жилу, после этого долго не живут. Безболезненная, легкая смерть.

- Ясно... - слегка разочарованно кивнула принцесса. - А я подумала он воткнул ей прямо в...

- Что за выражения, дочь? - недовольно покачал головой Император. - Ты где нахваталась этой гадости? От слуги, с которым ты... хмм... в общем - приличной девушке нельзя выражаться такими словами, сколько раз я тебе уже говорил?!

- Принцессе все можно! - дерзко бросила Агалана, фыркнув, как рассерженная кошка. - Если уж принцессе нельзя, кому тогда можно, папа?!

- Хмм... в твоих словах есть резон, - ухмыльнулся Император, подумав о том, что из этой дерзкой девчонки может получиться неплохая королева. Немного поумнеет, научится поступать правильно - и будет из нее толк. Когда-нибудь займет его место, и тогда... тогда она покажет, что такое Императрица Занусса! Вся в него, настоящая кровь в жилах, кровь Императора!

- Но старайся все-таки сдерживаться, дочь. - Император помолчал, обернувшись к Вожаку, довольно заметил. - Хороший бой! Видели тактику этого мужлана? Ждал, когда парень истечет кровью! А парень молодец - переиграл придурка! Хорошая работа! И не морщьтесь - то, что сделал этот парень - великолепно! Наградите его, он мне понравился, слышишь, мой Вожак? Награди его!

- Награжу! - бесстрастно заметил Лаган. - По заслугам награжу. - Голос его был настолько сух и холоден, что только тот, кто давно его знал, мог понять - дело неладно. И награда может быть совсем не той, на которую рассчитывал Император. Впрочем - тому было уже все равно. Он забыл о парне. На сцене разыгрывался новый спектакль.

Высокий, смуглый парень, явно из зануссов. Курчавые черные волосы, дерзкий взгляд. На щеке свежая царапина, будто кто-то хлестнул его плетью.

Пятеро мужчин - по виду уголовники - крепкие, сухие, шустрые.

Если бы Император попросил, судья бы ему рассказал - шайка Атлона Сопатого, попались по наводке осведомителя Секретной службы, когда принесли награбленное портовому скупщику. Тут их и взяли из засады. Они бы бегали еще долго, нападая на купеческие фургоны и состоятельных горожан. Но в дело вмешался случай - разбойники напали на груз, который принадлежал агенту службы, убили его помощников, сам он едва скрылся, прыгнув в реку и с трудом выплыв из порогов. Тогда и было решено взять дерзких грабителей «на горяченьком». Две недели все агенты работали на то, чтобы поймать негодяев, расстроивших планы Секретной службы. Взяли. И вот теперь их приговорили.

Сильные, ловкие, не сломленные заключением.

Впрочем - они и были-то в темнице всего около месяца. С ними в суде разобрались быстро. Выдали место своей «лежки», ну и... все. Приговор.

Разбойники обошли парня с разных сторон, он стоял так же спокойно, как и раньше, глядя вниз, будто что-то потерял.

Когда первый меч змеей метнулся к его груди, парень неспешно, будто нехотя, отодвинулся, пропуская клинок в подмышку, двинул рукой, и... противник выпустил рукоять, будто она была раскалена докрасна.

Лаган удовлетворенно хмыкнул – «укус змеи». Удар в точку, которая парализует мышцы руки, заставляя ее расслабиться, выводя из строя самое меньше на полчаса. Хорошая работа!

Клаш-клаш-клаш-дззззз!

Мечи сталкивались с такой невероятной скоростью, что уследить за ударами не было никакой возможности. Только звон, удары, хриплое дыхание, ругань и рев: «Ааааа! Тварь! Хрррррр...»

Через несколько секунд разбойники отскочили в сторону, заливаясь кровью. Никто из них не был смертельно ранен, но раны были ужасны: у одного не доставало уха, у другого – кисти, третий держался за окровавленный пах, четвертый лишился носа – черные дыры на его месте выглядели довольно страшно.

Но страшнее всех пятый – то ли прихоть судьбы, то ли воля убийцы, но его нижняя челюсть отпала вниз, обнажая красный язык. Зубы выбиты и валялись на полу. Кровь хлестала ручьем, заливая грудь широкой полосой. Он, конечно, умрет от потери крови, но не скоро.

- Играет! – с непонятной интонацией сказал командир Корпуса. – Давно мог их убить!

- Великолепно! – сдавленным голосом сказала принцесса, привставая с места. – О Создатель! Это великолепно!

Убийца постоял, будто наслаждаясь эффектом, потом повернулся к зеркалу, за которым сидел Император, и слегка поклонился, как бы давая знать, что делает все только для него.

Человек с отрубленной челюстью заметил это, захрипел, забулькал и вдруг со всего размаха метнул короткий меч, что держал в левой руке, прямо в зеркало, в Императора, невидимого за магическим стеклом.

- Ай! – принцесса снова вскочила с места, девушки рядом с ней взвизгнули. И даже сам Император невольно подался назад, будто меч мог преодолеть зеркальную преграду.

Увы, для разбойника – меч врезался в зеркало, оно загудело, заискрилось и отразило клинок, отправив его на пол, где он и успокоился, пробороздив в песке длинную черту.

- На моего Императора, тварь?! – Убийца одним прыжком оказался рядом с негодяем, скользким мягким ударом отвел его клинок, выставленный навстречу, и четким быстрым движением отсек руку у плеча. Потом тут же другую, затем подсек обе ноги, отрубив одну у колена.

Противник еще дергался в судорогах смерти, когда убийца начал кромсать его, нарубая на части, как мясник тушу свиньи. За секунды человек превратился в кучу кровоточащего мяса так, что невозможно было определить черты лица или очертания фигуры – куски мяса, кровь, желто-красное содержимое черепа, студнем лежащее на срезанной верхушке головы, как на кухонной тарелке.

- Для тебя, мой Император! – Убийца снова поклонился в сторону зеркала. – Да будут так повержены твои враги!

- Хороший парень! - выдохнул Император, пожирая взглядом прекрасную картину. Он так возбудился от вида растерзанного тела, что ему захотелось сейчас же подмять Жеззу, не обращая внимания на то, что вокруг люди, что он в кругу своих ближайших соратников!

- Склонен к излишней жестокости и комедиантству, - сухо заметил Лаган. - Когда-нибудь это может ему помешать.

Командир Корпуса и Начальник Секретной службы кивнули, подтверждая слова. На работе нет места эмоциям. Работа - есть работа, и не нужно смешивать ее с удовольствием.

Убийца снова постоял и начал приближаться к своим жертвам. Они отходили все дальше, будто пытаясь найти спасение в бегстве, но куда там - смерть, принявшая облик курчавого, неприятно улыбающегося парня, приближалась к ним неумолимо, мягким, тихим шагом, капая густыми красными каплями с острого, как бритва, клинка.

- Тварь! Не взять тебе меня! - вдруг воскликнул один из мужчин и, направив клинок себе в грудь, вонзил его в сердце, тут же свалившись на пол. Его рука успела сделать неприличный жест. Мастер смерти, презрительно скривившись, сплюнул, попав точно в глаз умершей жертве.

- Тварь! Не взять тебе меня! - вдруг воскликнул один из мужчин и, направив клинок себе в грудь, вонзил его в сердце, тут же свалившись на пол. Его рука успела сделать неприличный жест. Мастер смерти, презрительно скривившись, сплюнул, попав точно в глаз умершей жертве.

- Отлично! - расхохотался Император. - Если бы все преступники кончали с собой, совершив преступление, судья бы лишился работы! И вся его канцелярия! И Секретная служба!

- Так никогда не будет, Ваше Величество, - с кривой усмешкой заметил судья. - Чтобы преступник покончил с собой, его прежде надо поймать, а потом запугать до смерти таким вот монстром, которого воспитал Лаган! Поздравляю, Вожак, твои методы воспитания дают плоды. Я восхищен и мастерством, и невероятной жестокостью ваших парней! Только так и нужно искоренять Зло, чтобы оно не захлестнуло Империю!

- Да ты почти поэт, судья! - усмехнулся Вожак. - Никогда не думал, что у тебя есть поэтический дар. Может, и стихи пишешь?

- Может, и пишу! - легко согласился судья. - Талантливый человек талантлив во всем!

- Это верно! - азартно подтвердил Император. - Гляньте, что творит! Что творит! Слугам придется поработать метлой!

А на арене действительно происходило нечто ужасное - парень рубил оставшихся в живых людей, кромсая на части, разрубая, превращая их в фарш, в куски для жаркого - как мясник, как повар, как... зверь!

Когда он закончил, в комнате не было ни одного сохранившего конечности тела. Она была равномерно залита кровью и покрыта кусочками истерзанной плоти.

Закончив, убийца вышел, бросив меч на землю, но перед этим снова отвесил церемонный поклон зеркалу, присовокупив фразу: «Долгие лета Императору! Славься!»

- Грязная работа, - покачал головой Лаган. - Профессионал справился бы с ними за первые

секунды без излишней крови, позерства и избыточной жестокости. За этим парнем нужно присмотреть. Он может доставить проблемы.

- Ты всем недоволен, мой Вожак! - усмехнулся Император. - Этот дал себя ранить - плохой, этот слишком долго и кроваво расправлялся - тоже плохой. Хоть одного бы хорошего увидеть! Каким должен быть твой хороший, не подскажешь?

- Хороший мастер убьет жертву быстро и без мучений для нее - если не будет другого распоряжения. Он не будет наслаждаться страданиями жертвы - это непрофессионально. Не будет тянуть время, убивая объект, - это опасно, ведь чем больше находишься в контакте с жертвой, тем больше шансов, что тебя обнаружат, убьют или, того хуже - захватят и заставят дать показания. Представьте, Ваше Величество, если бы мы послали мастера смерти к врагам, и он, вместо того, чтобы быстро и эффективно убить, начал бы скакать и резать объект на части! Приговаривая: «Это для тебя, мой Император! Это для тебя, мой любимый Император!»

- Злой ты! - фыркнул Венценосный, настроение которого ничуть не ухудшилось. - Если бы ты не был предан мне до последней капли крови, я бы решил, что ты меня ненавидишь. Ну что плохого, если парень так любит своего Императора? Кстати, это твоя заслуга, ты хорошо его воспитал! Награди его. Я проверю!

Император укоризненно покачал указательным пальцем перед лицом бесстрастного Вожака, потом вдруг подмигнул и снова улыбнулся:

- Хороший сегодня день! Славно развлеклись! И дочь развеселилась. Спасибо тебе, Лаган.

- Всегда готов служить, Ваше Величество! - Вожак поклонился и снова выпрямился, наблюдая за тем, как рабы на арене делают уборку.

- Ну, кто там следующий? - Император радостно потер руки, потом взял со стола бокал и протянул назад, слуге, тут же наполнившему его вином. - Прекрасное вино, господа! Вы не стесняйтесь, наливайте! Нигде такого больше не попробуете!

«Кроме как у Атрапа, - усмехнулся про себя Лаган. - Хитрый толстяк! Нужно будет все-таки вызнать, откуда он берет императорское вино! Оно и правда великолепно».

Следующим был парень, чем-то похожий на первого - он быстро, без особых затей расправился со своими противниками. Потом еще один такой же. Потом еще...

Убийцы, осужденные, шли потоком, и к самому концу «представления» Император слегка устал, зрелище приелось, и он уже не с таким интересом смотрел на происходящее.

Внимание рассеивало и выпитое вино, после которого ему обычно хотелось поспать, и лучше - не одному.

Впрочем, сегодня Император должен был принять делегацию купцов из Омера, города оружейников и литейщиков, а потом, согласно договоренности - Хассар Лагузим, глава Дома Лагузимов, один из тех, кто испокон веков поддерживал семью Императора. Его нельзя было не принять - ничего политического, скорее всего, будет клянчить какие-то исключительные права, например - на торговлю коврами с дальнего юга. Вообще, честно сказать, эти верноподданные имели обыкновение зарываться, иногда стоило ставить их на место. Дай им подержать твой палец - отхватят руку по плечо! Время от времени в рядах сторонников нужно устраивать чистку - Император знал это наверняка.

- Сколько еще осталось? - Император вздохнул и, обернувшись к Вожаку устало потер глаза. - У меня скоро прием, пусть ускорят.

- Один остался, Ваше Величество. Все, скоро закончится!

- Скоро? - обиженно протянула принцесса, зарозовевшаяся, как цветок. - Я бы еще хотела посмотреть! Я не устала!

- Птичка не знает забот! - усмехнулся Император. - Пора тебя приучать к государственным делам. Сегодня со мной пойдешь на прием. Хватит чирикать с этими курицами!

- Ну па-а-ап! В другой раз, а? Па-ап! Не сегодня! - Агалана обиженно надула полные губки, но Император был непреклонен.

- Сегодня! Пора уже, хватит бездельничать! Неужели самой не интересно - власть, люди - все у твоих ног! Это куда интереснее представлений и глупых игр! Небось опять комедиантов решили притащить? Дурацкие пьесы, слезливые глупости? Или акробатов с голыми задками? Увижу это безобразие - я им шкуру спущу!

- А тебе, значит, можно - голых акробатов?! - покраснела Агалана и вдруг с силой хлопнула сложенным веером по макушке Жеззы. - Чего хихикаешь, дура?! Что я смешного сказала?!

- Дочь, ты зарываешься, - с достоинством бросил Император, демонстративно отвернувшись от обиженной дочери. - Я не хочу отвечать на твой глупый вопрос! Сказал - сегодня ты со мной, и все тут!

В комнате наступило молчание, все демонстративно уставились на арену, якобы не замечая размолвки в императорском семействе. На всякий случай. Ни к чему слышать лишнее, и уж тем более вставать между Императором и его дочерью - себе дороже. Приобрести в лице Агаланы опасного и злопамятного врага - не пожелаешь никому. Девушка отличалась взбалмошным нравом, была довольно-таки памятьлива, так что последствия могли быть просто катастрофическими.

А тем временем на арене появился новый персонаж. Не очень высокий, стройный юноша, до отвращения похожий на убитого недавно слугу принцессы - такой же золотоволосый, только не смуглый, а белокожий - там, где рук и шеи не коснулся загар.

Голубые глаза, настолько яркие, что и не верилось - едва не светились изнутри. Прямой нос, как у всех ростов, довольно полные губы - красивое лицо, но каким-то образом не делавшее его женственным, скорее наоборот. Эдакий герой-любовник из пьес бродячих комедиантов. Ничего от убийцы, увидишь такого - не забудешь! Как он будет скрываться среди толпы - совершенно непонятно!

- Я помню его! - внезапно воскликнул Император. - Он выиграл Отбор! Его зовут Ад... Аднус? Так?

- Нет, Ваше Величество, Адрус. Еще его зовут Звереныш, - сухо пояснил Вожак. - За жестокость и непреклонность. Он никому не позволяет себя обидеть - опасный парень.

- Только как его внешность соотносится со словами о том, что Мастер смерти должен быть незаметен? - усмехнулся Император. - Да его видно со ста шагов, не ошибешься!

- Вы сказали точно то же, что говорил его учитель, Мангус. Он был категорически против того,

чтобы брать Адруса в группу Мастеров смерти. Мне пришлось его даже наказать...

- Наказать? Мастера смерти? - расхохотался Император. - И не боишься?

- Я служу Вашему Величеству. Тот, кто обидит меня, - обижает моего Императора. Мангус не может меня обидеть. Я - ваши руки! Ваша воля! Дисциплина превыше всего, и Мангус плоть от плоти Школы! Что касается того, почему я настоял на том, чтобы его взять, - во-первых, он выиграл Отбор, где доказал свою силу и ум. А во-вторых... лучшего бойца у нас я не помню. У него один недостаток - он звереет. Он жесток. Нечеловечески жесток.

- Неужели более жесток, чем тот, кто раскрошил осужденных на куски? - усмехнулся Венценосный. - Не поверю! Этот красавчик? Дочь, ты видишь этого парня? Веришь, что он убийца?

- Я не могу поверить своим глазам! Он прекрасен! - Агалана кусала губы, впившись взглядом в мастера смерти, потом обмякла, откинувшись в кресле, наклонилась к своим девушкам и что-то прошептала. Те захихикали, прикрывая рот платочками. Император же недовольно покосился на бесстыдных девок - никакого стыда! Надо будет их наказать... по очереди. Впрочем, можно и всех сразу, почему нет?

Золотоволосый красавчик стоял, как статуя, - неподвижный, холодный, бесстрастный и... надменный. На неподвижном лице не было следов волнения, беспокойства, ярости или любой другой эмоции, присущей нормальному человеку. Глаза смотрели строго перед собой, моргая так редко, что мастер и вправду казался статуей, а не человеком. Он не смотрел на ползающих по углам рабов, собирающих оружие, засыпающих лужи крови, не смотрел в зеркало, за которым находится Император, - ему все безразлично.

Прекрасный мертвец - вот как охарактеризовал бы его Император.

Вошли пятеро мужчин. Высокие, мощные, каждый из них на полголовы выше Мастера смерти и шире его в плечах. В руках короткие клинки, что обычно носили гвардейцы и Псы. Парные клинки, с которыми они прекрасно умеют управляться.

Мужчины даже для непосвященного взгляда выглядели опасными - не такими, как этот красавчик, бесстрастный, как змея.

- Это те самые, гвардейцы, Ваше Величество! - шепнул судья, дохнув в ухо Императора запахом гнилых зубов и ароматической жвачки, тщетно пытающейся справиться с нечистым запахом человека.

- Ваш Мангус решил нас развлечь! - усмехнулся Император, отстраняясь от судьи и глядя на то, как мужчины медленно обходят золотоволосого по широкой дуге. - Похоже, он решил его умертвить. Парень не выдержит атаки, уверен! Я знаю моих гвардейцев, тем более - они вроде как сражались на границе? Опытные рубаки! Нет, не выдержит.

- Ставку, Ваше Величество? - вкрадчиво осведомился Лаган.

- Сколько? - довольно усмехнулся Император. - Тысячу ардам? Я меньше не ставлю.

- Согласен, Ваше Величество! - Лаган раздвинул губы в тонкой улыбке. - Может, повысим ставки? Я ставлю на то, что они все умрут. Кроме этого парня. Вы на что?

- Три тысячи - против парня! - тут же отреагировал Император. - Они его порвут!

- Принято! - кивнул Лаган. - Смотрим, Ваше Величество!

- Пап, я не хочу, чтобы его убили! - вдруг вмешалась принцесса. - Не убивай его! Па-ап! Оставь его в живых!

- Да я что... я его и не трогаю! - развеселился Император и даже радостно хрюкнул, тут же вытерев нос кружевным платком. - Это злодеи хотят убить!

- Ну и зачем ты?! Прекрасно понимаешь, о чем я говорю! Останови бой!

- Нет! И не думай! И вообще - мы ставки сделали, какое тут остановить бой?! Нет уж, смотри! Тем более что наш любимый Вожак гарантировал - парень всех убьет! Хе-хе-хе... Хватит кислых физиономий! Будет так, как я сказал!

А в это время стая зверей в человеческом облики начала медленно стягивать смертельное кольцо. Мужчины давно знали друг друга, понимали без слов, и лишь по незаметным жестам, кивкам головой было понятно, что бывшие гвардейцы переговариваются, координируя свои действия.

Парень их будто не замечал. За все это время он не шевельнул ни одним мускулом, не сделал попыток изменить положение тела, переступить с ноги на ногу.

Атака!

Пятеро бойцов бросились одновременно, сильные, быстрые, тренированные звери. Мечи рассекли пространство там, где только что стоял золотоволосый. Вот только он уже каким-то образом был позади всех, за спиной самого крупного из нападавших, и в его руке краснел некий предмет, похожий на свиную отбивную.

- Он ему горло вырвал! - возбужденно сказал начальник Секретной службы. - Вы только посмотрите! И даже в лице не изменился!

Парень равнодушно бросил на пол добытый трофей и шагнул в сторону, равнодушный, спокойный, как сама смерть.

Двое из бойцов, шатаясь, сделали несколько шагов и упали, зажав руками горло.

Трое других неверяще смотрели на убийцу расширенными от страха и удивления глазами. Все было слишком быстро и нереально. Этот парнишка не мог быть таким смертоносным! Это было все равно, как если бы на человека напал кровожадный плод патата и проткнул насквозь, не замарав мягкой шкурки!

Трое живых снова начали кружение, подкрадываясь к «жертве», будто уснувшей в десяти шагах от них. Потом один из них что-то сказал, сплюнул и вдруг резко захохотал, будто им овладело безумие. Он вдруг укусил себя за руку, потом зарычал, пустил пену и бросился вперед, на юнца, разглядывающего носки своих ботинок. Следом прыгнули два соратника, отрезая пути отхода Мастеру смерти.

Парнишка не уклонился, не отпрыгнул - он небрежно отвел от груди клинок меча, почти вонзившийся в грудь, и прямым, бесхитростным ударом кулака врезал в нос нападавшего так, что проломил череп.

Парнишка не уклонился, не отпрыгнул - он небрежно отвел от груди клинок меча, почти

вонзившийся в грудь, и прямым, бесхитростным ударом кулака врезал в нос нападавшего так, что проломил череп.

- «Кулак молотобойца»! - бесстрастно прокомментировал Вожак. - Хороший удар! Им и щиты проламывают!

Убитый бесноватый не успел еще упасть, как та же судьба постигла второго бойца - два сложенных вместе пальца пробили глаз и сквозь глазницу проникли в мозг, умертвив не хуже арбалетного болта.

Третий нападавший успел отпрыгнуть в сторону, бросил мечи и встал на колени перед зеркалом, умоляюще сложив перед грудью руки:

- Ваше Величество, помилуйте! Я воевал за вас десять лет! Вы - мой Император, я вас боготворю! Ваше Величество, что угодно - простите! Я не убивал! Не насиловал! Я ее только держал!

Залитое кровью товарищей лицо гвардейца было страшно, искаженное страхом, надеждой, отчаянием. Император напрягся, даже хотел встать, но не успел. За спиной мужчины выросла фигура убийцы. Он мгновенно схватил жертву за голову, повернул - шея хрустнула и сломалась. Глухой удар - крепкое тело упало на песок и затихло.

Золотоволосый оглянулся, увидел, что один из первых поверженных бойцов еще хрипит и булькает разорванной гортанью - могучее тело никак не хотело умирать. Он поднял с песка один из мечей, подошел к умирающему, задрал голову, взял за волосы, деловито, молча, стал перепиливать шею.

Движение - рана до позвоночника, нажим, хруст - голова в руках парнишки летит прямо к зеркалу, ударившись о стекло, оставив на нем кровавый потек. Следующий человек, и снова летит отрезанная голова. И так все до единого, под молчание в комнате наблюдений.

- Монстр! - сдавленно прошептал Император и уже громче добавил: - Ты был прав, мой Вожак! Это монстр! Он даже не вздрогнул, будто съел плюшку или выпил чашку сока! Страшный человек. Теперь я тебя понимаю! Кстати - он не воспользовался оружием! Голыми руками!

- Он очень дисциплинирован, - краем рта ухмыльнулся Лаган. - Заметьте, им было сказано: «У вас не будет оружия». Он его и не взял. Только чтобы добить, и все. Хорошая работа.

- Хорошая! - кивнули командир Корпуса и начальник Секретной службы.

- Я его хочу! - выдохнула принцесса и покосилась на отца. - Я имела в виду, чтобы он меня охранял! Папа, как это устроить? Его все равно нельзя в тайные убийцы, вы сами сказали! Почему бы ему не охранять меня? Он подходит на эту роль!

- Не сомневаюсь! - хрипло захохотал Император, чувствуя, как кровь прилила к чреслам. Нет, все-таки перед приемом нужно будет немного отдохнуть... с женщиной. Зрелище крови так возбуждает! А лекари говорят, что естественные желания сдерживать - вредить себе!

- Что это?! - вдруг встрепенулась принцесса. - Что происходит?!

В комнату вошли трое. Дети. Лет пяти-шести от роду. Две девочки и мальчик. Они с ужасом смотрели на залитую кровью арену, держась за руки, будто на прогулке с нянечкой.

Император бросил взгляд на Звереныша – нет, в лице парня ничего не изменилось.

– Дети главного бунтовщика, купца Онтораса, – шепнул судья. – Мы решили их казнить. Все проклятое семя под корень, чтобы неповадно. Чтобы знали! А потом их тела выставим на площади города, засоленные, чтобы дольше висели!

– Не люблю я, когда детей... – поморщился Император, потом просветлел. – Интересно, а как он с ними поступит? Сможет ваш Зверь их убить?

– Сможет, – уверенно сказал Лаган и с усмешкой напомнил: – А вы проиграли, Ваше Величество!

– Да ладно тебе... получишь свой выигрыш! – рассмеялся Император. – Помню! Я больше выиграл – ты мне преподнес великолепное оружие, моих Мастеров смерти! Я тобой доволен, Лаган!

– Спасибо, Ваше Величество! – Лаган кивнул и стал наблюдать за тем, как Звереныш медленно подходит к детям. Те даже не плакали. Они обреченно смотрели на убийцу широко раскрытыми глазами, потом девочка вдруг спросила звонким голосом, хорошо слышным в комнате наблюдений:

– Ты не сделаешь мне больно? Нельзя делать больно, мне мама сказала, так только плохие люди делают! Уходи! Ты нам не нравишься! Мы тебя боимся!

Звереныш подошел и положил руку девочке на голову. В другой у него был меч, помедлил...

И тут принцесса громко закричала:

– Не надо! Папа! Останови их! Не хочу! Она похожа на меня маленькую! Пусть живут! Я сделаю все, что ты хочешь, буду слушаться!

Император вскочил, подошел к стеклу, коснулся, и мгновенно оно стало прозрачным и передающим звук на арену:

– Стой! Остановись! Я запрещаю убивать их! – Император был доволен: принцесса все-таки покорилась. А что еще нужно отцу, чтобы у него поднялось настроение?

– Да, мой Император! – Звереныш встал на колени и поклонился Венценосному, упершись лбом в пол.

– Я доволен тобой, мастер! – Император вещал громко, пафосно, встав в красивую позу, и наслаждался произведенным эффектом – компаньонки дочери смотрели на него влюбленными глазами, и Венценосный уже представлял мешанину из голых молодых тел в его большой кровати.

Первый после Создателя. Кто ему может противиться на этой земле?!

Император Занусса! Гедрес Великолепный!

Император сел на свое место, сделав зеркало непроницаемым, обернулся к Вожаку и сказал мягким, бархатным голосом довольного жизнью человека:

– Завтра жду у себя в полдень. Отдам должок, заодно поговорим. Спасибо за представление, все было отлично! Верно, дочь?

- Верно, папочка! Я тебя люблю!

Агалана встала и порывисто поцеловала Императора в надушенную щеку.

День сегодня и вправду удался.

Глава 11

- Возможно, если бы ты их убил, сделал бы доброе дело... - Атрап поставил чашку на стол и печально посмотрел на Адруса. Ему было искренне жаль парня. Честно сказать, настоятель до конца так и не знал, какие гадости происходят в Школе. На испытаниях он не присутствовал, а Вожак о них не больно-то распространялся, учащиеся тоже почти ничего не говорили. Так... доходили отголоски, но ничего конкретного.

Нет, Атрап не осуждал такую жестокость - в белых перчатках политику не делают. Но он лично не смог бы так жестоко расправляться с людьми... сам. Или смотреть на то, как их казнят.

В этом нет ничего красивого. Грязь, кровь, вонь - это не для благородного человека, ценителя красоты! Для того и существуют палачи, исполнители! Тупые, толстокожие, жестокие люди! Не художники, не музыканты.

- Я думал над этим, - помолчав, сознался Адрус. - Их теперь продадут с торгов - я узнавал. Куда они попадут? Что с ними будет? Девчонка такая хорошенькая, глазищи огромные...

- Если бы Император не остановил - убил бы? - Атрап испытующе посмотрел в лицо собеседника. На лице Звереныша не дрогнул ни один мускул, только глаза вдруг застыли, глядя куда-то вдаль, за спину настоятеля, будто надеялись увидеть далекое будущее. Страшное будущее.

- Убил бы... - медленно кивнул Адрус. - Мне ничего больше не оставалось, кроме как убить. Я не могу не выполнить прямой приказ Императора, иначе меня заподозрят. Я не могу даже помедлить, выполняя приказ! Они следят за мной! Постоянно следят, ждут, что я ошибусь! Они везде! Твари!

- Они за всеми следят, не беспокойся, - пожал плечами Атрап и подумал о том, что парень все-таки свихнулся. Так сказал про слежку, что стало ясно - говорил обо всем мире, о всех людях. Звереныш живет во враждебном мире, где каждый ему враг! И хорошо, что таким врагом он не считает Атрапа!

- Следят, но не так, как за мной. Мангус меня просто со свету сживает! Последнюю неделю, после того, как я вернулся с испытания, он будто с цепи сорвался - спать не дает, гоняет! Конечно, не только меня, всех, но... я чувствую, я вижу, как Мангус пытается меня достать! Никого так не мучает, как меня! Будто ждет, что я сломаю себе шею! Не понимаю такого к себе отношения... за что?!

Атрап испытующе посмотрел на мальчишку, откинулся и не без труда завел пухлые ручки за голову. Нужно было решаться. Если уж начал - надо и заканчивать, иначе для чего все затеяно? Или ты веришь парню, или нет - другого быть не может.

- Вот что, мой дорогой... сейчас я тебе кое-что расскажу. Но ты мне пообещаешь, что никому

никогда не скажешь то, что тебе сейчас сообщу, хорошо? Иначе я сильно пострадаю.

- Конечно! - искренне и слегка удивленно воскликнул Адрус. - Ты мой единственный друг! Ну как я могу тебя предать?! Мог бы и не предупреждать...

- Да ладно тебе... - Атрап отмахнулся, он был польщен словами парня, совесть его кольнула иголочкой стыда, которую он тут же без труда переломил пополам и спрятал глубоко-глубоко, в самый дальний конец мозга, туда, где хранилось то постыдное, что он волей или неволей совершил в своей довольно-таки долгой жизни.

- Если тебя будут пытаться, да с применением снадобий, магии - все равно не сможешь устоять, потому не нужно давать лишних обещаний. Обещай только то, что ты можешь выполнить. А выполнить ты можешь вот что: никому по своей воле не говори то, что я сейчас тебе доверю. Все, молчи и слушай: позавчера я встречался с Вожаком и осторожно выяснил по поводу испытания, по поводу твоего Мангуса... ладно, ладно - не твоего! Школьного! Ненавидит он тебя за то, что его высекли. Не удивляйся - он такой же подчиненный, как и ты. Вожак лично дал ему пять плетей за то, что тот осмелился ему возражать. Мангус считает, что ты не можешь быть в группе мастеров смерти из-за бросающейся в глаза внешности, и что ты, со своими золотыми волосами и голубыми глазами, подставишь всех под удар. Ну и получил за свою строптивость. Теперь понятно, откуда ноги растут? Не из плеч - это точно.

- Теперь понял, - задумчиво повторил Адрус. - Он такой же, как и я... но это для него не оправдание! Интересно, скольких людей он убил?

- Да уж побольше тебя, это точно, - усмехнулся Атрап и продолжил: - А теперь держись за кресло, сейчас я расскажу тебе кое-что такое, что приведет тебя... хмм... в общем, ты удивишься.

- Я уже ничему не удивляюсь, - мрачно кивнул Адрус. - Не тяни, наставник, рассказывай!

- Скоро ты покинешь Школу, - бросил Атрап, невозмутимо и с удовольствием взглянув на лицо собеседника, брови которого вскинулись вверх. - Видишь, а ты говоришь «ничему не удивляюсь»!

- Говори, говори! - нетерпеливо выдохнул Звереныш, вцепившись в стол так, что побелели пальцы рук. - Как? Почему? Что это значит?

- Через полтора месяца ты покинешь Школу и отправишься служить во дворец, чтобы стать личным телохранителем принцессы Агаланы, наследницы престола. Она увидела тебя на испытании и пожелала, чтобы ты стал ей служить! Все идет замечательно, Адрус! Ты молодец! Мы сделаем то, что задумали! Кстати, я тоже покидаю Школу. Буду служить настоятелем храма Создателя на территории дворцового комплекса. Как получилось - тебе знать не надо, но главное - мы с тобой не расстанемся.

- Вот это новость, - слегка растерянно выдавил из себя Адрус, кусая нижнюю губу. - Я считал, что мне учиться еще года два, не меньше! Почему сейчас? Вернее - почему не сейчас, сегодня?! Тьфу! Запутался! В общем, почему через полтора месяца, а не сразу?

- Может, даже два месяца. Ты должен завершить программу обучения. За эти полтора-два месяца в тебя вобьют все, что нужно знать телохранителю принцессы, - от благородных манер до дворцовых порядков, чтобы ты не ошибся и не пропустил угрозу жизни дочери Венценосного.

- А что, и на самом деле есть такая угроза?

- Честно сказать – сомневаюсь. К ней не подступиться. Ее охраняют десятки Псов. Прежде чем дойти до этих Псов, надо преодолеть заграждения из солдат охраны, из гвардейцев. А кроме Псов, невидимые и неслышимые Мастера смерти, которые часто замаскированы под простых слуг. Их никто не знает в лицо, кроме командиров. Как и тебя. Кстати, и ты будешь якобы простым слугой, «подай-принеси». Никто не будет знать, что ты Мастер смерти! Кроме твоих командиров и тех, с кем ты обучался в группе мастеров. Но им прикажут молчать и тебя не узнавать, даже если встретят в переходах дворца. Вожак расскажет тебе все подробнее, в мельчайших деталях, я многого не знаю.

- Почему я? – Адрус нахмурился, и Атрап ощутил волну недоверия, исходящую от парня. – С какой стати я, недоученный Щенок?! Когда есть более достойные бойцы? Мастера смерти?

- Во-первых, ты практически готовый Мастер смерти. Тебе, само собой, никто не сказал, но группа, в которой ты был, особая. Не просто особая среди Псов – нет! Особая – даже среди Мастеров смерти! Обычно их обучают три года, но Вожак вместе с Дондоксом разработали новую систему – снадобья, лекарства, жесткое обучение. Мастера готовят за год, вбивая столько знаний, что без специальной магии мозг может не выдержать и закипеть! Вспомни, сколько раз в день вы пили специальные отвары. То-то же! Это все не так просто. И есть еще одно обстоятельство, на которое нужно обратить внимание... почему ты и был выбран на роль телохранителя принцессы...

- Что именно? – холодно осведомился Адрус. – Чего замолчал?

- Ээээ... в общем, похоже, что она тебя хочет как мужчину, – хмыкнул Атрап, побарабанив пальцами по столу. – По городу ходят слухи, что у нее был слуга, едва не как две капли воды похожий на тебя. Судя по описанию – золотоволосый, голубоглазый. Правда, пониже ростом, но... зато с большими амбициями и... хе-хе-хе... другими большими штуками! В общем – опять по слухам! – он заделал принцессе ребенка. Папаша взбеленился, ребенка из нее быстренько вытравили – благо, что мамки и няньки быстро заметили и отловили ее, пока пузо на нос не полезло. Ну а парнишка куда-то исчез. Куда, зная нрав Императора, можно легко догадаться. Доподлинно, конечно, ничего не известно, но информация вот такая. Понял?

- Не понял, – упрямо мотнул головой парень. – Это я что, вроде как бык-производитель? Или шлюха в мужском обличье?! Меня укладывают к ней в постель вместо этого парня? Потом она забеременеет, мне башку долой, а из нее опять ребенка выдерут? Ничего не понимаю! Вот мерзкие нравы! Мерзкая Империя! Зачем это надо?! Ей мало любовников на стороне, нужно раба?!

- Ты что, прикидываешься или на самом деле не понимаешь? – фыркнул Атрап. – Император не желает никакого ребенка ни от кого из слуг! Он подставляет тебя принцессе, чтобы обезопаситься от возможных неприятностей. Она все равно найдет себе любовника, только откуда-нибудь со стороны, и снова будут проблемы! А ты же – безопасный, преданный до последней капли крови, опять же – телохранитель, который порвет кучу народа, но не даст погибнуть принцессе! Ну и ей... вроде для здоровья, и без проблем!

«Только потом он все равно решит отрезать тебе башку, но это потом. А пока ты будешь фаворитом, со всеми вытекающими... хе-хе. Но ты успеешь сделать то, что мы задумали. Я задумал!»

- Опять не понимаю! – скривился Адрус. – Как это, без проблем?! А если она забеременеет от

меня?! А еще - ну зачем я ей нужен, ведь я еще никогда не был с женщиной! Что я умею?! Что я знаю?! Только опозорюсь!

- Ну... насчет «не умею, не знаю» - это легко исправить. Деньги есть - тебя ведь наградили за испытание. Сколько там было?

- Двадцать золотых... ардам, так сказал Вожак. Я не знаю ваших денег... много это или мало?

- Да ты богач - с точки зрения крестьянина! И даже простого горожанина. Ты можешь купить раба - не очень дорогого, но можешь. Или рабыню. Можешь купить дом - не очень хороший, и не новый, но можешь. Коня, седло, оружие. Год питаться по трактирам - не особо шикарно. Много чего можно купить на эти деньги! И шлюху, например! Десятки шлюх - и самых дорогих, и самых дешевых - но этих не советую, потом на лекарях разоришься. Теперь такая зараза ходит - не успеешь оглянуться, как носа уже нет, и в дырки на его месте сочтется гной! Я потом тебе скажу, какую мазь надо применять, чтобы не поймать заразу. Девки бывают с виду красивые, чистые, а нутро все засеяно демонами, зараза так и ждет, чтобы прилипнуть и обосноваться в тебе до смерти. Твоей смерти. И еще, мне кажется, в эти два месяца Вожак позаботится, чтобы ты показал себя во всей красе. Научат. За счет Школы.

- Ты не о том говоришь. Я опять спрошу: если принцесса забеременеет от меня - мне башку свернут?

- Хмм... если забеременеет, то - да. - Атрап помялся, помолчал и, глядя куда-то в сторону, добавил. - Только этого не будет. Не хотел тебя расстраивать, но... у тебя не будет детей. По крайней мере ближайшие двадцать лет.

- Почему? - Адрус не удивился, чего-то такого он и ожидал.

- Потому что снадобья, которые вы в Школе пьете, не очень хороши для семени. Вы пустые - на ближайшие двадцать лет...

- А может, и больше, чем на двадцать, - равнодушно закончил Звереныш. - За этот год я уже столько снадобий выпил, что этого хватит лет на сто!

- Может, и так, - сокрушенно вздохнул Атрап и, поглядев на спокойного Адруса, удивленно спросил. - Тебя это не расстроило? Такое известие привело бы в ужас любого из зануссов! Почему ты так спокоен?

- Я никогда не думал о том, чтобы завести своих детей, - так же равнодушно ответил Адрус. - Мне кажется, я не создан для семейной жизни. Притом что не рассчитываю долго прожить.

«Это ты правильно! Такова жизнь, мой мальчик... увы, ты послужишь великому делу, но сам умрешь. Не бойся, твоя гибель не будет напрасной! Под правлением умного, просвещенного Императора Занусс будет процветать! Я открою школы, детей будут учить грамоте, счету, искусствам! Искусство спасет мир! Красота! И я увековечу тебя в полотнах и памятниках, мой юный друг! Прости, но чтобы добро восторжествовало, нужны жертвы...»

- Я понимаю тебя. Ладно, к делу. Ты будешь рядом с Императором, станешь видеть Венценосного довольно часто... сравнительно часто. Но ты не должен убивать его без моей команды.

- А как я узнаю, когда эта команда поступит? И вообще - когда начнем действовать?

- Я все скажу. Вначале заверши дела здесь, потом укрепись во дворце, дождись, когда я там обоснуюсь, и вот тогда... Нужно подготовить переворот - убийство Императора - это полдела. Нужно сделать так, чтобы страну не охватил хаос, иначе будет беда. Всем беда!

- Я понял. Ну ладно, мне пора! - Адрус встал из-за стола, сумрачный, рассеянный. От него исходила смешанная волна недоверия, злости, некоторого разочарования и... сожаления. Неужели все-таки переживал из-за того, что у него не может быть детей?

Звереныш пошел к двери, почти вышел за порог, но... остановился, обернулся и спросил:

- Принцессу тоже нужно будет убирать?

- Ээээ... конечно! - слегка запнулся настоятель. - После Императора она первая наследница! Оставь ее в живых - начнется суэта, вокруг нее могут собраться сторонники, подчинят ее своей воле и заставят делать то, что им надо. Постараются вернуть все к прежнему, к тому, что было во время правления ее отца. Нам же этого не надо? Ну вот! Я все тебе скажу, не беспокойся!

Адрус кивнул и вышел, оставив настоятеля сидеть в одиночестве.

Атрап посидел еще минут пять, потом встал, подошел к рисовальному станку и осторожно потрогал пальцем нанесенную на холст краску. Она уже подсохла, не пачкала кожу, и настоятель удовлетворенно кивнул головой - хорошие краски продал лавочник! Самые лучшие в городе. Но когда он, Атрап, станет Императором, у него будут самые лучшие краски в мире!

Усмехнулся - почему это в последнее время он рисует все больше в красных тонах? Только сейчас обратил внимание - красное солнце освещает красный берег, на который выплескиваются красные волны, на берегу стоит человек в форме Пса, освещенный красными лучами вечернего светила, руки его будто обагрены кровью. Голубые глаза светятся, как алмазы, и это единственный не красный цвет на картине!

Мир залит кровью! - вдруг пришло в голову настоятеля, и он поежился. Предчувствие? Предзнаменование? Почему ему все последние ночи снятся кошмары? Он куда-то бежит, прячется, ждет смерти, а она неумолима - топает по коридору черная фигура, но вместо Ножниц Судьбы, которыми она отрезает нить жизни человека, в руках Смерти короткие мечи, которыми вооружены Псы. Черные, вороненые мечи.

Атрапа передернуло. Прошлой ночью он едва не увидел лицо Смерти, а ведь поверья говорят, что тот, кто увидит ее лицо, долго не проживет, что смерть за ним придет, и скоро! Впору не спать... начать пить снадобья?

Помотав головой, чтобы отогнать дурные мысли, настоятель подошел к шкафу, вынул оттуда запечатанный кувшин, небольшой нож с треснутой рукоятью, соскреб воск с толстой пробки, поддел ее - хлоп! Пробка покатила по полу, скрывшись под рисовальным станком. Хрустальный бокал до краев наполнился пахучей рубиновой жидкостью.

Атрапа передернуло. Прошлой ночью он едва не увидел лицо Смерти, а ведь поверья говорят, что тот, кто увидит ее лицо, долго не проживет, что смерть за ним придет, и скоро! Впору не спать... начать пить снадобья?

Помотав головой, чтобы отогнать дурные мысли, настоятель подошел к шкафу, вынул оттуда запечатанный кувшин, небольшой нож с треснутой рукоятью, соскреб воск с толстой пробки, поддел ее - хлоп! Пробка покатила по полу, скрывшись под рисовальным станком. Хрустальный бокал до краев наполнился пахучей рубиновой жидкостью.

Атрап жадно осушил до дна, выдохнул и налил еще. Через минуту почувствовал, как живот наполнился теплом, оно распространялось все дальше, и когда дошло до головы – проблемы стали не такими уж серьезными, страхи отступили, забылись ночные кошмары, а перед глазами засиял красный камень-амулет императорской короны.

Неужели он все-таки добьется? Неужели поднимется на самый верх? Незаметный настоятель заштатного храма...

Ну, погодите, вы, мерзкие заносчивые идиоты!

Наступит, наступит его время... и мир запомнит Императора Атрапа Великого!

* * *

- Почему тебя кормят отдельно, Звереныш? – Шорос с интересом посмотрел на то, как Адрус собирается к выходу, покрутил головой и, ехидно улыбнувшись, добавил: – Наверное, чтобы ты нас не перекусал, безумец?

- Точно так, – легко согласился Адрус, не глядя на парня. – Боятся – вдруг я закушу чьей-нибудь щекой?

- Сумасшедший! – презрительно бросил Шорос и на всякий случай отодвинулся подальше, мало ли что на уме этого ненормального? В последние дни и правда его кормят отдельно, куда-то уводят, и возвращается он далеко за полночь, чтобы с рассветом, как и все, бегать, метать, колоть, рубить – в общем, делать то, что делает нормальный убийца, доводящий свое искусство до совершенства.

Но все сгорают от любопытства – куда же уходит Адрус?

Спросить?

Во-первых, спрашивать не принято и наказуемо – получить плетей никто не хочет.

Во-вторых, Звереныш все равно не ответит, и только уставится своими безумными синими глазами, будто баран на придорожный столб. Захочет – сам скажет. Вот только он еще ни разу не захотел.

Легко поднявшись на ноги, Адрус прошел через комнату, вышел, прикрыл за собой дверь, исчезая в полуденном мареве нагретого воздуха.

Шорос фыркнул и бросил вслед ботинок, глухо ударившийся о косяк.

- Сука! Наглая сука! Ненавижу! Ну что уставились?! Вы, что ли, его любите?! Рожи сделали такие, будто говна наелись!

- С тобой поговоришь – как говна наешься, точно! – сухо заметил Лебель, зашнуровывая ботинок. – Ты тупой скот, вот ты кто! Дождешься – Звереныш тебя выпотрошит, как твоего дружка Дегера! Чего ты так за него встрял? За Дегера этого? Все отомстить хочешь! Любовник твой был? Поговаривали насчет этого, но я не верил... а теперь – верю! Что ты-то такую морду соорудил? Сожрать хочешь?

- Я говно не жру! Оставляю его для ростов! – хрипло выдавил из себя Шорос. – Если бы не наши законы, я бы...

- Я бы, я бы... головка ты от копья бы! - равнодушно заметил Лебель. - Просто знаешь, что не осилишь, а еще - нарвешься на плети. Вот и не решаешься. Наша жизнь принадлежит Императору, потому покушение на нее - преступление. Помнишь, что говорил Мангус? То-то же. И Звереныша ты боишься тронуть. Он тебя просто порвет. И всех порвет. По одному и скопом. Скажи спасибо, что он такой спокойный и терпеливый парень, иначе ты давно бы уже кормил крыс в могилке на горе. В общем, слушай, придурок! Нам надоели твои выкрутасы. Всем парням надоели! Решили - еще устроишь представление, мы не будем тебя бить, просто заявим по командирам, дойдет до Вожака - а ты знаешь, как он относится к нарушителям и как он ценит Адруса... и тогда тебе не позавидуешь. На крест!

- Да, Шорос! Нам надоели твои игры, - мрачно бросил Саргус, вставая рядом с Лебелем. - Мы сейчас все в одном трюме, должны поддерживать друг друга, а ты творишь смуту! Можешь и не дожидаться креста. Уснешь, и мы тебя просто удавим. И пусть потом нас порют. Всех не перебьют! Зря учили, что ли? А тебе будет уже все равно.

- Что, все так думают? - Шорос затравленно оглянулся вокруг, парни стояли молча, потом один кивнул головой, другой, третий...

- Все верно парни сказали! Нет тут ростов или зануссов, есть мастера! Есть Псы! И чем скорее ты это запомнишь, тем лучше, иначе можешь не дожить до двадцати лет, это я обещаю тебе, Хисер Гарис, сын Унафа! И мне похрену, что я тоже, как и ты, занусс! Мы уже давно никто! Так что заткни свою поганую глотку и живи, пока можешь, понял, дерьмо? Спрашиваю - понял?!

Крепкий, низкорослый, но невероятно сильный Хисер подошел к Шоросу и внимательно заглянул ему в лицо. Кивнул, отвернулся:

- Он понял. Пошли, братья, жрать охота, аж пищит все! Да и на плети нарываться неохота. Время уже, пора.

Из комнаты выходили, не толкаясь, без смеха и ругани. Впрочем, как и всегда, после того, как побывали во дворце. Казнь преступников не то чтобы надломила парней - трансформировала, изменила, сделала взрослее. Они побывали на краю пропасти, заглянули в глаза Смерти, оборвали чужую жизнь, вкусили первую кровь, как щенок, которому заботливая мать принесла свежепойманную добычу, истекающую вкусной пахучей красной жидкостью.

Бывшие Щенки, бывшие Подмастерья стали взрослыми, вот и все.

Шорос постоял, дождавшись, когда все выйдут из комнаты, потер ладонями щеки, побелевшие от страха, ненависти, злости и разочарования, стер с лица эмоции и вышел следом, решив для себя, что когда-нибудь за все рассчитается. Со всеми! И в первую очередь - со Зверенышем! Эта тварь заслуживает мучительной смерти, точно!

* * *

- Взят! Да что ты его тащишь, как кусок говна! Легонько! Вот так! Подай - с поклоном, с поклоном, демоны тебя заberi! Так, тут же отходишь, пятишься - не поворачивайся к особе королевской крови своим рабским задом, тупой идиот! Ну, селянин! Плетью бы тебя! Нет, нет - не надо! Это я так просто, к слову! - толстый человек плюхнулся на стул, едва не развалившийся под его тяжестью, и, вытащив огромный носовой платок, вытер лоб, с которого скатывались капли пота.

- Как вы тут выживаете, в такой жаре? - сказал он, шлепая жирными губами. - Я тут всего

ничего пробыл, а уже мокрый, как под дождем побывал! Гхмм... а вы оба сухие, как будто в холодном погребе сидели! Как так может быть?! Магия?!

- Жрать меньше надо, - фыркнул помощник Мангуса, поматывая черной плетью, свисающей из руки. - Хватит сидеть, работай! Тебе деньги за время платят, нехрен расслаживаться! Учи парня!

- Учю, учю! Век бы вас не видать! Смотри - вот эта вилка для...

- Жрать меньше надо, - фыркнул помощник Мангуса, поматывая черной плетью, свисающей из руки. - Хватит сидеть, работай! Тебе деньги за время платят, нехрен расслаживаться! Учи парня!

- Учю, учю! Век бы вас не видать! Смотри - вот эта вилка для...

- Рыбы, - перебил Адрус. - А эта - для мяса. Это бокал для вина, этот для сока... я знаю. Нас учили, не трать время.

- Ну... эээ... хорошо! - слегка растерялся мужчина. - Тогда давай сначала. Вот тебе сказали подать блюдо с пирожными, какой рукой ты это сделаешь?

- Правой. И только правой!

- Хорошо. Идем дальше. Попросили налить вина?

* * *

- Дама уронила платок. Что ты сделаешь?

- Подниму, подам.

- Нет! Ни в коем случае! Не вздумай! Только если она прикажет тебе его поднять! Ты слуга! А платки так просто не роняют! Может, она нарочно его уронила, чтобы интересующий ее мужчина поднял и подал? Чтобы обратил на нее внимание? А тут ты вылезешь с твоей тупостью! Дальше - смотри сюда: веер. Ты знаешь, что веером можно подавать сигналы, разговаривать?

- Да. Я умею разговаривать на языке веера. Знаю язык жестов. Язык цветов.

- Отлично! Непонятно только, чему я должна тебя учить, - ты все знаешь!

- Энера, ты прекрасно знаешь, чему его нужно научить... в комнату! Туда! Адрус, вперед! Получи снадобье.

- Что с ним делать?

- Она тебе расскажет. Ты в ее распоряжении, делаешь все, что она прикажет! И смотри, плетью - вот она! Старайся! Хе-хе-хе...

Комната ничем не отличалась от строгой, даже бедной комнаты, в которой жили остальные подмастерья, только в несколько раз меньше размером. Стены, выкрашенные бежевой масляной краской, небольшое окно, застекленное кусками бесцветного мутноватого стекла, выдавший виды стол темного дерева, скамья, два стула и кровать - большая, двуспальная, застеленная свежим бельем. За дверью в углу слышно журчание воды - сортир, душ - как и

положено. Чего-чего, а воды здесь хватает, спасибо предкам, построившим каналы прямо с вершины горы.

Женщина лет двадцати пяти – тридцати, красивая, но какая-то потертая, побитая жизнью. Одежда – прежде дорогая, но совсем не новая. Потухшие глаза, волосы уложены довольно небрежно. Кто она? Откуда? Зачем здесь?

Не обращая внимания на Адруса, быстро разделась, сложив одежду на скамью, повернулась к «ученику», нимало не стесняясь наготы, спокойно предложила:

- Ты раздевайся пока что, я схожу в туалетную комнату. Кстати, никогда не говори сортир или что-то подобное. Только туалетная комната или «место уединения». Дамы не ходят мочиться или облегчаться – «попудрить носик», или «посмотреть на звезды». Понял?

- Понял. Только как мне сообщить, что я желаю в туалетную комнату? – Адрус был бесстрастен, как обычно, хотя внутри у него все тряслось от предвкушения, и кровь прилила к паху.

- Просто: «Я вас покину на минуту!» Объяснять ничего не нужно. Или так: «Разрешите мне покинуть вас на минуту?» Этого достаточно.

Женщина кивнула и, слегка качая бедрами, пошла туда, где журчала вода. Ее тяжелая, упругая, слегка обвисшая грудь с крупными коричневыми сосками колыхалась в такт шагам, и Адрус невольно сглотнул слюну, заполнившую рот, – все-таки он был существом мужского пола и такого возраста, когда бросаются на все, что шевелится и отдаленно напоминает женское тело. Потому при виде такой картины трудно не возбудиться...

Когда она пришла, Адрус все еще стоял одетым, медленно расстегивая крючки на рубашке. Женщина недовольно поморщилась, отбросила на скамью полотенце, которым вытирала упругие бедра, подошла и, положив руки на плечи парню, сказала, глядя ему в глаза:

- Послушай меня внимательно. Как мне сказали, ты отправляешься во дворец, чтобы охранять некую важную особу. Мне не сказали какую. Но имеющий мало-мальски развитые мозги догадается, о ком идет речь. Так вот – она искушена в постельных утехах и очень любит тех, кто так же в них разбирается. Я не знаю и не хочу знать – зачем они хотят, чтобы ты подольше задержался возле этой особы, но я должна сделать все, чтобы ты не опозорился! А для того ты будешь выполнять все, что я скажу, быстро и без раздумий. Я не твоя любовь, не твоя мамочка, чтобы подтирать тебе сопли! Считай, что я твой боевой товарищ, командир, который отдает приказы. Не хочу напоминать о том, что за дверью стоит остопоп с плеткой, которой он умеет и любит пользоваться, потому давай не будем осложнять друг другу жизнь и постараемся провести эти часы как можно приятнее. Если это возможно, конечно. Расслабься, считай, что ты пришел на свидание к своей девушке, не нужно меня стесняться, и вообще – ты должен забыть слово «стеснение»! Если уже не забыл, конечно... я знаю, что такое Школа. И что такое рабы. Я сама бывшая рабыня, и того, что мне пришлось пережить, хватит на сто жизней. Что у тебя в руке? Ага! Это специальная мазь, называется «любовная смола». Ты уже был с женщиной? Когда-нибудь?

- Нет. Никогда.

- О Создатель! Да что мне все время достаются девственники?! – женщина вздохнула, потом обвила руками шею Адруса и нежно поцеловала его в губы. Он остался неподвижен, нем, и тогда женщина хлопнула его ладонью по щеке:

- Не стой, как истукан! Целуй меня! Ну! Да целуй же, истукан каменный! Вот так! Поцелуев существует множество видов, я тебе о них расскажу и покажу. Ты должен внимать и впитывать, внимать и впитывать! И разденься, демоны тебя унеси! Ну!

Адрус разделся, и женщина с удовольствием осмотрела его тело сверху донизу, задержавшись взглядом в паху. Потом кивнула головой на дверь в сортир:

- Иди, ополоснись. Никогда не влезай в постель к женщине грязным. Запомни - хоть и говорится, что мужчины должны пахнуть мужчинами, - женщины терпеть не могут вонючек! Неназываемое лицо очень любит ухоженных, чистых мужчин, пахнущих притираниями и духами, похожих на ее отца. Потому не вздумай вести себя как свинопас, моющийся один раз в месяц, и то когда упал в реку с глинистого обрыва! Давай, пошел! Мыло вот возьми и вымой все хорошенько, особенно причиндалы!

Адрус надраивал себя так, как никогда в жизни. Ради дела! Нужно же исполнять приказ командира! Даже такого...

Когда вышел - женщина в красивой позе полулежала на разобранной постели. Почему-то сразу бросилось в глаза, что на ее теле нет волос - раньше не заметил, замороженный впечатляющей грудью. Дама была не худая, длинноногая, с хорошо выраженной талией, и Адрус отметил для себя, что физические упражнения ей не были чужды.

«Кто она?» - билось в голове, и Звереныш в мозгу насторожился. Он не любил неизвестность, готовый к любой пакости, которую подбросит судьба. Всего неизвестного надо опасаться - или убежать, или убить!

- Иди сюда! - низким, грудным голосом сказала женщина, и Адрус покорно полез на кровать.

- Ложись, я тебя осмотрю! Да, развит очень недурно. Я думаю... хмм... твоему объекту ты понравиться. Вот так... нравится? Лежи спокойно... да, хорош! Целуй меня. Грудь целуй, уделяй внимание соскам... погладь, да... Ты должен меня разгорячить! Чтобы я изнемогала от страсти! Вернее, она! Чтобы мечтала о тебе, о твоём теле! Слушай меня, ты должен...

* * *

- Аххх! Вот так! Осторожнее, не спеши, демоны тебя унеси! Помедленнее, чувствуй меня! Запомни - ты должен удовлетворить *меня*, а не заботиться о своем удовольствии! Твое - вторично! Что, не нравится это слышать? А ты как думал? Теперь ты знаешь, что чувствуют шлюхи в борделе! Думаешь, они радостно пицат от каждого клиента? Запомни - они ненавидят каждого мужика, что пришел тыкать в нее своим грязным, больным, вонючим причиндалом! Знай это - и... делай то, что должен! Кстати, всегда применяй «любовную смолу» с незнакомыми партнершами. Во-первых, смола действует как противозачаточное средство, во-вторых, и самое главное - она убивает заразу. Ну и смазывает - учти, что партнерши не в восторге от тебя, а раз так - можно натереть себе... «насухую». Тот, кто придумал «любовную смолу», - гениальный лекарь, да не съедят его черви до конца! Давай, давай, не спи! Шустрее! Возьми меня руками вот так... да, да... хорошо! Подожди... дай я сменю позу. Вообще - поз существует великое множество, но девяносто процентов из них применяются только идиотами, начитавшимися дурацких древних трактатов врачей-извращенцев. По-моему в таких позах можно только дурака валять, а не заниматься любовью. Эти проклятые лекари напридумали, сидя в своих комнатухах над пергаментом - от скуки, а наши идиоты думают, что так и надо! Так вот - все это чушь и бред. Хотя знать нужно.

- Я знаю. Мне давали читать такой трактат.

- И ты все запомнил? Впрочем - чего это я, ты же Пес... вас опаивают, как... В общем - ясно. Я вот так встану, бери меня за бедра... да поаккуратнее! У тебя нехилое копьё!

* * *

- Ффуххх... устала! Молодец. У тебя хорошо получается, - женщина устало потерла лоб, привстала, села на край кровати, достала из пояса, лежавшего рядом, какую-то черную таблетку. Сунула в рот, зажевала, облегченно вздохнув. По комнате поплыл резкий запах чего-то ароматного, сладковатого. Глаза партнерши заволкло туманом, они увлажнились, и женщина вытерла их запястьем:

- Никому не говори про жвачку, хорошо? Нужно же сбросить напряжение... привычка. Я на юге работала, привыкла...

- Ты... шпионка? - спросил Адрус, глядя в голую спину женщины, украшенную татуировкой с неведомым крылатым существом.

- Ну... в общем - да. Агент секретной службы, - бездумно выпалила девица и тут же спохватилась. - Я тебе ничего не говорила! Понял?! Ничего!

- Я никому не скажу, - бесцветно пообещал Адрус.

- Скажешь! - усмехнулась партнерша. - Прикажут, и скажешь. И я скажу. Мы принадлежим Императору. И я тоже проходила Ритуал.

- Женская Школа? - У Адруса невольно брови поднялись вверх. - Псы-женщины?!

- Иногда нас зовут Сучки! - хохотнула Энера. - Мы не совсем то, что Псы... такого обучения, как у вас, нет. Другое. Но я не могу об этом говорить. Лазутчицы, одним словом. Агенты. Я провинилась, теперь делаю то, что прикажут. Как рабыня. Грязную работу. Впрочем, а кто я такая? И ты - разве не раб? Все мы рабы! Какая у тебя гладкая кожа... я ведь тебе почти что в матери гожусь, вот же... мда! Хорошо, что ты не жирный старик, под которого и ложиться-то противно! Так противно, что хочется выbleвать на его противную лысую макушку!

- Ты и со стариком ложились?

- И со старухой. И даже с их... хмм... собакой. Да нет, шучу! Насчет собаки. Хотя... всякое бывает!

Женщина закусила губу и замолчала, глядя в пространство, будто разглядывая что-то из прошлого - мерзкого, неприятного. Ее гладкий лоб пересекла глубокая морщина, которая тут же разгладилась. Помолчав, продолжила:

- Все бывало. И молодые, и старые... старики, старухи, инвалиды, больные, здоровые... Человек в постели много расскажет, если его правильно спросить - так, как тебя учили. Ну ладно, слишком много болтаю. Это жвачка... никак не могу отвыкнуть. Да и не хочу. Без нее было бы совсем плохо! Не советую пробовать - потом не отвыкнешь.

- Мостор вызывает зависимость после десятого приема. Если употреблять долго, разрушает тело и мозг. Отвыкание идет сложно, болезненно и... не всегда. Каждый второй погибает.

- Во-во... все ты знаешь... хмм... даже слишком много знаешь! Дай-ка я угадаю... Мастер смерти?! Вот же демон! Обычные Псы не шибко разбираются в наркоте, а ты сыплешь

знаниями, как со страницы книги! Точно – убийца! Все, молчу, молчу! Ты не особо распространяйся о своих знаниях! Умный человек тебя тут же вычислит! Отдохнул? Давай-ка, не ленись! Сейчас я тебе еще кое-что покажу, только нужно хорошенько смазать... некоторые женщины любят туда. По слухам, твоя «обожаемая»... хмм... обожает туда. Извращенка еще та! И любит, когда ей делают больно, учти. Только не так больно, как... больно, а чтобы хорошо! Я тебе сейчас покажу, как это...

* * *

- Привет, Адрус.

- Приветствую, Вожак! – Адрус вытянулся, сжав руки в кулаки, опустив их вдоль тела.

- Мне сказали, ты готов к работе. Ты знаешь, зачем я тебя вызвал?

- Нет. Но догадываюсь.

- Это хорошо, что догадываешься. Слушай меня внимательно! Итак, завтра утром ты покинешь Школу. Возможно, навсегда. Ты отправишься во дворец, где станешь телохранителем принцессы и ее слугой. Да, для всех ты будешь слуга, секретарь...

- И?

- И... как получится. Принцесса вольна в своих желаниях. Мы подготовили тебя в достаточной степени, чтобы ты был готов ко всему. Служба телохранителем не означает, что служба Мастера смерти тебя не касается. Это не так. В любой момент ты можешь получить приказ. Но главная задача все-таки сделать так, чтобы твоя принцесса жила. Вряд ли от тебя будут требовать большего. Познакомься, перед тобой Глава Секретной службы Недер Норанс. Теперь он твой начальник, командир и все, что с этим связано. Ты будешь делать то, что он скажет.

- Слушаюсь, Вожак! – Адрус отсалютовал по-военному, хоть и был одет в гражданскую одежду. Вчера ему принесли пошитые на него штаны, рубахи, ботинки – все из хорошей ткани, но скромнее, чем у богачей. Слуге нельзя одеваться богаче, чем господа. Впрочем – у них это все равно никогда не получится. Две недели назад его переселили в отдельную комнату, так что спал Звереныш в одиночестве – тогда, когда с ним рядом не было Энеры, усиленно обучавшей его манерам, поведению в постели и другим умениям – например, изготавливать возбуждающие зелья, усыпляющие снадобья, и всякую такую дребедень, которой учат женщин-агентов.

Вчера Энера исчезла, не попрощавшись, будто ее никогда не было в жизни Адруса. Впрочем, Звереныш ничуть не обольщался – кто он ей? Один из объектов, с которыми женщина должна была спать. Она... такая же тварь, как и все, кто вокруг. То, что Адрус проникся к ней добрыми отношениями, не значит, что и Звереныш растечется в объятиях смазливой шлюшки. Звереныш не таков! Он не верит первой встречной девице, получающей жалованье за то, что спит с кем ей скажут и вытаскивает из них информацию.

- Оставь свои воинские замашки! – поморщился Норанс. – Запомни «сказку» – ты – слуга. Надень эту маску и не снимай ее, пока тебе не прикажут. Ты немного наивный, умный мальчик, который не хочет выпячивать свой ум. Добрый, начитанный, расторопный. Мечтаешь подняться выше и стать... ну... управляющим, к примеру! Управляющим поместьем. Дальше: тебе запрещено открыто применять силу, свои умения, даже если тебя оскорбляют, бьют, унижают. Только если принцессе будет грозить опасность. Все, что тебе покажется опасным или просто подозрительным, сообщай мне лично или же через доверенных лиц во дворце. При необходимости они выйдут с тобой на контакт. Запоминаешь, передаешь все, что видел,

услышал. Слухи тоже несут информацию. У нас есть сведения, что на Императора и его дочь может быть совершено нападение. Мы пока не выявили заговорщиков, но над этим работаем. И ты нам поможешь. Вынюхивай, выпрашивай, постарайся втереться в доверие к дворцовой челяди. С завтрашнего дня тебе будут платить жалованье – две ардамы в неделю. Это хорошие деньги, и по выслуге лет ты будешь получать еще больше, гораздо больше! Кроме того, мы сквозь пальцы смотрим на то, если не в ущерб работе наш агент сумел обогатиться. Главное, не забывай – ты работаешь на Империю, на Императора, и только так! Все остальное – потом! О себе – потом!

Норанс замолчал, собираясь с мыслями, нахмурился, и вокруг его глаз залегли глубокие морщины. Стало видно, что мужчине хорошо за пятьдесят, и жизнь его здорово потрепала. Впрочем, он сумел сохранить военную выправку и легкость движений. Скорее всего, Норанс происходил из Псов, что, в общем-то, было довольно очевидно.

- Иди. Свободен. Твои вещи доставят во дворец, их уже собирают.

Адрус собрался повернуться по-военному, четко, но тут же вспомнил о словах начальника и просто пошел к двери, не оглядываясь назад. Дверь хлопнула, закрываясь у него за спиной, и двое старых знакомых остались наедине.

- У тебя выпить есть? – неожиданно спросил Норанс. – В глотке пересохло. Старую... уставать стал.

- Врешь, – усмехнулся Вожак. – Вот я, это да, устал! Хватит, наверное, работать. Пора на отдых. Засяду в поместье и буду читать глупые любовные романы.

- Каждый год так говоришь, и каждый год едешь и закупаешь новых рабов, – усмехнулся Глава Секретной службы. – Кстати, когда поедешь, прихвати и меня. Прикуплю пару молоденьких рабынь, нужно же кому-то греть мои старые кости? Говорят, от молоденьких женщин и сам молодеешь! Слышал, наши сделали несколько удачных походов на север? Рабов много, подешевели, не то что в прошлом году!

- А что так?

- Сожгли несколько ангирских судов – драконами! Теперь боятся нос сунуть ближе к нашим берегам! А у них с драконами беда – болеют, плесенью покрылись. Внезапно так. Вдруг! Хе-хе-хе...

- Не ты ли поработал, старый лис? – усмехнулся Вожак. – С чего это вдруг они так разболелись?

- Может, я, а может, и не я! – в тон ответил довольный Норанс. – Промолчу! Вина-то дашь, нет?

- Дам. Только дерьмовенькое! Угостил бы хорошим, но... Атрапа нет, и вина нет. Теперь он во дворце! Настоятель дворцового храма!

- Слышал, слышал... ну что же, можно его только поздравить. Жалованье больше в несколько раз, а хлопот никаких! Благословляй Императора и Двор, и дел больше нет! Не работа, а отдых! Ладно, налей плохого, раз другого нет... посидим, как в старые добрые времена...

* * *

Адрус сбросил ботинки, запрыгнул на постель и замер, глядя в потолок. Завтра начнется его

новая жизнь. Какой она будет и чем закончится – знает только Создатель. А он, Создатель Сущего, играет судьбой человека, передвигает фигурки на игровой доске, и нет ему дела до боли людской.

Впрочем – как и всем. Все живут только для себя, обманывают, убивают, воруют – страшный, мерзкий мир! Жить в нем совершенно не хочется.

Завершить дело, и тогда можно будет подумать, что делать дальше. Вернуться домой? А где у него теперь дом? Нет дома. Нет семьи. Никого нет. Даже верной собаки нет...

Впервые за долгие месяцы у Адруса защипало глаза, и он едва не заплакал. Потом взял себя в руки, успокоился и решил: он рост! Человек гордого племени! Мама сказала, чтобы Адрус это помнил. Значит, должен вернуться туда, где он родился. К ростам. И все! Ничего другого быть не может!

Приняв решение, Адрус повеселел, расслабился, и внезапно на него навалился сон, тяжелый, мягкий, как подушка величиной с гору. Адрус уснул, наслаждаясь покоем и одиночеством, от которого отвык за этот страшный год. Ему снилось море, лодки под парусами, невод с рыбой, с которого осыпались сверкающие капли воды, подсвеченные полуденным солнцем, отец – могучий, веселый... живой.

Адрусу было хорошо. Так хорошо, как бывает только во сне. Завтра будет пробуждение, а пока – море, солнце, покой и счастье...